

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 2(170)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент Российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Суйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 6 ШАМАХОВ В. А.**
Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области:
взгляд историка
- 7 ХЛУТКОВ А. Д.**
Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области:
взгляд экономиста

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 СЕМЕНОВ В. А., ЕРЕШКИН В. В.**
Современные вызовы становлению эффективного функционирования
органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 24 ПАНОВА Е. В.**
Социально-коммуникативная технология работы с общественным
мнением в условиях экологического инцидента
- 46 ФРОЛОВ А. А., СОКОЛОВ А. В., ЕГОРОВ Д. В.**
Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 56 МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А., ХЛУТКОВ А. Д.**
Между отраслью и пространством: опыт управления российской
экономикой и его имплементация на Западе
- 66 ЛАПЫГИН Ю. Н., ТАЛОВ Р. К.**
Экономическая безопасность в документах
стратегического планирования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 81 КОТОВ А. И., ЛИХТИН А. А.**
Урбанистика и городское планирование: симбиоз знаний и практики
на службе у человека
- 90 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Русские философы о понятии научного мировоззрения
- 99 СЕРОВА Е. Г., ВОРОБЬЕВ П. Ф., ФАЙНШТЕЙН Е. М.**
Влияние пандемии COVID-19 на ресторанный бизнес: рекомендации
на основе экспертного интервью
- 122 КУГАЙ А. И.**
Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные
экстремистские группировки и выхода из них
- 132 ГОНЧАРЕНКО Л. Н., АВАКОВА Э. Б.**
Исторические законы в системе современных знаний о прошлом
человеческого общества

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 6** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Effective Development of Saint Petersburg and Leningrad Region:
The Historian's View
- 7** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Variability and Consistency of the Management System.
The Economist's View

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8** **VLADIMIR A. SEMENOV, VLADIMIR V. ERESHKIN**
Modern Challenges to Effective Functioning of Local Self-Government
(On the Example of Saint Petersburg)

POLICY AND LAWFUL STATE

- 24** **ELENA V. PANOVA**
Socio-Communicative Technology of Working with Public Opinion
in the Context of an Environmental Incident
- 46** **ALEXANDER A. FROLOV, ALEXANDER V. SOKOLOV, DANIIL V. EGOROV**
Key Characteristics of Digital Ecosystems in Politics

POWER AND ECONOMY

- 56** **NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV, ANDREY D. KHLUTKOV**
Between Industry and Space: Experience in Managing
the Russian Economy and Its Implementation in the West
- 66** **YURY N. LAPYGIN*, RUSLAN K. TALOV**
Economic Security in Strategic Planning Documents

SOCIETY AND REFORMS

- 81** **ANATOLY I. KOTOV, ANATOLY A. LIKHTIN**
Urbanism and Urban Planning: A Symbiosis of Knowledge and Practice
in the Service of Human
- 90** **VLADIMIR B. ALEKSANDROV**
Russian Philosophers on the Concept of a Scientific Worldview
- 99** **ELENA G. SEROVA, PAVEL F. VOROBYEV, ELIZAVETA M. FAINSHTEIN**
Impact of the COVID-19 Pandemic on the Restaurant:
Recommendations Based on an Expert Interview
- 122** **ALEXANDER I. KUGAY**
Hopes and Disappointment: Processes of Getting Involved
in and Out of Radical Extremist Groups
- 132** **LEV N. GONCHARENKO, ELINA B. AVAKOVA**
Historical Laws in the System of Modern Knowledge
about the Past of Human Society

Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области:

взгляд историка

Effective Development of Saint Petersburg and Leningrad Region: The Historian's View

Эффективность регионального развития, безусловно, зависит не только от системы управления. Существуют географические, исторические, экономические предпосылки, которые неизбежно являются ограничителями эффективного развития. В нормальных, не чрезвычайных условиях невозможно заменить Копенгаген, Лондон, Мадрид, Тегеран или Пекин на какой-то другой город. Особые, исключительные ситуации не в счет. Бонн был немецкой столицей не в силу каких-то предпосылок, а вопреки им. Военно-исторические и политические соображения привели к переезду столицы Турции из Стамбула в Анкару.

Советской России по наследству от Российской империи досталось два уникальных города: Москва и Петроград, каждый из которых мог стать столицей нового государства. Достаточно быстро столичные функции закрепились за Москвой, но это было возвращение столицы в Москву.

Санкт-Петербург изначально развивался как окно в Европу — это общеизвестно. Менее известно то, что как транспортный, инфраструктурный центр Петербург стал утрачивать свое влияние уже при Петре Первом.

По количеству судозаходов Рига обогнала Санкт-Петербург в середине XVIII века. А строительство железной дороги Царицын — Рига, безусловно, помогло этому городу стать неформальной балтийской столицей России. Распад Российской империи парадоксальным образом помог Ленинграду: внутренняя конкуренция с Ревелем, Ригой, Либавой и Виндавой исчезла. Порт и город получили новый толчок в развитии. Порт в Усть-Луге начал строиться еще в 30-е годы прошлого века и продолжает строиться сейчас, после восьмидесятилетней паузы.

Справедливо считается, что Москва — порт пяти морей, но точно так же и Петербург порт все тех же пяти морей.

Этот исторический экскурс приведен не случайно. Сегодня у Петербурга и Ленинградской области есть прекрасный шанс стать центром пересечения международных транспортных коридоров «Север — Юг» (от Арктики до Индийского океана) и «Запад — Восток» (от Китая до Европы). Для понимания исторического и экономического значения этой возможности нам необходимо возвращаться к анализу историко-экономических закономерностей развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Новая модель управления не должна игнорировать накопленный исторический опыт. Практики прошлого — неоценимый ресурс совершенствования управления в будущем.

*В. А. Шамахов
научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
главный редактор*

Эффективное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области:

взгляд экономиста

Variability and Consistency of the Management System. The Economist's View

Региональное развитие — процесс, который в идеальном варианте должен быть постоянным. Избыточная скорость столь же опасна, как и отставание от требований времени. На практике все не совсем так. Одни экономические возможности для роста — под влиянием внешней и внутренней конъюнктуры — увеличиваются. Однако другие потенциальные ресурсы в этот же момент могут сокращаться.

Многие достижения социально-экономического развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области были абсолютно закономерно связаны с выгодами географического положения. Возможности использования этого потенциала к началу XXI века существенно возросли. Роль промышленности в регионе практически не сократилась, но сама промышленность стала другой, и эти изменения далеко не полностью были акцептированы событиями 2022 года. Все, что сделано для создания фармацевтического кластера, как выяснилось, было абсолютно верным и единственно правильным решением. Транзит, транспорт, логистика как направления стратегического развития для Санкт-Петербурга оказались весьма перспективными.

Несколько сложнее с автомобильным кластером: назвать эту отрасль высокотехнологичной в условиях третьего десятилетия XXI века не совсем правильно. Вспомним, что отрасль развивалась на иностранных автокомпонентах. Понятно, что в текущих условиях технологические цепочки разрушаются.

Разрушение производственных и логистических цепочек дало новую оценку развития целлюлозно-бумажной и пищевой промышленности в регионе. Сегодня мы можем сказать, что негативные последствия тесных экономических и технологических связей с Финляндией оказались существенными. Негативные последствия очевидны и для нас, и для самих финнов, но сама по себе отрасль была, есть и будет отраслью специализации региональной экономики. Для нас очевидна необходимость выстраивания полного технологического цикла внутри страны.

Нет никаких сомнений в том, что социально-экономический потенциал Санкт-Петербурга и Ленинградской области позволяет нам остаться одним из ведущих регионов Российской Федерации. Для этого необходима серьезная работа в направлении перспективных направлений экономической специализации, связанных с новыми экономическими условиями, и, если это необходимо, совершенствования управленческой структуры.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета*

Современные вызовы становлению эффективного функционирования органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга)

Семенов В. А., Ерешкин В. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vereshkin-21@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В новейшей истории понятие «публичная власть» являлось собирательным и не фиксировалось в законодательных и нормативно-правовых актах. В соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» органы местного самоуправления (далее — органы МСУ) были отнесены к органам публичной власти¹. 132 статьей Конституции РФ органы МСУ и органы государственной власти внесены в единую систему публичной власти в Российской Федерации и стали осуществлять взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории².

Статьей 35.1 Закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» депутаты представительного органа МСУ для осуществления своих полномочий наделены правом образования политических фракций. Деятельность таких фракций устанавливается и регулируется нормативными правовыми актами муниципального образования.

В результате распада Советского Союза и появления Российской Федерации, провозглашения демократических ценностей и демократизации общества, стали появляться политические партии и иные общественные организации. Новые оппозиционные акторы и лидеры смогли организовать коллективно взаимосвязанное, турбулентно усиливающееся действие против существующей власти, которые сразу после завершения протестных акций, мобилизовали протестное настроение электората, который на выборах в 2017 г., 2019 г. в Москве, 2019 г. в Санкт-Петербурге провел в органы МСУ Москвы и Санкт-Петербурга «независимых» муниципальных депутатов от исполнительных органов государственной власти (далее — ИОГВ) в представительные органы МСУ, тем самым создав очаги политической и социальной напряженности.

Главным аспектом в политической борьбе за степень влияния на политическую стабильность, а именно, смена составов представительных органов в муниципалитетах МО Светлановское, МО Смольнинское, МО Лиговка-Ямское, МО Литейный округ, МО Владимирский округ Санкт-Петербурга, явилась следствием внутрипартийной борьбы во властных структурах. Внутрипартийная борьба между исполнительной и законодательной властью за степень территориального влияния в Санкт-Петербурге является особенностью городов федерального значения с их постоянной борьбой элит за максимальную концентрацию властного ресурса в своих руках³.

Таким образом, в результате низкой организации и недостаточного контроля выборного процесса ИОГВ, у оппозиционных сил появилась дополнительная возможность осуществить свой достаточно высокий контроль муниципальных выборов на соответствие законодательным требованиям и продвижения самостоятельных кандидатов.

¹ СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 19.02.2022).

² Официальный сайт Консультант Плюс.

³ Каторгина В. С., Семенов В. А. Местные референдумы в Северо-Западном федеральном округе (ретроспективный анализ и перспективы развития) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2007. № 9 (15) [Электронный ресурс] URL: <http://jurnal.org/articles/2007/polit21.html> (дата обращения: 19.02.2022).

Благодаря сложившейся ситуации по итогам выборов новые представительные органы МСУ были сформированы самостоятельными несистемными депутатами и членами оппозиционных партий. Появившийся в органах МСУ Санкт-Петербурга плюрализм мнений приобрел особую значимость, поскольку без достижения согласия для принятия решений невозможна работа представительного органа МСУ, а следовательно, невозможна и реализация конституционного права граждан на осуществление местного самоуправления, законного функционирования органов МСУ по решению вопросов местного значения и исполнению отдельных государственных полномочий. Существование в правовом поле внутренне высококонфликтного представительного органа МСУ порождает социальную напряженность в обществе, политическую дестабилизацию и, как следствие, общее недоверие к государственной власти в целом, так как органы государственной власти напрямую участвуют в формировании органов МСУ Санкт-Петербурга, где исполнение полномочий местного самоуправления связано с такими особенностями, как наличие высокого уровня образования граждан, плотность населения, степень вовлеченности в избирательные процессы, общая политическая и социальная грамотность населения¹.

В 2015 г. была установлена процедура определения глав органа МСУ путем отбора заявленных кандидатов на пост главы конкурсной комиссией, где половину состава комиссии должны занимать представители госвласти с целью повышения контроля над главами муниципалитетов. В 2020 г. поправки к Конституции РФ закрепили «встраивание» локального уровня в систему публичной власти, окончательно лишив муниципалов от носительной самостоятельности от государства [6].

Целью статьи является установление причин возникновения недееспособности представительного органа МСУ после муниципальных выборов 2019 г., поиск возможных путей создания условий для дальнейшего функционирования муниципалитета в новых условиях плюрализма мнений среди нового созыва муниципальных депутатов, исследование причин возникновения создавшейся ситуации, поиск и предложение возможных путей решения вопроса адаптации представительного органа к новым условиям функционирования.

На основе проведенного исследования авторы заявляют о необходимости принятия мер реагирования государственной властью, направленных на поиск возможностей и создание условий для исполнения полномочий представительным органом, депутатами и главами муниципалитета в новых условиях функционирования органов МСУ.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, система публичной власти, государственное управление, местное самоуправление, плюрализм мнений, принятие решений при самоуправлении, демократия, представительные органы, самоуправление Санкт-Петербурга

Для цитирования: Семенов В. А., Еreshкин В. В. Современные вызовы становлению эффективного функционирования органов местного самоуправления (на примере г. Санкт-Петербурга) // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 8–23.

Modern Challenges to Effective Functioning of Local Self-Government (On the Example of Saint Petersburg)

Vladimir A. Semenov, Vladimir V. Ereshkin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; vereshkin-21@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

In recent history the concept of “public authority” was collective and was not fixed in legislative and normative-legal acts. Under the Law of the Russian Federation on amendment of the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 № 1-FCL “On improvement of regulation of separate issues of organization and functioning of public authorities” local self-government bodies were

¹ Семенов В. А. Политический менеджмент: учеб. пособие для вузов / В. А. Семенов, В. Н. Колесников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2021. 298 с.

referred to public authorities. According to Article 132 of the Constitution of the Russian Federation "Local self-government bodies and public authorities are part of a unified system of public authority in the Russian Federation and interact to most effectively solve problems in the interests of the population living in the respective territory.

Article 35.1 of Federal Law № 131-FL of 06.10.2003 "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" gives elected deputies of a municipal representative body the right to form political factions for the exercise of their powers. The activities of such factions are established and legitimized by a normative legal act of the municipality.

As a result of the collapse of the Soviet Union and emergence of the Russian Federation, proclamation of democratic values and democratization of society, political parties and other public organizations began to appear. New actors and leaders, were able to organize a collective, turbulently increasing action against the government, which immediately after the end of the protests, mobilized the protest mood of the electorate, which in the elections in 2017, 2019 in Moscow, 2019 in St. Petersburg held in local government in Moscow and St. Petersburg "independent" municipal deputies from the territorial executive government in representative bodies of local government, thereby creating pockets of political and social tension.

An important aspect of the political struggle for the degree of influence on political stability, namely the change of power in the municipalities of Svetlanovskoye, Smolninskoye, Ligovka-Yamskoye, Liteiniy District, Vladimirskiy District of St. Petersburg, was the result of an intraparty struggle in the power structures. The intraparty struggle between the executive and legislative branches of power for the degree of territorial influence in St. Petersburg is a characteristic feature of federal cities, with their elites constantly fighting for the maximum concentration of power in their hands.

As a result of the insufficient control of the electoral process by the territorial executive bodies of state power in St. Petersburg, an additional opportunity for opposition forces to exercise sufficient quality control of the electoral process for compliance with legislative requirements.

As a result of this situation, the representative bodies were formed by independent non-systemic deputies. The pluralism of opinions that emerged in local government became particularly important, since without agreement for decision-making the work of representative bodies of local government was impossible, and consequently the exercise of the constitutional rights of citizens to exercise local government and the legitimate functioning of local government in addressing issues of local importance and the execution of certain state powers was impossible.

The existence in the legal field of an internally highly conflictual representative body generates social tension in society, political destabilization and, as a consequence, a general distrust of public authorities in general, since public authorities are directly involved in the formation of local government in St. Petersburg, where the execution of local government authority is associated with such features as a high level of education of citizens, population density, the degree of involvement in electoral processes

In 2015, an additional procedure for recruiting heads of municipalities was introduced - the selection of candidates for the post of head by a competitive commission, where half of the commission's members should be representatives of regional authorities. It was expected that in this way the selection of heads of municipalities would become more controlled. In 2020, the amendments to the Constitution of the Russian Federation consolidated the "incorporation" of the local level into the system of state (public) power, finally depriving municipal authorities of formal autonomy from the state.

The purpose of the article is to establish the causes of incapacity of the representative body of local government of St. Petersburg after the municipal elections of 2019, the search for possible ways to create conditions for further functioning of the municipality in the new conditions of pluralism of opinions among the new convocation of municipal deputies, the study of the causes of the created situation, the search and proposal of possible ways to solve the issue of adaptation of the representative body to the new conditions of functioning.

Based on the research conducted, the authors declare the necessity to take measures to respond to the public authorities aimed at finding opportunities and creating conditions for the performance of powers by the representative body, deputies and heads of the municipality in the new conditions of functioning of local self-government.

Keywords: power system, public administration, local self-government, pluralism of opinions, decision making in self-government, democracy, representative bodies, self-government of St. Petersburg

For citing: Vladimir A. Semenov, Vladimir V. Ereshkin. Modern terms for the functioning of local self-government in St. Petersburg // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 8–23.

Введение

Изучение условий функционирования органов МСУ, образовавшихся после формирования новых составов представительных органов, нуждается в комплексном исследовании причин создавшейся ситуации.

Исследуемая деятельность представительного органа, который наделен нормативным, правовым, организационным, контрольным, кадровым, финансовым и экономическим функционалом, является решающим в системе органов МСУ [8].

Тема роли местного самоуправления отображена во многих периодических изданиях и научных работах, что свидетельствует о важности изучения и понимания процессов на данном уровне публичной власти. Вместе с этим после проведенных выборов в Москве в 2018 г. и Санкт-Петербурге в 2019 г. под действием или противодействием новейших выборных технологий серьезно обновились представительные органы и парламенты, что привело к становлению новых условий их функционирования.

Целью статьи является исследование роли представительного органа МСУ Санкт-Петербурга, причины возникновения плюралистичных депутатских составов представительных органов МСУ в Санкт-Петербурге, определение необходимости формирования условий для полноценного функционирования органов МСУ в новых условиях, которые стали вынуждены учиться исполнять полномочия в условиях политического и социального конфликта, многопартийности, плюрализма мнений на грани необходимого для принятия решения кворума. Создание эффективной системы представительной демократии является главным направлением реформы публичной власти, цель которой повышение уровня и качества демократии, обеспечить максимальную включенность жителей в политическую жизнь [10].

В качестве исследовательского вопроса может быть сформулирован следующий: может ли представительный орган МСУ быть эффективным.

Методология и материалы

Большое количество материалов в периодической печати описывают проблемы системы публичной власти и роли в них местного самоуправления. Это говорит об актуальности института местного самоуправления в настоящее время. Подтверждение этому можно увидеть в большом количестве научных исследований по данной проблематике. Российские исследования в основном посвящены институциональным вопросам развития и функционирования органов МСУ, а также определению их роли и места в системе публичной власти [4].

Необходимо отметить, что в работе российских ученых имеются заключения о необходимости исследования местного самоуправления в контексте общей политической системы и опыта, которые определяют характер функционирования политических институтов, в том числе и муниципальной власти. Поэтому муниципальная публичная власть нуждается в дальнейшем исследовании с точки зрения публично-властных отношений [23].

Кроме того, в связи с малоизученностью вопроса функционирования деятельности представительных органов МСУ авторами для анализа был использован материал научных журналов, а также материалы изучения деятельности представительных органов, их конституционная основа и правовая природа.

Исследование проводилось на основе принципов ивент-анализа, системного, структурно-функционального и сравнительно-исторического анализов, включивших несколько этапов. Первый этап включает изучение появления местного самоуправления и его правовой природы. На втором этапе был проведен анализ сложившейся ситуации по формированию представительного органа МСУ в новейшее время.

На третьем этапе были проанализированы причины, приведшие к формированию новых составов представительных органов в Санкт-Петербурге после муниципальных выборов в 2019 г.

Отличие современных системных научных исследований заключается не в чисто академических разработках, а в реальном познании происходящих в местном самоуправлении процессов и явлений. Это позволяет выявить тенденции развития местного самоуправления в субъектах федерации, сформировать организационные модели местного самоуправления [17].

В заключение были сделаны выводы о дальнейших действиях для создания необходимых условий эффективного функционирования представительного органа. С целью формирования границ проблемного поля проведен общий анализ исследовательских работ, включенных в каталоги библиотеки СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ.

Результаты

Влияние государственной власти на местное самоуправление до и после отмены крепостного права

Историк Византии эллинизированный сириец Прокопий Кесарийский писал: «...славяне и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [12].

История показывает, что к середине XIX в. в общины были объединены 90% крестьян. Крестьянская община являлась самой массовой организацией существования, самоорганизации и социализации низшего сословия. Управление общиной осуществлялось на сельском сходе. С помощью выборов формировались исполнительные органы. Такой порядок установился с древнейших времен. По результатам выборов сход определял ответственных по основным видам деятельности, таких как сборщики налогов, смотрители складов, сторожи, караульщики, пастухи и другие. Выбранные «ответственные» входили в правление. Таким образом, община и стала начальным звеном местного самоуправления. Вместе с этим, в качестве административной ячейки она была интегрирована в государственную систему [13].

Существенные изменения стали происходить в связи с реформированием земского законодательства, что повлияло на количество гласных, а также придало представительным органам сословный характер. Значительно возросло влияние государственных органов на деятельность земских собраний. Земские управы были переподчинены губернатору. Губернатора наделили правом надзора за деятельностью земских учреждений, назначать ревизии земских управ и учреждений. Дополнительно нормативно-правовыми актами закрепили служебную ответственность должностных лиц земских управ перед государственными органами. Дальнейшей реформой земства освободили от продовольственного обеспечения, а также ограничили деятельность в области сбора налоговых отчислений. В период с 1865 г. по начало XIX в. происходило законодательное сдерживание развития полномочий земских собраний и управ. Органы государственной власти увеличили состояние контроля над земской интеллигенцией, имеющей свое мнение о развитии. Администрация губернатора противодействовала народным инициативам о создании органов общеземского управления и оптимизации функционирования земств в рамках одной губернии [11].

Органы местного самоуправления в советский период

Важным является мнение бывшего депутата Государственной Думы Российской империи 4-го созыва Льва Велихова, который в своем фундаментальном труде

о советском хозяйстве сформулировал основные принципы городского управления и роли в нем органов МСУ. Л. А. Велихов очень точно полагал, что Советы, как политический явление, является особым видом пролетарского самоуправления, находящимся под контролем и управлением государственной власти. Кроме того, советское самоуправление отличается от государственной власти по характеру наделенных полномочий. Функции органов МСУ ограничены решением круга хозяйственных вопросов местного значения, а центральная власть решает задачи на государственном уровне.

После революции советское правительство провело реформу местного самоуправления. От народоуправления через самоорганизацию пролетариата была сформирована новая ветвь вертикали государственной власти через разветвленную систему Советов. Впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосовании и выборах, но и в повседневном управлении. Социализм должен был решить вопрос управления путем самоуправления, чтобы никто не управлял [3]. В условиях существования диктатуры пролетариата была сформирована новая политическая власть. ЦК компартии непосредственно руководил региональными и первичными территориальными отделениями с целью реализации решений партии в минимальные сроки. В задачи местных Советов входила основная функция начальных ячеек — это установление диктатуры пролетариата по принципу единства власти. Таким образом, сформировалось централизованное управление, а Советы перестали являться конституционным институтом самоуправления на местах. Кроме этого, было искусственно ограничено хозяйственное ведение органов МСУ через централизацию финансового обеспечения.

Вместе с этим, существенное влияние на составы представительных органов МСУ оказывала политическая власть. Советы формировались членами Коммунистической партии по принципу преданности и должностной иерархии. Муниципальных депутатов избирали без конкурентной борьбы при почти 100% явке избирателей. Формально представительная власть становилась легитимной. Однако фактически избранные в Советы депутаты были управляемы и подконтрольны действующему политическому режиму, представляя государственные организации, учреждения, комсомол, профсоюзы и иные общественные организации. В действительности органы МСУ управление не осуществляли, а управлялись сверху, являясь низшим звеном государственной власти. Местное самоуправление советского периода можно охарактеризовать как деятельность с целью создания видимости народовластия, внешнего прикрытия существующего тоталитарного строя [7].

Местное самоуправление в Санкт-Петербурге

В 1990–1992 гг. силами первого Президента СССР М. С. Горбачева была восстановлена деятельность Советов. Их сделали настоящим инструментом демократии. Местному самоуправлению были возвращены полномочия по решению задач местного значения и иных местных вопросов. Однако новый Президент РФ демократической России Б. Н. Ельцин в 1992 г. восстановил вертикаль власти, и переподчинил традиционную сферу деятельности муниципалитетов исполнительным органам государственной власти и ее структурам [14].

Между тем мы считаем важным отметить особенность электоральной политики и состав избирателей Санкт-Петербурга, контролируемый государственной властью города. В настоящее время большинство жителей избирательного возраста находятся на государственной службе или работают в бюджетных организациях, подконтрольных исполнительным органам государственной власти (далее — ИОГВ). Администрации районов Санкт-Петербурга по согласованию с Администрацией Губернатора Санкт-Петербурга с целью установления стабильной социальной си-

туации, организуют постоянный социальный и политический контроль местного населения. Модель управления с годами не изменилась. Политтехнологически сформированная с начала 2000-х годов в рамках мобилизации так называемого «государственного электората», она основывается на централизованном управлении государственной внутренней кадровой политикой, с помощью которой происходит подбор кандидатов на муниципальные должности из числа бюджетных должностных лиц, как правило, известных, представляющих крупные социальные и профессиональные группы. Такие должностные лица проводятся через выборный процесс с поддержкой избирателей-бюджетников и «сушки» явки лишних избирателей до необходимого минимума. Такие депутаты фактически становятся функционерами правящей власти и подконтрольными территориальным ИОГВ, в границах территории, где именно они отвечают за организацию и проведение муниципальных выборов. Кроме того, глава администрации района подписывает трудовой договор с руководителями бюджетных организаций, а в профильных отделах администрации района хранятся дела личные и кадрового резерва. Подконтрольных «бюджетников» условно можно разделить на категории. Это лица, назначенные главой администрации, согласованные с главой администрации, а также проведенные депутаты в муниципальные советы. Кандидаты в депутаты от государственной власти, со своей контролируемой электоральной массой, подотчетны территориальным ИОГВ. Традиционно на уровне района составы кандидатов представляли главные врачи поликлиник, директора дошкольных общеобразовательных учреждений [14].

Таким образом, реализуемая в Санкт-Петербурге практика выдвижения в муниципальные депутаты от партии власти является продолжением советской традиции рекрутмента кандидатов из местной элиты государственных учреждений или лидеров общественных организаций [9].

Первые выборы представительных органов МСУ в Санкт-Петербурге прошли в сентябре 1997 г. Из-за низкого порога явки избирателей муниципальные выборы были признаны состоявшимися только в муниципалитетах — сельских поселениях, расположенных вне городской черты. Здесь жители традиционно избирали местное самоуправление именно на таком уровне [9]. Таким образом, в борьбе над социальным и политическим контролем городских территорий, формированием и расходованием бюджета, после наделения внутригородских муниципальных образований необходимыми полномочиями, территориальные ИОГВ вынуждены были мобилизовать административные и электоральные ресурсы, а затем провести «правильные» выборы. В составы представительных органов МСУ вошли главные врачи медицинских учреждений, директора и служащие образовательных учреждений и иные подконтрольные руководители организаций и предприятий¹.

Протестное настроение и умное голосование

В 2017–2019 гг. возросла протестная активность граждан, которая позволила выдвинуть свои социально-экономические и политические требования. Активная стадия протестов в России началась после начала реализации федеральной пенсионной реформы. В 37 субъектах Российской Федерации неожиданно для власти вспыхнуло множество митингов и пикетов, участие в которых приняли почти 20 000 человек. Качественно новая форма протестной активности была организована на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г. Оппозиционным активистам удалось привлечь в участие тысячи граждан. Драйвером протестов стали конкретные проблемы, которые непосредственно касаются жиз-

¹ Официальный сайт МО Светлановское [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80adbkc-3aefnffc4ahj.xn--p1ai/> (дата обращения: 19.02.2022); Официальный сайт МО Сосновское [Электронный ресурс]. URL: <http://mo15.spb.ru/> (дата обращения: 19.02.2022).

ненных интересов простых жителей. Результаты социологических опросов протестующих показали, что 13% членов местных сообществ готовы подписать обращение к власти, 12% заявили о готовности продолжать протестную активность, 9% будут участвовать в забастовках, а 8% из числа опрошенных были готовы взять в руки оружие [25]. Драйвером протестов стали деструктивная деятельность государственной власти, повсеместная коррупция, социальное политическое неравенство, уничтожение демократических основ [27].

На фоне усиливающейся протестной активности в 2019 г. прошли выборы губернатора Санкт-Петербурга и муниципальных депутатов Санкт-Петербурга. Сведения центральной избирательной комиссии о результатах выборов: электоральная явка составила 30%. Для кандидата в муниципалы проходными считаются 30% голосов избирателей. Итогами выборов в представительные органы МСУ для политической партии «Единая Россия» стало падение количества представителей населения с прежних 75 до 60%. Муниципальные выборы в Санкт-Петербурге были названы самыми грязными выборами в истории новой демократии России. Давление на несистемных и системных кандидатов в депутаты оказывалось беспрецедентное, принимавшее часто полукриминальный вид. Тем не менее, оппозиционные силы набрали небывалое количество голосов и избрали около 300 муниципальных депутатов (почти 20% от их общего числа — небывалый успех демократической оппозиции). Значимым явилось представление большинства депутатов в представительных органах МСУ во Владимирском, Смольнинском, Светлановском, Левашово, Литейный округах и других муниципальных советах¹.

Залогом такого успеха стала испытанная в европейских странах стратегия мобилизации электората «smart vote». Данная модель позволила объединить оппозиционные голоса под экономическими лозунгами и направить их против кандидатов от партии власти. Стоит отметить, что данная электоральная технология отлично работает в крупных мегаполисах².

Таким образом, составы муниципальных советов значительно обновились. Переизбраться в новые созывы удалось 596 депутатам, из которых только 558 представителей от политической партии «Единая Россия». Всего партия власти заняла 958 мест в 108 советах, а это на 230 мест меньше, чем на предыдущих муниципальных выборах. Политической партии «Единая Россия» был нанесен сокрушительный численный урон, лишилась большинства в нескольких муниципальных округах, а в двух вообще лишилась представительства. В муниципальном округе Светлановское удалось сохранить четверых членов партии «Единая Россия», в округах Владимирский прошли 12 членов партии «Яблоко», 5 самовыдвиженцев и 3 представителя от партии «Справедливая Россия», в поселке Левашово 8 мест у «Справедливой России» и по одному оказалось у партий КПРФ и ЛДПР. Второй по численности группой муниципальных депутатов стали кандидаты-самовыдвиженцы, они получили 259 мандатов в 76 муниципальных образованиях [20].

Муниципальные Советы после выборов 2019 г.

По результатам муниципальных выборов в нескольких муниципальных образованиях Санкт-Петербурга были сформированы качественно новые составы представительных органов МСУ. В составы муниципальных советов вошли несистемные депутаты самовыдвиженцы, депутаты оппозиционных партий и общественных организаций.

¹ Выборы в Санкт-Петербурге завершены. ИТАР-ТАСС. 14 сентября 2014 г. // URL: <https://tass.ru/spb-news/1441485> (дата обращения: 20.01.2023).

² Политический анализ и прогнозирование: учебник для вузов / под общ. ред. В.А. Семенова. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022. 433 с.

На начальном этапе работы органов МСУ новые условия существенно повлияли на способность муниципальных советов принимать самостоятельные и «независимые» от ИОГВ решения в виде нормативно-правовых актов, муниципальному управлению, вносить изменения в устав в соответствии с меняющимся федеральным и региональным законодательством¹. Некоторые муниципальные советы из-за недееспособности оказались под угрозой роспуска². Таким образом, чем острее политическая борьба при низкой поддержке партии власти, тем больше разногласий в представительном органе МСУ, в том числе при выборах главы муниципального образования [8].

Стоит отметить, что несовершенство действующего законодательства о местном самоуправлении привело к невозможности выбора глав отдельных муниципальных округов. Противоречившим Конституции признан п. 6 ч. 1 ст. 44 Закона об общих принципах организации органов МСУ в той мере, в какой он, не исключая наличия в уставе муниципалитета положения об избрании главы из состава представительного органа квалифицированным большинством голосов, не сопровождается правилами, позволяющими определить лицо, временно осуществляющее полномочия главы до его избрания согласно установленной норме голосования, а также положениями, предусматривающими правотворческие полномочия представительных органов МСУ по разрешению такой ситуации. Конституционный Суд отметил, что невозможность избрания главы округа из-за повышенной нормы голосования создает дополнительные преимущества для сохранения полномочий ранее избранного главы, а это порождает несменяемость власти, ограничивает самостоятельность органов МСУ и реализации избирательных прав граждан [21].

Ярким примером явилась политическая ситуация в МО Светлановское Санкт-Петербурга. В представительный орган МСУ были избраны 20 депутатов, из которых 8 самовыдвиженцев (в том числе членов штаба Алексея Навального), 3 члена «КПРФ», 2 кандидата от «КПРФ», 4 члена партии «Единая Россия», 1 член партии «Яблоко», 2 члена общественной организации «За новый социализм». Сразу появилась необходимость качественно нового подхода к проблематике разрешения социальных и политических конфликтов. Ориентация на силовые методы решения вопроса в данном случае не срабатывает, так как органы местного самоуправления относятся к публичной власти, а депутаты обладают неприкосновенностью. Уместно в этой связи вспомнить мысль Мишеля Фуко о наличии приоритетных социокультурных рациональностей в обществе: свобода и обязанности перед обществом [16].

Ярким отображением деятельности органов МСУ являются результаты мониторинга социально-экономического развития (далее — СЭР) муниципальных образований Санкт-Петербурга и оценки эффективности деятельности органов МСУ Санкт-Петербурга, ежегодно проводимого ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр». Так, по итогам 2019 г. муниципальные образования: МО Светлановское занимало 10 место, в 2020 г. оказалось на 15 месте; МО Смольнинское в 2019 г. занимало 14 место, в 2020 г. заняло 20 место; МО Лиговка-Ямская в 2019 г. занимало 5 место, в 2020 г. заняло 7 место; МО Литейный округ в 2019 г. занимало 8 место, в 2020 г. заняло 20 место³. Таким образом, отсутствие созидательной и конструктивной направленности деятельности муниципальных

¹ Официальный сайт МО Светлановское.

² Муниципалитеты. Год после выборов. Работа по хозяйству и борьба за власть // Фонтанка.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/09/02/69453447/> (дата обращения: 19.02.2022).

³ Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ktr/statistika/> (дата обращения: 10.03.2022).

депутатов представительного органа напрямую привело к падению показателей СЭР муниципалитета и падению качества жизни местного сообщества.

Зарубежный опыт эффективного функционирования местного самоуправления

Управление и программы. В развитых странах органы МСУ реализуют социально-экономические программы и находятся под жестким контролем государства. ИОГВ установили прямой контроль за эффективной деятельностью органов МСУ и в случае возникновения проблем функционирования представительных органов непосредственно осуществляют вмешательство в ситуацию и производят внешнее управление.

В Финляндии активно внедряется модель Public management на принципах Good Governance, в которой разделяются функции органов МСУ как заказчиков услуг, также финансирующих процесс их предоставления, и функции непосредственного процесса предоставления соответствующей услуги, которая может исполняться различными организациями, включая частные и некоммерческие. В данном случае на передний план выдвигаются проблемы реализации принципов «разумного финансового менеджмента» (сокращение затрат бюджета без снижения желаемого результата) и «эффективности и результативности» (учитывающего конечные эффекты реализации политики муниципального образования). Кроме этого, муниципалитетами представлен вариант развития «Новый муниципалитет — программа развития», включающий основные проблемы и вызовы органам МСУ с учетом будущего развития [5].

За функционированием органов МСУ в унитарных государствах наблюдают государственные органы. Так, в Великобритании за местным самоуправлением осуществляет надзор Министерство жилищного хозяйства и местного управления, а во Франции и Италии — Министерство внутренних дел. Правительство Японии данные функции делегировало Министерству по делам местных автономий. Во Франции органы МСУ свои решения по вопросам планирования и расходования местного бюджета согласовывают с органами государственной власти. В ФРГ контролем над расходованием средств местного бюджета занимается правительство земель. ИОГВ контролирует работу органов МСУ через финансирование деятельности главных распорядителей бюджетных средств. Органы МСУ подвергаются всестороннему административному надзору (Fachaufsicht) со стороны ИОГВ (является интегрированной формой госуправления). Полный финансовый и управленческий контроль создает структуру и координацию деятельности органов МСУ по отношению к делегированным обязанностям. Кроме того, контроль со стороны ИОГВ касается обязанностей по местному самоуправлению в виде правового надзора (Rechtsaufsicht) [29].

Дотации. Органы МСУ Японии принимают решения по согласованию с министерствами и руководителями ведомств, осуществляющими контроль деятельности местного самоуправления. Исполнительные органы власти делают рекомендации, которые на практике являются обязательными для исполнения. В США дотационная политика в отношении органов МСУ соответствует 25% доходов, а в Англии дотирование местных бюджетов выше суммы поступлений от всех налогов. Если местное самоуправление инициирует несогласие существующей финансовой политике, то органы исполнительной власти могут применить санкции, вплоть до роспуска представительного органа МСУ. В особых случаях применяется принудительная отставка служащих или муниципальных советников. В случае отклонения органами МСУ принятых государственных решений, правительственных представитель применяет меры реагирования в виде воздействия и принуждения, а в особых случаях — административное наказание или лишение дотаций. Таким образом, создана финансовая зависимость, с помощью которой органы МСУ держат в подчинении [22].

В скандинавском варианте органы МСУ являются социально ориентированными. Задача органов МСУ обеспечить местное благосостояние. Эта цель сделала органы МСУ перегруженными обязанностями и неустойчивыми к вмешательству и реформам ИОГВ, что явилось сокращением местной автономии [28].

Обсуждение и выводы

В Российской Федерации система местного самоуправления соответствует признакам и характеристикам континентальной и немецкой модели [2]. Эти модели позволяют контролировать деятельность органов МСУ со стороны ИОГВ [24].

Эффективность государственной политики и доверие к власти зависят от вовлеченности граждан в процесс управления и прозрачности процессов [26]. Существование различных форм организации органов МСУ не станет готовым решением эффективной модели управления применительно ко всем членам Хартии МСУ. Представительный плюрализм предоставляет новые возможности и влияет на развитие местного самоуправления [19]. Успешный опыт реализации местного самоуправления в западноевропейских странах может стать основой организации органов МСУ с учетом адаптирования под особенности региона [18].

После муниципальных выборов в Санкт-Петербурге 2019 г. возникла ситуация, при которой появилась острая потребность в достижении согласия и общественной интеграции в решении вопросов местного значения, в решении всех спорных вопросов с использованием медиационных технологий, переговоров и других конфликтологических технологий¹. Появившийся в органах МСУ плюрализм мнений приобрел особую важность, поскольку без достижения согласия на основе компромисса зачастую невозможна работа представительного органа МСУ, а следовательно, невозможна реализация гражданских прав на местное самоуправление, законного функционирования органов МСУ по решению вопросов местного значения и исполнению отдельных государственных полномочий.

В местном самоуправлении возникли существенные дисбалансы интересов и видения будущего развития, при котором стало невозможно полноценное функционирование органов МСУ в рамках наделенных законом полномочий. Представительному органу стало сложно принимать решения, издавать нормативно-правовые акты, регулировать работу муниципалитета, определять пути развития муниципалитета, формировать муниципальные программы, принимать и исполнять местные бюджеты, осуществлять отдельные переданные государственные полномочия. Некоторые муниципалы фактически оказались на грани потери дееспособности в части исполнения законных функций.

Как следствие — неполноценное функционирование недееспособного представительного органа МСУ резко создает социальную напряженность в границах муниципалитета (МО Светлановское 89 647 жителей²), политическую дестабилизацию и, как следствие, вызывает общее недоверие к государственной власти в целом, так как органы государственной власти по закону участвуют в формировании органов МСУ, тем более в Санкт-Петербурге, где особенность исполнения полномочий местного самоуправления характеризуется непосредственным взаимодействием с гражданами, отличающимися высокой степенью вовлеченности в местное самоуправление, высоким уровнем образования, общей политической и социальной грамотностью.

Таким образом, среди муниципальных депутатов представительного органа МСУ появилась острая необходимость в скорейшем достижении согласия и обществен-

¹ Семенов В. А. Конфликтменеджмент (парадигмы, школы, технологии): учеб. пособие. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2021. 444 с.

² Официальный сайт МО Светлановское.

ной интеграции для решения местных вопросов, вопросов о путях СЭР муниципалитета на основе конфликтологических технологий разрешения конфликтов¹. Это обстоятельство приобрело особую важность, поскольку без достижения необходимого баланса в отношениях между конфликтующими сторонами невозможна работа представительного органа МСУ, а следовательно, представительный орган может быть распущен по требованию надзорных органов посредством обращения для разрешения данного конфликта к судебной власти².

В соответствии с законодательством об органах МСУ и выборах, в случае роспуска представительного органа назначаются и проводятся новые выборы на должности муниципальных депутатов. Однако это не гарантирует формирование нового состава, отличающегося отсутствием указанных дисбалансов. И такая ситуация может продолжаться неоднократно.

Согласно действующему законодательству нормативно-правовыми актами предусмотрены меры ответственности депутатов, а также представительного органа за незаконные действия или бездействие. В таком случае применяют процедуру отзыва депутата, привлечение должностного лица к ответственности или роспуск представительного органа МСУ. Однако в настоящее время практика применения отзыва депутата не реализована в связи с серьезными недостатками в законодательстве [15]. Кроме того, нереализуемой является процедура привлечения должностных лиц органов МСУ к различной правовой ответственности. Действующее законодательство не предусматривает возможности квалифицировать правонарушение и привлечь к ответственности должностных лиц органов МСУ. Существующие в практике Санкт-Петербурга возможности привлечения муниципальных депутатов к ответственности реализуются не на основании постановления органа судебной власти, а через инструменты и методы воздействия исполнительных органов власти, что противоречит общим принципам местного самоуправления на право самостоятельного функционирования в решении населением вопросов местного значения [1]. Таким образом, формально обладая достаточными полномочиями, фактически представительные органы МСУ невозможно привлечь к ответственности в случае выявленных правонарушений [8].

Заключение

Данное исследование является одной из первых работ по комплексному исследованию причин формирования плюралистичных представительных органов МСУ Санкт-Петербурга и возникших проблем для их дальнейшего эффективного функционирования.

По результатам проведенного анализа нормативной базы, а также существующей практики были выявлены правовые лакуны, создающие препятствия к созданию продуктивного поля для реализации наделенных полномочиями представительным органом муниципальных образований, а также сделаны конкретные выводы и предложения для их устранения.

Была изучена вновь складывающаяся практика консолидации муниципальных депутатов представительного органа МО Светлановское в целях формирования дееспособности принимать решения представительным органом МСУ в условиях конфликта интересов.

Указанные выводы и предложения должны рассматриваться как рекомендации в деятельности органов МСУ руководящими лицами. Дополнительно органами

¹ Светлов В. А. Конфликтология: учебник для вузов / В. А. Светлов, В. А. Семенов. М. : Издательство Юрайт, 2021. 351 с.

² СПС Консультант Плюс.

государственной и муниципальной власти они могут быть оценены в реальной практике и использованы в правотворческой деятельности. Теоретическая значимость заключается в сформулированных выводах по вопросу создания условий для эффективного функционирования представительного органа в условиях конфликта интересов плюралистического состава совета муниципальных депутатов. Данные выводы особенно актуальны для проведения муниципальной реформы при формировании новых составов советов и изменения границ муниципалитетов.

Практическая значимость заключается в сделанных выводах и предложениях, которые можно использовать для работы по совершенствованию нормативно-правовой и законодательной базы органов МСУ и государственной власти субъекта РФ.

Выводы

Необходимо:

- 1) законодательно реализовать нормы права по деполитизации и департизации муниципальных выборов и местного самоуправления с целью дальнейшего формирования беспартийных представительных органов. Партийность в представительном органе приводит к политизации местного самоуправления, что противоречит правовой природе местного самоуправления. Вместо решения хозяйственных, социальных и культурных вопросов местной жизни депутаты создают партийные фракции, начинают использовать представительный орган для политической демагогии и партийных заявлений. Местное самоуправление попадает в зависимость от партийных интересов и партийной идеологии, решения принимаются в соответствии с партийными политическими программами;
- 2) применить положительный опыт Финляндии по созданию 5-летней стратегии СЭР развития муниципалитета на срок полномочий нового созыва депутатов. Программа должна приниматься после формирования нового состава представительного органа, с учетом предвыборных программ избранных депутатов, отражать наиболее острые проблемы и вызовы современного этапа развития муниципалитета и формулировать базовые направления дальнейшего развития в течение 5 лет. Программа должна соответствовать модели Public management на принципах Good Governance, в которой разделяются функции органов МСУ как заказчиков услуг, также финансирующих процесс их предоставления, и функции непосредственного процесса предоставления соответствующей услуги, которая может исполняться различными организациями, включая частные и некоммерческие;
- 3) законодательно закрепить систему отчета муниципального депутата перед избирателями, так как в настоящее время этот процесс регулируется внутренними нормативами представительных органов МСУ;
- 4) дополнить нормативную базу об органах МСУ касаясь основы и механизма реализации ответственности членов выборного органа МСУ перед населением, предусматривающую утрату доверия;
- 5) установить четкий, понятный и реально работающий механизм процедуры отзыва депутата, члена выборного представительного органа МСУ;
- 6) законодательно предусмотреть возможность назначения главы муниципального образования высшим должностным лицом Санкт-Петербурга из числа избранных депутатов. Таким образом будет устранена невозможность избрания главы муниципалитета в случае равенства голосов, а также при многократном переголосовании или попытках уклонения от возможности его избрания депутатами. Процедура назначения главы должна быть согласована с Законодательным органом Санкт-Петербурга и не иметь коррупциогенных факторов;
- 7) ввести целевые социально-экономические показатели эффективности работы представительного органа МСУ и систему отчетности перед государством;

- 8) предложить использовать возможности существующих в стране институтов медиации и конфликтологических служб для разрешения возникающих конфликтов в процессе функционирования органов МСУ. Возникновение и становление такой практики приведет со временем к качественному изменению характера процесса принятия решений и повышению уровня эффективности деятельности органов МСУ.

Литература

1. Алжеев И. А. Конституционно-правовая ответственность должностных лиц местного самоуправления // Право и современные государства. 2014. № 5. С. 23–30.
2. Борисова В. А., Велибекова Л. А. Отечественный и зарубежный опыт организации местного самоуправления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 3 (97).
3. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методе хозяйства. М., 1928.
4. Вульфович Р. М. Проблема определения местного самоуправления как ключевого актора единой системы публичной власти и управления // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 17–32.
5. Вульфович Р. М. Проблемы и пути реализации принципов эффективного государственного и муниципального управления (опыт Финляндии) // Продвижение европейских принципов эффективного управления в органах государственной власти и местного самоуправления Северо-Запада России. М. : РАНХиГС, 2013.
6. Гилев А. В., Шевцова И. К. Бесконфликтная арена? Эффекты введения конкурсной процедуры отбора глав местной администрации в крупных городах России // Политическая наука. 2021. № 2. С. 260–281.
7. Глебова А. Н. К вопросу о существовании института местного самоуправления в советский период // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2015. № 4 (14).
8. Горб В. Г., Выдрин И. В., Качанова Е. А. Социально-экономические показатели качества деятельности представительного органа местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 32–46.
9. Градусова В. Н., Лабудин А. В., Рыбаков Н. И. Проблемы местного самоуправления в Санкт-Петербурге в условиях законодательной реформы // Управленческое консультирование. 2005. № 3. С. 47–60.
10. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Представительный орган в системе муниципальной представительной демократии: некоторые вопросы правового статуса // Вестник Челябинского государственного университета: Право. 2010. № 33 (214). С. 16–26.
11. Жукова Л. А. Влияние института земского самоуправления на процесс формирования гражданского общества в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Электронный информационный портал «Российский интеллектуальный клуб» [Электронный ресурс]. URL: <https://rikmosgu.ru/students/informatization/Zhukova/> (дата обращения: 20.01.2023).
12. Кесарийский Прокопий. О славянах и антах. Материалы к истории древних славян // Вестник древней истории. 1941. № 1 (14). С. 237–240.
13. Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С. Самоуправление крестьян России (XIX — начало XXI в.). М. : МГУ, 2004. С. 5–9.
14. Ланкина Т. В. Региональная власть и местное самоуправление в Республике Башкортостан. Казань, 2006. С. 5–24.
15. Митрохина Я. А. Проблемы реализации отзыва выборных лиц местного самоуправления на современном этапе // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 96–101.
16. Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. Визгина В. П., Автономова Н. С. СПб. : А-сад, 1994.
17. Овчинников И. И. Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты). М. : Консалтбанк, 2018.
18. Переходов В. А. Зарубежные модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: сравнительный анализ // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32). С. 22–28.
19. Приймак А. А. Модели формирования органов местного самоуправления и их влияние на статус главы муниципального образования // Научный журнал. 2020. № 1 (46). С. 56–58.

20. *Рогов К.* Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы — 2019. Аналитический доклад. Сер. «Либеральная миссия — Экспертиза». М. : Фонд «Либеральная миссия», 2019.
21. *РАНХиГС* при Президенте Российской Федерации. Обзор судебной практики о местном самоуправлении // Решения высших судов РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ. 2022. № 4 (24). С. 10.
22. *Фененко Ю. В.* Муниципальные системы зарубежных стран: правовые вопросы социальной безопасности. М. : МГИМО-Университет, 2004. С. 40–43.
23. *Фролова И. В., Газизова Л. И.* Муниципальная власть как политический феномен: российское прочтение // *Власть*. 2016. Т. 24. № 12. С. 79–86.
24. *Шутов А. Ю.* Земские выборы в истории России (1864–1917): Исследование избирательных систем. М. : Изд-во Московского университета, 1997.
25. *Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С.* Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // *Вестник Пермского университета*. 2020. № 1. С. 139–151.
26. *Porumbescu G.* Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? // *State and Local Government Review: SAGE Publications*, 2015. N 47 (3). P. 205.
27. *Ratliff T. N. and Hall L. L.* Practicing the art of dissent. Toward a typology of protest activity in the United States // *Humanity & Society*. 2014. N 38. Vol. 3. P. 268–294.
28. *Haveri A.* Nordic local government: A success story, but will it last? // *International Journal of Public Sector Management*. 2015. N 28. Vol. 2. P. 136–149.
29. *Wollmann H., Bouckaert G.* State Organisation in France and Germany between Territorially and Functionality // *Hoffmann-Martinot V., Wollmann H. (eds) State and Local Government Reforms in France and Germany. Urban and Regional Research International*. Vol. 7. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.

Об авторах:

Семенов Владимир Анатольевич, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, профессор, semenov-va@ranepa.ru

Ерешкин Владимир Владимирович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), депутат муниципального совета МО Светлановское Санкт-Петербург; vereshkin-21@edu.ranepa.ru

References

1. Alzheyev I. A. Constitutional and legal responsibility of officials of local self-government // *Law and modern states*. 2014. 5. P. 23–30 (in Rus).
2. Borisova V. A., Velibekova L. A. Domestic and foreign experience in the organization of local self-government // *Management of economic systems*. 2017. N 3 (97) (In Rus).
3. Velikhov L. A. Fundamentals of urban economy. The general doctrine of the city, its management, finances and method of economy. Moscow, 1928 (in Rus).
4. Vulfovich R. M. Problem of defining local self-government as a key actor of the unified system of public authority and management // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 12. P. 17–32 (in Rus).
5. Vulfovich R. M. Problems and ways of implementation of principles of effective state and municipal management (Finland's experience) // *Promotion of European principles of effective management in state authorities and local self-government of North-West Russia*. M. : Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2013 (in Rus).
6. Gilev A. V., Shevtsova I. K. Conflict-free arena? Effects of introducing a competitive procedure for the selection of heads of local administration in large Russian cities // *Political Science*. 2021. N 2. P. 260–281 (in Rus).
7. Glebova A. N. To the question of the existence of the institute of local self-government in the Soviet period // *Universum. Social Sciences: electronic scientific journal*. 2015. N 4 (14) (In Rus).
8. Gorb V. G., Vydrin I. V., Kachanova E. A. Socio-economic indicators of the quality of the representative body of local self-government // *Municipality: Economics and Management*. 2019. N 2 (27). P. 32–46 (in Rus).

9. Gradusova V. N., Labudin A. V., Rybakov N. I. Problems of local self-government in St. Petersburg under the conditions of the legislative reform // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2005. N 3. P. 47–60 (in Rus).
10. Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V. Representative body in the system of municipal representative democracy: some issues of legal status // Bulletin of Chelyabinsk State University: Law. 2010. N 33 (214). P. 16–26 (in Rus).
11. Zhukova L. A. Influence of the institution of zemskoye self-government on the process of civil society formation in the Russian Empire at the turn of XIX–XX centuries // Electronic information portal “Russian Intellectual Club” [Electronic source]. URL: <https://rikmosgu.ru/students/informatization/Zhukova/> (accessed: 20.01.2023) (In Rus).
12. Procopius of Caesarea. On the Slavs and Antes. Materials to the history of the ancient Slavs // Bulletin of ancient history. 1941. N 1 (14). P. 237–240 (in Rus).
13. Kukushkin Y. S., Timofeev N. S. Self-government of peasants in Russia (XIX — beginning of XXI century). Moscow: Moscow State University, 2004. P. 5–9 (in Rus).
14. Lankina T. V. Regional power and local self-government in the Republic of Bashkortostan. Kazan, 2006. P. 5–24 (in Rus).
15. Mitrokhina Y. A. Problems of implementation of recall of elected persons of local self-government at the present stage // Bulletin of SUGU. Series “Law”. 2017. Vol. 17 (4). P. 96–101 (in Rus).
16. Michel Foucault. Words and Things. Archaeology of humanities sciences / translated by Vizgin V. P., Avtonomov N. S. SPb. : A-cad, 1994 (in Rus).
17. Ovchinnikov I. I. Local self-government in the Russian Federation (theoretical, historical and legal aspects). M. : Konsaltbankir, 2018 (in Rus).
18. Perekhodov V. A. Foreign models of interaction between state authorities and local self-government: a comparative analysis // Vestnik PAGS. 2012. N 3 (32). P. 22–28 (in Rus).
19. Priymak A. A. Models of formation of local self-government bodies and their impact on the status of the head of the municipality // Scientific Journal. 2020. N 1 (46). P. 56–58.
20. Rogov K. Counter mobilization. Moscow protests and regional elections — 2019. Analytical report. Liberal Mission — Expertise Series. M. : Liberal Mission Foundation, 2019 (in Rus).
21. RANEPА under the President of the Russian Federation. Review of judicial practice on local self-government // Decisions of the highest courts of the Russian Federation, constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation. 2022. N 4(24). P. 10 (in Rus).
22. Fenenko Y. V. Municipal systems of foreign countries: legal issues of social security. M. : MGIMO-University, 2004. P. 40–43 (in Rus).
23. Frolova I. V., Gazizova L. I. Municipal power as a political phenomenon: Russian reading // Vlast. 2016. N 12. P. 79–86 (in Rus).
24. Shutov A. Y. Zemskie elections in the history of Russia (1864–1917): Investigation of electoral systems. M. : Moscow University, 1997 (in Rus).
25. Yudina T. N., Mazaev Y. N., Bormotova T. M., Zhukov P. S. State and dynamics of protest activity in modern Russian society // Bulletin of Perm University. 2020. N 1. P. 139–151 (in Rus).
26. Porumbescu G. Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? // State and Local Government Review: SAGE Publications, 2015 r. 47(3). P. 205.
27. Ratliff T. N. and Hall L. L. Practicing the art of dissent. Toward a typology of protest activity in the United States // Humanity & Society. 2014. N 38. Vol. 3. P. 268–294.
28. Haveri A. Nordic local government: A success story, but will it last? // International Journal of Public Sector Management. 2015. N 28. Vol. 2. P. 136–149.
29. Wollmann H., Bouckaert G. State Organisation in France and Germany between Territorially and Functionality // Hoffmann-Martinot V., Wollmann H. (eds) State and Local Government Reforms in France and Germany. Urban and Regional Research International. Vol. 7. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.

About the authors:

Vladimir A. Semenov, Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociological Science), Professor; semenov-va@ranepa.ru

Vladimir V. Ereshkin, Graduate Student of the Chair of state And Municipal Management of North-West Institute of Management, branch of RANEPА, Deputy of the Municipal Council of Svetlanovskoye Municipality of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation); vereshkin-21@edu.ranepa.ru

Социально-коммуникативная технология работы с общественным мнением в условиях экологического инцидента

Панова Е. В.

Государственная Дума Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; karryoupe@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8782-3680

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблеме разрешения экологических инцидентов, имеющих различную природу происхождения, построению эффективной модели управления кризисами. В статье исследуются анализ кризисных коммуникаций, субъекты экологических коммуникаций, источники распространения информации, инструменты реагирования.

Цель. Формирование успешной практики преодоления экологического кризиса на основе разработки эффективной коммуникативной стратегии и модели действий.

Методология. В ходе исследования для формирования теоретической базы автор обращался к работам российских и зарубежных исследователей, изучающих вопросы социально-коммуникативных технологий, кризисных коммуникаций. В практической части использованы материалы масс-медиа, информация государственных органов, собственный опыт автора статьи в разрешении кризисных ситуаций. Для создания выводов проводилась оценка стратегий и действий в трех различных категориях экологических кризисов и результаты, к которым они привели.

Результаты. Вопросы охраны окружающей среды и качество экологии все чаще волнуют граждан, они быстро из социальных переходят в политические. Умение грамотно реагировать на преодоление экологических кризисов, минимизация их последствий способны не только сохранить официальную должность представителю органов государственной власти и устойчивость бизнеса, но и обеспечить социальную стабильность в обществе и доверие к институтам управления.

Ключевые слова: кризисные экологические коммуникации, субъекты коммуникации, управление, коммуникативная стратегия

Для цитирования: Панова Е. В. Социально-коммуникативная технология работы с общественным мнением в условиях экологического инцидента // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 24–45.

Socio-Communicative Technology of Working with Public Opinion in the Context of an Environmental Incident

Elena V. Panova

The State Duma the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; karryoupe@gmail.com; ORCID ID 0000-0001-8782-3680

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of resolving environmental incidents of various origins, building an effective crisis management model. The article examines the analysis of crisis communications, subjects of environmental communications, sources of information dissemination, response tools.

Target. Formation of a successful practice of overcoming the environmental crisis based on the development of an effective communication strategy and action model.

Methodology. In the course of the research, in order to form a theoretical base, the author turned to the works of Russian and foreign researchers studying the issues of social and communicative technologies, crisis communications. In the practical part, materials from the mass media, information from state bodies, and the author's own experience in resolving crisis

situations were used. To draw conclusions, strategies and actions in three different categories of environmental crises were evaluated and the results they led to.

Results. Issues of environmental protection and the quality of ecology are increasingly of concern to citizens, they quickly move from social to political. The ability to competently respond to overcoming environmental crises, minimizing their consequences can not only maintain the official position of a representative of state authorities and business stability, but also ensure social stability in society and trust in management institutions.

Keywords: Crisis ecological communications, subjects of communication, management, communication strategy

For citing: Panova E. V. Socio-Communicative Technology of Working with Public Opinion in the Context of an Environmental Incident // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 24–45.

Настоящая работа посвящена оценке использования социально-коммуникативных технологий при разрешении экологического инцидента. Необходимость решения данной задачи обусловлена следующими обстоятельствами. Качество окружающей среды является базовой потребностью человека, соответственно, любые причины, создающие угрозу ее состоянию, вызывают заметную общественную реакцию. Именно поэтому тема лесных пожаров, наводнений, промышленных загрязнений оперативно попадает в информационную повестку дня. Другой особенностью экологической коммуникации является высокая технологизация коммуникативных процессов, что предполагает непосредственное участие общества в создании новостей и событий.

Соответственно эффективное использование социально-коммуникативных технологий играет ключевую роль в разрешении экологических инцидентов, достижении поставленных целей, сохранении репутации вовлеченных социальных субъектов. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению технологий работы с экологическими инцидентами в информационном пространстве, остановимся на определении социально-коммуникативных технологий (СКТ) и их ключевых характеристиках.

Исследование СКТ за последние годы получило широкое развитие в трудах российских ученых. Вместе с тем, по мнению автора, понятие требует дополнительной проработки применительно к вопросам экологии. На заполнение этого пробела и нацелена настоящая работа.

Само понятие СКТ возникло на стыке двух категорий: социальной технологии [1; 13; 14] и социальной коммуникации [2]. Наиболее полно новое понятие сформулировал Д. П. Гавра [4, с. 10–13]. По его мнению, СКТ — это опирающаяся на определенный план (программу действий) **целенаправленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией** социального субъекта, направленная на решение какой-либо социально значимой задачи. Важно подчеркнуть, что реализация социальных технологий позволяет выявлять и использовать возможности социальной системы в соответствии с целями ее развития, разрешать противоречия между субъектами и объектами управления, применять такие операции и процедуры социального воздействия на объекты социального управления, которые максимально направлены на получение оптимального социального результата.

Соответственно, объектом СКТ может выступать как социальное пространство, так и поведение конкретных субъектов, управление которыми осуществляется через целенаправленную системно организованную социальную коммуникацию [5, с. 409–410].

Предметом СКТ является процесс управления социальным пространством и/или поведением конкретных субъектов для решения определенной социально значимой задачи [4, с. 605].

Основной целью любой социальной технологии является оптимизация управленческого процесса, исключение из него тех функций и операций, которые не спо-

способствуют получению социально приемлемого результата [8, с. 38–41]. Л. Я. Дятченко в качестве основных характеристик выделяет: целесообразность действий, упорядоченность и планомерность, набор действий, рациональность и научный подход, рефлексивность [11, с. 78–82]. По мнению В. Л. Иванова и В. Н. Патрушева, любой социальный процесс может совершаться в трех формах — как последовательные изменения объекта, последовательные действия субъекта, осуществление определенной технологии [15, с. 37].

Таким образом, социально-коммуникативная технология — это сложный многоэтапный процесс, реализуемый организованной группой исполнителей. В качестве **социальных субъектов**, реализующих СКТ, Д. П. Гавра [4, с. 10–13] определяет:

- социальные общности;
- социальные организации;
- социальные институты.

Рассматривая субъекты, ученый, намеренно не рассматривает индивидов как субъектов СКТ, так как социальная технология связана с потребностями, интересами и ценностями коллективных социальных субъектов. Данный принцип применим и для работы с экологической повесткой, так как вопросы экологии чаще становятся актуальными, когда касаются определенных социальных общностей, делая их социально уязвимыми.

Использование социальных технологий в широком смысле зависит от ряда факторов: это качество информации и ее достаточность, своевременность, экономическая целесообразность, поддержка заинтересованных групп и другие. При этом последствия от принятия решений могут произойти как незамедлительно, так и иметь отложенный характер.

С. Ханссон [27, с. 7] уверен, что «коммуникация является одним из ключевых факторов, который может как увеличивать, так и уменьшать уязвимость перед стихийными бедствиями». По мнению автора данного исследования, уязвимость может быть связана со следующими факторами:

- 1) отсутствие доступа к информации;
- 2) отсутствие достаточных знаний для понимания информации;
- 3) невозможность действия.

К различным видам СКТ можно отнести PR, кризисные коммуникации, избирательные технологии [19, с. 125]. Эффективность антикризисных мероприятий напрямую зависит от понимания коммуникации как управленческой деятельности.

Кризисные коммуникации — это деятельность, направленная на установление результативных взаимодействий между организацией и ее общественностью до, во время и после негативных воздействий с целью поддержания устойчивой репутации организации и минимизации репутационных рисков [31, с. 79–83].

По определению английского специалиста в области управления кризисами М. Реджестера, акцент самого понятия «кризис» делается на его коммуникационном аспекте: «Кризис — это событие, по вине которого компания попадает в центр не всегда доброжелательного внимания СМИ и других внешних целевых аудиторий, в том числе акционеров, политиков, профсоюзных организаций, движении в защиту окружающей среды, которые по той или иной причине вполне законно интересуются действиями организации» [28, с. 489–490].

В возникновении любого кризиса всегда есть причины, которые способствовали его развитию: внутренние и внешние, объективные и субъективные, природные, техногенные, информационные [12, с. 149]. Понимание причин произошедшего играет важную роль в выработке стратегии действий. В противном случае ошибки могут усугубить ситуацию и привести к отрицательным результатам.

Применительно к экологии автор выделяет три основные категории кризиса:

- природная катастрофа (пожары, наводнения, землетрясения и пр.);
- опасности техногенного характера (аварии, превышение допустимых нормативов выбросов, сбросов в результате хозяйственной деятельности);
- социальный кризис (гибель людей, угроза загрязнений / загрязнение воды, воздуха, ухудшение жизни в результате деятельности органов власти или организаций и пр.).

М. А. Санджеев в своем исследовании опирается на модель антикризисного управления, предложенную Кумбсом [30, с. 10–13]. Последний выделяет три этапа кризиса: докризисный, кризисный и посткризисный. Докризисный включает выявление кризисных сигналов, подготовку к кризису. Это может быть информация о надвигающемся шторме или выбросах вредных веществ в атмосферу. Стадия кризиса включает распознавание события и реакцию на кризис. Посткризисный этап предполагает оценку и обучение управления кризисом.

Относительно эффективности использования социальной технологии управления кризисными коммуникациями, по нашему мнению, необходимо учитывать следующие особенности.

Первое. Кризис — это неожиданное или нестандартное событие, которое создает угрозу или неопределенность. Кризисы предлагают ограниченную или недостаточную информацию для принятия обоснованных решений, предполагают быстрый ход событий, когда нет времени на подготовку к преодолению кризиса.

Второе. Кризис вызывает пристальное внимание со стороны заинтересованной аудитории. Поэтому основа антикризисного управления — коммуникации. Кризисные коммуникации — это целый комплекс социальных коммуникативных технологий, связанных с прогнозированием, диагностированием, управлением кризисом, адаптацией к новым условиям и нейтрализацией негативных последствий [7, с. 143].

Третье. Процесс разработки и внедрения технологий управления кризисными коммуникациями подразумевает: 1) определение цели; 2) диагностику текущего состояния; 3) разработку возможных вариантов достижения цели; 4) определение инструментов; 5) определение программы действий; 6) контроль и корректировку результатов; 7) оценку эффективности.

Важно также помнить о том, что выбор эффективного канала коммуникации — это уже половина успеха, ведь, если канал выбран неправильно, то информацию просто никто не узнает или узнает тот, кому она не нужна [10, с. 41].

Арсенал инструментов, которые могут быть задействованы на всех этапах кризисного реагирования — этапе подготовки к кризисным ситуациям, этапе преодоления кризиса, этапе восстановления после кризиса — очень широк. Масс-медиа являются основным средством быстрого представления важной информации многим ключевым аудиториям. Более того, медиа будут в месте кризиса, хотим мы этого или нет [28, с. 26]. Поэтому, работая с ними, необходимо помнить, что высокий охват обеспечивает высокий уровень проникновения информации и высокий уровень получения информации всеми заинтересованными сторонами.

Остановимся на специфике и роли интернета. С технологизацией современных процессов, появлением мобильных устройств, социальных сетей — интернет из технического канала коммуникации превратился в информационно-коммуникативное пространство, в среду обитания человека. Как отмечает О. П. Сотникова, «в интернете все процессы многократно ускоряются» [18, с. 11]. Д. Вольтон выделяет следующие характеристика интернета: «скорость, свобода, интерактивность» [3, с. 20]. Сюда также можно добавить и другие особенности интернета: доступ практически в любое время из любой точки мира, оперативное взаимодействие между людьми, независимо от статуса, открытость и прозрачность. При этом оптимизм Вольтона насчет свободы как характеристики всемирной паутины

представляется нам преувеличенным. Согласимся с О. Е. Карпачевой, что «New Media делает интерактивную, социально-коммуникативную среду пространством, где ты можешь не только получать медиа, но и сам производить медиа — коммуницировать с обратной связью» [16, с. 78]. Интернет играет важную роль в период кризисных ситуаций, так как граждане и учреждения используют новые медиа для распространения и сбора информации, обмена эмоциями или обращения к органам власти.

Обобщая существующие в литературе наработки, О. Ю. Голуб [6, с. 9–18] выделяет следующие модели интернет-присутствия в кризисной ситуации:

- 1) использование одного ресурса для максимально более полного информирования общественности о кризисном событии;
- 2) использование интерактивной составляющей интернета посредством активного вовлечения пользователей, открытия форумов, просмотра в режиме реального времени видеорепортажей и видеотрансляций конференций в интернете и т. п.;
- 3) организация обратной связи в виде комментариев и отзывов;
- 4) использование блогинга.

По данным различных исследований, с 2019 г. интернет обошел традиционное телевидение по суточному охвату аудитории¹, и именно в интернете развернулась основная борьба за смыслы и повестку. Более того, как отмечают российские исследователи интернет-пространства, интернет оказывает политизирующее воздействие на массовую аудиторию [20, с. 17].

В кризисной ситуации, мы полагаем; социальные сети используются для: 1) информирования или оповещения; 2) сбора информации и выстраивания обратной связи; 3) контроля информационной повестки; 4) увеличения осведомленности; 5) предоставления конкретной информации; 6) работы со слухами; 7) противодействия информационным атакам и распространению провокационной информации.

Хотя большинство организаций сталкиваются с множеством потенциальных кризисов, не бывает двух идентичных кризисов. Вместе с тем можно выделить общие правила, которые полезны при любом кризисе. Дж. Робертсон [29, с. 9] определяет следующие требования к информации в период кризисной коммуникации:

- 1) сообщать о любых фактах, которые известны прямо сейчас, быстро, точно и доступно;
- 2) рассказать, что вы делаете, чтобы получить больше информации;
- 3) выразить сочувствие в самом начале своего выступления, чтобы не потерять аудиторию;
- 4) определить сроки, когда вы вернетесь, чтобы предоставить дополнительную информацию.

Автор данной работы считает важным дополнить этот список, включив в качестве требований необходимость:

- 1) говорить четко и кратко, честно и искренне, давать актуальную информацию;
- 2) думать стратегически, слушать аудиторию и отвечать на ее запросы;
- 3) сформировать команду из лиц, принимающих решения;
- 4) создавать альянсы с заинтересованными целевыми группами (так, при рассмотрении ЧС, вызванных природными и техногенными ситуациями, значительно возрастает роль отдельных учреждений, например, научных институтов);
- 5) тщательно выбирать спикера;
- 6) гибко действовать, независимо от чрезвычайной ситуации;
- 7) мобилизовать общественность для реализации социально значимой цели. Вовлечение меняет восприятие.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/05/29/802699-internet-dogonyayet> (дата обращения: 20.12.2022).

В условиях кризиса важную роль играет умение управлять коммуникационными ресурсами для достижения социально значимой цели. То же самое относится к вопросам экологии, которые имеют социальную природу, соответственно любые действия носят общественно значимый характер.

По мнению автора, субъектов экологической коммуникации можно разделить на следующие группы.

1. Граждане и общественные группы, непосредственно испытывающие результаты изменения экологической ситуации, как правило, негативного, локальное сообщество. Они вовлекаются в экологическую коммуникацию в случае ухудшения качества окружающей среды или действий, которые могут к этому привести. Например, планы строительства полигона ТКО вблизи железнодорожной станции Шиес¹, открытая перевалка угля в порту Находки².
2. Группы, выступающие против действующих ограничений по воздействию на окружающую среду. Это, как правило, те, кто испытывает определенные неудобства или несет прямые экономические потери в связи с действующими требованиями и ограничениями.
3. Экологические группы и общественные организации, дающие свою оценку происходящему и формирующие собственное коммуникативное пространство.
4. Ученые и научный дискурс, объясняющие причины произошедшего.
5. Корпорации и бизнес, являющиеся участниками события.
6. Масс-медиа, влияющие в целом на картину происшествия.
7. Инфлюенсеры или лидеры мнений (селебрити, блогеры, видеоблогеры), способные повлиять на формат подачи информации и соответственно повысить или снизить уровень доверия со стороны целевой аудитории.
8. Государственные должностные лица и регулирующие органы, формирующие «правила игры» путем принятия законов и нормативно-правовых актов и контролирующие их выполнение. Они также являются одними из ключевых участников кризисных ситуаций, от которых целевые аудитории ждут разъяснений и действий.

Прежде чем приступить к преодолению любого кризиса, важно правильно определиться с целью. Как отмечают индийский ученый М. А. Санджив и его коллеги, описывая кризисную стратегию властей индийского штата Керала, усилия по коммуникации в кризисных ситуациях направлены на достижение трех стратегических целей [30, с. 2]. Основная цель состоит в том, чтобы предоставить «инструктирующую» информацию (точные рекомендации относительно эффективных защитных мер), которая поможет пострадавшим справиться с кризисом. Вторая цель состоит в том, чтобы предоставить «корректирующую» информацию и помочь психологически справиться с кризисом. Третья цель — «восстановление» репутации и уменьшение потери репутации из-за кризиса. Коммуникация в кризисных ситуациях также подразделяется на управление кризисными знаниями и управление реакцией заинтересованных сторон [24, с. 163–176]. Управление знаниями включает в себя действия, связанные с созданием общественного ответа на кризис. Управление реакцией включает в себя действия, направленные на изменение (или формирование) восприятия кризиса.

Рассматривая кризисные коммуникации в экологической повестке, также стоит остановиться на определении возможных источников распространения информации о событии. По мнению автора, можно выделить следующие категории.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shies.pf/хронология-протеста-шиеса/> (дата обращения: 20.12.2022).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190620/1555731854.html> (дата обращения: 20.12.2022).

1. Официальная информация со стороны органов власти.

В 1992 г. после вступления в силу Директивы Совета Европейских сообществ о свободе доступа к информации об окружающей среде европейские страны, США стали принимать законы и правила доступа к экологической информации со стороны граждан. В России закон «Об открытости экологической информации» был принят в марте 2021 г. С его принятием органы государственной и муниципальной власти обязаны размещать в открытом доступе данные о состоянии окружающей среды, радиационной обстановке, об уровне и объеме выбросов, сбросов загрязняющих веществ, об обращении с отходами производства и потребления, о мероприятиях по снижению негативного воздействия на окружающую среду¹. Необходимо отметить, что до принятия закона общая информация о состоянии окружающей среды ежегодно публиковалась в виде докладов Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации². В настоящее время в рамках нацпроекта «Экология» запланировано создание системы мониторинга о состоянии окружающей среды³, которая позволит в режиме реального времени отслеживать текущую ситуацию.

2. Граждане, обеспокоенные происходящими событиями.

Согласно российскому законодательству⁴, граждане могут участвовать в выработке значимых решений: в публичных слушаниях, включая возможность для любого гражданина свободно общаться с государственными должностными лицами, комментировать и задавать вопросы; участвовать в слушаниях, рабочих группах, общественных советах при органах власти и т. д. Например, Правительство России в 2005 г. приняло Постановление о формировании Общественных советов при министерствах и ведомствах для вовлечения граждан в обсуждение и принятие решений⁵.

3. Масс-медиа и сетевые медиа.

Эксперты по изучению восприятия человеком окружающей среды [23] убеждены, что на восприятие макропроблем влияет экологическая коммуникация. Поскольку немногие из нас лично редко сталкиваются с проблемами глобального потепления, утраты биоразнообразия или отравления ртутью, мы полагаемся на сообщения и представления других, особенно средств массовой информации, научные отчеты, фильмы, политические дебаты и прочее.

К числу важных источников информации об окружающей среде относятся средства массовой информации как традиционные, так и сетевые (новостные службы интернета, блоги, веб-телевидение и другие онлайн-источники), которые предлагают большую свободу и новостное пространство.

Медиа не являются и не могут являться полностью объективными или нейтральными в своих материалах об окружающей среде. У них есть собственники, партийные или политические предпочтения и т. п. Профессор социологии Плимутского универ-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/03/09/putin-podpisal-zakon-o-raskrytii-ekologicheskoy-informacii.html> (дата обращения: 20.12.2022).

² См., например, государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennyye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoj_federatsii_v_2020/ (дата обращения: 20.12.2022).

³ Виктория Абраменко: В России запустят новый федеральный проект по экомониторингу: <http://government.ru/news/44457/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ См., например, Конституцию РФ, ФЗ «Об экологической экспертизе».

⁵ Постановление Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководством которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных служб и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/188462/> (дата обращения: 20.12.2022).

ситета Элисон Андерсон [22, с. 18–38] отмечает, что на производство экологических новостей влияет целый ряд факторов: (1) влияние владельцев медиа ресурсов и их экономических интересов на содержание новостей, (2) мнение редактора, (3) достоверность новостей, (4) медиа-подача (или медиа-фреймы) и (5) объективность и сбалансированность. Андерсон обнаружила, что освещение экологических новостей, как правило, включает в себя истории, которые сосредоточены на событиях (например, разливы нефти и рекламные трюки), характеризуются сильными визуальными элементами (фотографии или фильм) и тесно связаны с 24-часовым ежедневным циклом. По мнению автора, сюда также стоит добавить такие критерии, как: масштаб, наличие конфликта и эмоциональное воздействие. Сильная зависимость СМИ от визуальных образов задает конфликтный стандарт подачи экологических новостей посредством освещения драматических визуальных событий (разливы топлива, гибель животных и пр.) и сказывается на объективности повествования.

Дэниелс и Уокер [26, с. 28] считают, что конфликты вокруг темы окружающей среды — неизбежны, часто неразрешимы, но управляемы. По их мнению, задача органов власти заключается в том, чтобы научиться управлять конфликтными ситуациями. **И для этого важно правильное понимание трех элементов: доступ к информации, статус и влияние.**

Именно доступ к информации в последнее время стал определяющим качества экологических коммуникации. Это связано с тем, что наряду с основными средствами массовой информации в последние два десятилетия возникла альтернативная публичная сфера «новых средств массовой информации»: блоги, онлайн-сервисы, веб-телевидение, профессиональные сообщества журналистов-экологов. Они бросили вызов традиционным СМИ и формируют свою повестку, свой собственный привилегированный дискурс. Как уже отмечалось, одна из причин роста числа альтернативных источников новостей, особенно в интернете, заключается в том, что защитники окружающей среды разочарованы недостаточной глубиной и точностью информации, ее сокрытием [25, с. 177–179].

Внимание к экологическим проблемам часто формируется именно в интернете и появляется из социальных сетей. Так было с российскими кейсами последних лет — возникновением темы «китовой тюрьмы» в Приморском крае, появлением ядовитых водорослей на Камчатке, разливом топлива в Красноярском крае и др. Острую реакцию на экологические события можно объяснить тем, что состояние среды воспринимается как напрямую связанное с жизнью и здоровьем человека. Вместе с тем органы власти не всегда могут оперативно оценить уровень риска, поэтому он получает так называемую «народную» трактовку. Сообщение о риске в самой общей форме — это любая публичная или частная коммуникация, которая информирует людей о существовании, характере, форме, серьезности или приемлемости риска. Ярким примером такой коммуникации являются различные сообщения МЧС России о возможных рисках и чрезвычайных ситуациях, в том числе природного характера.

В целом западные эксперты выделяют две модели экологической коммуникации в условиях риска [25, с. 190–201]: 1) традиционная или техническая, которая направлена на перевод численных оценок риска в публичную сферу, и 2) культурная модель, которая опирается на опыт и знания местных сообществ, а также на лабораторные модели оценки риска. Техническая модель в основу ставит информирование о потенциальной опасности, информация обычно односторонняя. Культурная модель предполагает вовлечение общественности в оценку рисков и разработку кампаний по информированию о рисках с учетом культурных знаний и опыта местных сообществ.

Понимание экологических опасностей зависит не только от самого сообщения, но и от того, кто говорит или интерпретирует информацию о риске. Это могут быть

правительственные чиновники, ученые, общественность, подверженная риску, экологические группы и т. д. Средства массовой информации иногда повторяют некоторые особенности технических моделей коммуникации о рисках, используя в качестве спикеров в первую очередь должностных лиц и экспертов. Официальные данные свидетельствуют о том, что риск контролируется, ответственные учреждения обеспечивают надзор и так далее. Социальные медиа в первую очередь опираются на мнение очевидцев и только потом приводят реакцию органов власти.

Опираясь на научные данные, проведем оценку нескольких экологических инцидентов. Исследование представляет собой анализ наиболее заметных кризисов, которые произошли в последние несколько лет. Целью исследования является анализ коммуникационной деятельности с целью формирования успешной практики во время преодоления экологического кризиса или инцидента. Литература включает в себя как анализ масс-медиа, так и собственные архивные данные автора. Анализ контента будет проводиться через призму реализации социальной коммуникативной технологии. В завершении автор намерен предложить модель коммуникации, возможные варианты коммуникативных стратегий, которые можно воспроизвести при преодолении экологических кризисов или инцидентов самого широкого спектра. Автор рассмотрит три разные категории кризиса (природный, техногенный, социальный), чтобы представить достаточную вариативность действий и инструментов.

Рассмотрение кейсов планируется построить по следующей схеме: анализ произошедшего события (краткосрочное, долгосрочное, есть ответственный, нет ответственного), определение характера сообщения (замалчивание, отрицание, разъяснение); тип коммуникации (односторонняя, двусторонняя). Также будут исследованы: реакция целевых групп, инструменты (медиа, социальные медиа), действия, субъект воздействия, типы коммуникативных стратегий (пропаганда, информирование, манипулирование, управление), наличие альянсов. Важную роль играет и понимание состояния аудитории (осведомленность, благосклонность, неодобрение), ее поведения (от наблюдения до действий).

Первая категория: социальный кризис. Затрагивает большую группу людей, предполагает потенциально негативное воздействие на экосистему местных сообществ.

В качестве примера рассмотрим **строительство полигона ТКО в районе железнодорожной станции Шиес Архангельской области**. События начались летом 2018 г., произошли вырубка более 30 га леса, отсыпка площадки грунтом под полигон для размещения отходов, привозимых из Москвы. Строительство вело ООО «Технопарк», учрежденное департаментом ЖКХ Москвы. Площадку под полигон предоставило ОАО «РЖД» — арендатор территории рядом со станцией¹.

Кризис изначально имел социальный характер, ситуация усугублялась тем, что все действия проводились в закрытом режиме, без коммуникаций с населением. Данные о планах сообщались исключительно медиа, которым удалось выяснить, что в течение 20 лет в Шиес планировалось привезти 10,5 млн тонн мусора. Информация о планах также отсутствовала в федеральном ведомстве — Минприроды России, которое отвечало за реализацию так называемой «мусорной реформы», заключения экологической экспертизы до начала работ получено не было².

Кризис носил затяжной характер и длился почти два года. Жители Архангельской области вели многомесячное противостояние, организовывая пикеты, посты, блокирующие проезд техники, везущей топливо на территорию экотехнопарка «Шиес»,

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/06/09/832242-arhangelskaya-oblast-rastorgla-soglashenie> (дата обращения: 20.12.2022).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48339319> (дата обращения: 20.12.2022).

пытались провести референдум. Местные активисты аргументировали свои действия тем, что складирование отходов приведет к экологической катастрофе из-за близкого расположения водных объектов. Данное мнение подтвердили Росводресурсы России, отметив, что район, выбранный для строительства, находится в границах зоны санитарной охраны источника питьевой воды (II и III пояса)¹.

Волонтерское движение с момента начала акции увеличилось в несколько раз: с двух до семи тысяч человек. На территорию станции с целью урегулирования конфликта были привлечены правоохранительные органы [17, с. 472–474]. Это еще больше обострило противостояние между властью и местными жителями.

В этих условиях жители начали формировать альянсы, привлекая все больше сторонников. К архангелогородцам очень быстро присоединились жители Коми, которых также касалась данная ситуация, так как создавала угрозу для состояния водных объектов. На стороне населения были журналисты и эксперты из других стран, популярные блогеры. Репортажи о ситуации вышли в итальянском издании *Villagio Globale*, *New York Times*, немецкой газете *TAZ*, шведских, норвежских и финских медиа².

Точку в этом кризисе был вынужден поставить Президент России. «Москва не может мусором зарастать, это десятиmillionный город. Но и в других регионах не нужно создавать проблем. В любом случае это должно быть в диалоге с людьми, которые там (в Архангельской области) живут. Я обязательно поговорю и с руководителем области, и Сергеем Семеновичем Собяниным. Они не могут решать это келейно, не спрашивая мнения людей, которые проживают в непосредственной близости от этих полигонов», — заявил Владимир Путин на медиа-форуме ОНФ³. Президент России дал поручение Правительству Архангельской области и Правительству Москвы обеспечить учет мнения населения при решении вопроса о строительстве в районе станции Шиес объектов размещения твердых коммунальных отходов⁴.

Замалчивание привело к тому, что социальный протест перерос в политический. Штрафы и задержания со стороны органов власти только обостряли ситуацию. Общественность выразила недовольство деятельностью губернатора Архангельской области И. Орлова и потребовала его отставки. Глава региона назвал протестующих «шелупонью», чем еще больше обострил ситуацию. После высказывания в сети появилось огромное количество мемов, а на митингах люди всячески высмеивали и критиковали Орлова за вышеуказанные слова. Губернатор Архангельской области И. Орлов⁵ и Глава Коми С. Гапликов⁶ в 2020 г. одновременно подали в отставку и ушли со своих постов. ВРИО губернатора Архангельской области А. Цыбульский и ВРИО главы Коми В. Уйба, назначенные в апреле 2020 г., выступили против проекта полигона на Шиесе⁷.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/05/15/801415-poligona> (дата обращения: 20.12.2022).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/news/2019/04/08/shies-scandinavia/> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Путин заявил, что вопрос свалки в Архангельской области не может решаться келейно // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/661426> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Перечень поручений по итогам пленарного заседания VI медиафорума независимых региональных и местных средств массовой информации «Правда и справедливость» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/61081> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ Губернатор Архангельской области объявил об отставке // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/04/02/826934-gubernator-arhangelskoi> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ Глава Республики Коми подал в отставку // Коммерсантъ (2 апреля 2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4310952> (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Новые главы Коми и Архангельской области выступили против полигона в Шиесе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/704700> (дата обращения: 20.12.2022).

Гражданам удалось добиться остановки строительства полигона. По мнению автора работы, этому способствовали:

- ошибки власти (замалчивание ситуации, реализация стратегии противостояния: оскорбления, задержания, штрафы),
- затянувшийся кризис,
- создание широкого резонанса: вовлечение активистами СМИ, международного сообщества, новых медиа для защиты окружающей среды,
- увеличение сторонников,
- создание альянсов с жителями соседнего региона, общественниками, экспертами,
- привлечение внимания Президента страны.

Другим примером социального кризиса является **разработка горы Куштау в республике Башкирия**. 15-летнее противостояние жителей и промышленников к 2018 г. вышло на завершающий этап, поводом для этого стали реальные шаги по разработке горы с целью добычи известняка.

В конце 2018 г. врио Главы Республики Башкортостан Радий Хабиров сообщил о планах разработки горы для решения проблем с сырьем для «Башкирской содовой компании»¹. Эти планы вызвали протесты местных жителей, опасавшихся ухудшения экологической ситуации, и тех, кто считал шиханы священным местом.

Активное противостояние растянулось на два года. За это время активисты смогли сформировать и донести свое мнение до широких масс, что увеличило группы противников разработки горы. Были созданы группы в соцсетях, направлялись массовые обращения в органы власти, СМИ, блогерам, распространялась фото- и видеoinформация, проводились флешмобы, велась работа с мессенджерами (WhatsApp). Активисты привлекали все больше участников, создавая альянсы: организовывали круглые столы с участием Совета по правам человека при Президенте России, Общероссийского народного фронта и других общественных организаций. Отдельное подробное исследование данных событий провела К. И. Горбачева [9]. Она отмечает, что в «острый» период большую роль сыграло подключение известных медийных личностей (Ю. Шевчук*, М. Галкин*, С. Казанова, Л. Утяшева, Face*)², блогеров (I'mOrganicblog, П. Пашков и др.); распространение информации через Instagram**³, заграничные флешмобы и пикеты (в Бостоне, Нью-Йорке, Барселоне, Мюнхене), митинг перед штаб-квартирой ООН в Нью-Йорке, что увеличило территорию охвата.

Исход ситуации решило открытое противостояние власти и населения на священной горе. Началось оно после заключения договора между компанией и регионом об аренде лесного участка на горе для геологоразведочных работ и вырубке лесов. Местным жителям противостояли сотрудники частного охранного предприятия, активисты не пускали на гору тяжелую технику⁴. К жителям вынужден был приехать врио главы республики и пообещать остановить все работы на горе до поиска компромиссного решения. Он признал, что столкновения на Куштау стали следствием «недоработки» республиканских властей⁵. Это решение сыграло важную

¹ Радий Хабиров подтвердил намерение разрабатывать Куштау. РБК, 10.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufo/10/12/2019/5def497f9a79471bd6cf3f53> (дата обращения: 20.12.2022).

² * — Признан иностранным агентом по решению Минюста РФ.

³ ** — Деятельность Instagram в России признана экстремистской и запрещена.

⁴ В Башкирии задержана группа протестующих против разработки горы Куштау // Интерфакс. 15.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/721897> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ Глава Башкирии после протестов выдвинул ультиматум по горе Куштау // РБК. 21.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/08/2020/5f3fb3a59a7947eeae6799a> (дата обращения: 20.12.2022).

роль в разрешении политического кризиса, и врио главы сохранил свою должность.

Как и в истории с Шиесом, в ситуацию был вынужден вмешаться Президент РФ В.В. Путин, поручив разобраться в вопросе законности владения заводом «Башкирской содовой компании». Итогом стал отказ от разработок горы и издание постановления правительства республики Башкирии о создании особо охраняемой природной территории регионального значения — памятника природы Куштау. Хозяйственная деятельность компании на горе была прекращена. Компания была возвращена в собственность региона¹.

Вторая категория. Природный кризис. Связан с природными явлениями, способен нанести ущерб социальной группе, оказавшейся в эпицентре событий.

Рассмотрим данный кризис **на примере экологического инцидента на Камчатке**, который был связан с цветением ядовитых водорослей. Трупы морских животных были обнаружены на побережьях Халактырского пляжа, загрязнение привело к появлению симптомов отравления у людей, в Авачинской бухте на глубине от 10 до 15 метров погибло 95% донных живых организмов².

Источником распространения информации оказались все те же социальные сети, где серферы опубликовали фото и видео с места событий³. Сообщения носили предупреждающий характер и содержали призывы об опасности. Быстро начала распространяться информация, что от людей скрывают «что-то страшное», а заявления региональных властей, что в бухте все в порядке⁴ только усугубило ситуацию и вызвало негативную реакцию со стороны общественности. Власти не объявили режим чрезвычайной ситуации до выяснения обстоятельств произошедшего, что было воспринято жителями как несерьезное отношение к проблеме, волнующей людей.

На первом этапе местные органы власти строили свои сообщения на отрицании события. В ответ последовали массовые публикации в социальных сетях фото с погибшими морскими организмами. Общественность была не готова согласиться с тем, что экологическая катастрофа отсутствует. На этом фоне региональные власти попытались сменить стратегию. Несмотря на отсутствие лабораторных исследований стали озвучиваться различные причины инцидента, в частности, разлив топлива.

Коммуникационная кампания носила хаотичный характер, негативная информация быстро вышла на федеральный уровень, заняв ключевое место в информационной повестке. На этом фоне произошла смена ключевого субъекта коммуникации, ведущую роль на себя взяло федеральное ведомство в лице Минприроды России. Далее при анализе кризисной коммуникационной стратегии мы будем опираться на личные архивы и воспоминания автора, которая в рассматриваемый период была заместителем министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации, курировала в том числе взаимодействие со СМИ и общественностью, а также отвечала за оперативные действия в рамках разрешения данного инцидента. Была определена стратегия управления и действий. В качестве цели — выяснение истинной причины произошедшего. С самого начала Министерство привлекло раз-

¹ Крупнейшего производителя соды вернут из офшора // Взгляд. 29.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/economy/2020/8/29/1057265.html> (дата обращения: 20.12.2022).

² Сотрудники Кроноцкого заповедника поделились с Владимиром Солодовым впечатлениями от увиденного на юге Авачинской бухты // Камчатский край. 06.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kamgov.ru/news/sotrudniki-kronockogo-zapovednika-podelilis-svladimirom-solodovym-vpecatleniami-ot-vidennogo-na-uge-avacinskoj-buhty-34201> (дата обращения: 20.12.2022).

³ «Там просто тонны мертвых животных» // Лента.ру. 03.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/03/kamchatka/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Там же.

личные структуры для детальной оценки ситуации. Была создана рабочая группа для выяснения причин произошедшего с участием Роспотребнадзора, Росрыболовства, МЧС, Росприроднадзора, Росгидромета и других ведомств, а также ученых Российской академии наук. Всего в решение вопроса оказались вовлечены свыше 10 федеральных ведомств в соответствии с их полномочиями и вопросами ведения.

Большое количество участников требовало четкой координации всех уровней коммуникации. Дополнительными факторами, оказывающими влияние на экологическую коммуникацию, стали удаленность бухты от мест проживания и нахождения различных служб, отсутствие необходимой лаборатории на Камчатке для получения оперативных результатов пробы воды, нестабильность погодной ситуации. Для выстраивания единой стратегии действий под руководством вице-премьера Правительства России была создана группа для работы с инцидентом. Координатором экологических коммуникаций определено Минприроды России, все планируемые заявления обсуждались на ежедневных совещаниях. Участники процесса были подчинены единой цели — стабилизации ситуации и выявлению истинных причин произошедшего. Участниками информационного взаимодействия стали: Росгидромет, Росприроднадзор, Роснедра, МЧС России, Росрыболовство, Роскосмос, Минтранс России, научные организации. Данные поступали в единый информационный центр, выдавались согласованные сообщения, основным спикером было определено Минприроды России, Росприроднадзор и на уровне региона — губернатор.

Рассматривались две версии экологического происшествия: природная и техногенная.

Природная версия — событие могло быть вызвано цветением микроводорослей динофлагеллатов, сопровождаемое выделением токсина. Для проверки данной версии Академией наук РФ было проведено генетическое исследование. К работе подключались и международные ученые для обмена данными и информацией.

Техногенная версия связывалась с предприятиями, расположенными в относительной близости к месту происшествия. В целях ее проверки были проведены обследования нескольких объектов: Козельский полигон захоронения пестицидов и ядохимикатов, Радыгинский полигон, свалка № 2 ГУП Камчатского края «Спецтранс», выведенная из эксплуатации в 2019 г. Исследования проводили эксперты Росприроднадзора, Роспотребнадзора, РАН, Росгидромета, Росрыболовства, научно-исследовательские институты.

Ставка была сделана на профессионализм и максимально широкое открытое рассмотрение причин произошедшего. Отобрано порядка 5000 проб воды, придонного слоя, грунта и донных отложений¹. Проведено свыше 1500 исследований, измерений и испытаний. В рейды также брали представителей общественности, но все действия по забору воды и обследованию местности проводили специалисты. В результате анализа проб большинство показателей превышения предельно допустимых концентраций (ПДК) не выявили; те показатели, которые содержали превышение ПДК по данным специалистов не могли привести к такого рода катастрофе. Все это время коммуникация с жителями и активистами не прекращалась, ежедневно распространялась информация (результаты исследований, планы дальнейших действий, снимки из космоса, комментарии экспертов). Стратегия непрерывной коммуникации была выбрана намеренно, чтобы не допустить разрыва в коммуникации с целевыми группами, продемонстрировать открытость и прозрачность предпринимаемых действий. Жителям было предложено присылать фото и инфор-

¹ Ученые продолжают исследовать массовую гибель морских животных на Камчатке // Гисметео. 10.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gismeteo.ru/news/animals/uchenye-prodolzhajut-issledovat-massovuju-gibel-morskih-zhivotnyh-na-kamchatke/> (дата обращения: 20.12.2022).

мацию на специально созданную электронную почту для дальнейшего их изучения, надо отметить, что информации почти не поступило.

Результаты исследований обеих версий указали на природную причину происшествия. Решение о выводах рабочей группы при Минприроды России было определено озвучить не представителями власти, а учеными Российской академии наук. Выбор в пользу ученых был сделан не случайно, так как существовала вероятность недоверия скептиков к такому выводу со стороны официальных властей. Наука — это компетентность. Одновременно органами власти было объявлено о планах ликвидации Козельского полигона с отходами и ужесточению природоохранного режима в месте заправки судов, чтобы подчеркнуть значимость для власти имеющихся проблем в регионе с точки зрения жителей и гостей.

История с возникновением токсичных водорослей у берегов Камчатки продемонстрировала значимость выстраивания стратегических экологических коммуникаций. Особое внимание здесь было уделено координации деятельности и сообщений всех заинтересованных органов власти регионального и федерального уровней, СМИ, определению ключевых сообщений, спикерам и прогнозу дальнейших действий в медийном и онлайн-пространстве. Информационное событие держалось в фокусе общественности около месяца и требовало как постоянного присутствия власти в публичном пространстве, так и оперативного реагирования на слухи и провокации. Своевременный переход к стратегии управления и реализации действий позволил переломить ситуацию и остановить распространение кризиса.

Третья категория. Техногенный кризис. Как правило, связан с деятельностью промышленных предприятий и их негативным воздействием на состояние окружающей среды.

В качестве примера рассмотрим **разлив топлива в Красноярском крае в г. Норильск**, который произошел 29 мая 2020 г. Это была экологическая катастрофа, чрезвычайная ситуация федерального масштаба. Ее причиной стала разгерметизация бака на ТЭЦ-3 (дочернее предприятие компании Норникель) в районе Норильска и разлив свыше 20 тыс. т дизельного топлива¹. Около 6 тыс. т попали в грунт, и 15 тыс. — в реку Далдыкан, оттуда в крупное озеро Пясино, одноименная река из которого впадает в Карское море. Авария стала одной из крупнейших в арктической зоне, создав угрозу для экосистем Северного Ледовитого океана². Ситуация усугублялась тем, что в Норильске ранее уже были экологические катастрофы, связанные с деятельностью промышленных предприятий (2016 г., выбросы Надеждинского металлургического завода), и сам город входит в перечень «самых грязных городов России» по выбросам в атмосферный воздух³. Соответственно восприятие местными жителями произошедших событий носило острый негативный характер.

В кризисной коммуникации участвовали три ключевых субъекта: бизнес (владелец предприятия), власть (федеральные и региональные органы власти), местные жители.

Необходимо отметить, что первые сообщения от органов власти (региональные, сообщения МЧС местного уровня) впоследствии вызывали много вопросов, так как

¹ Для ликвидации последствий утечки нефтепродуктов в Норильск прилетел отряд морской спасательной службы // Комсомольская правда. 01.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27136/4228042/> (дата обращения: 20.12.2022).

² Russia Declares Emergency After Arctic Oil Spill. The New York Times. 04.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/04/world/europe/russia-oil-spill-arctic.html> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Пять городов Красноярского края попали в список 35 с самым грязным воздухом. 23.12.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://newslab.ru/news/1075747> (дата обращения: 20.12.2022).

в них явно отсутствовала подробная информация об инциденте и объемах разлившегося топлива¹. Попытка замалчивания масштабов аварии дала отрицательные результаты². Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело по части 1 ст. 293 УК РФ (о халатности) из-за качества информации и сроков ее предоставления³.

Попытка сокрытия аварии активизировала деятельность местных жителей, которые через социальные сети пытались привлечь внимание и донести до федерального центра масштабы аварии. В ответ на это был создан краевой оперативный штаб, рабочая группа⁴. По данным Росприроднадзора предельно допустимая концентрация (ПДК) вредных веществ на водных объектах в Норильске после происшествия на ТЭЦ была превышена в десятки тысяч раз⁵. Была объявлена чрезвычайная ситуация федерального масштаба⁶. На помощь в ликвидации разлива топлива прибыли ФГБУ «Морская спасательная служба», агентство Росморречфлота, специальные подразделения Газпромнефти, имеющие опыт и оборудование для такой работы, представители Транснефти, других нефтегазовых компаний⁷.

В координационных мероприятиях участвовали представители федеральных органов власти: полномочный представитель Президента России, глава МЧС, министр природных ресурсов и экологии⁸, глава Росприроднадзора и др. Федеральный штаб возглавил глава МЧС. Были проведены встречи с коренными жителями, общественными организациями, учеными, оперативно оценивались технологии по утилизации собранного топлива и достаточность действий⁹. Президент России В. В. Путин лично контролировал ликвидацию аварии и поручил провести все необходимые рекультивационные мероприятия.

В данной ситуации основной негатив со стороны общественности и органов власти был направлен в адрес компании, которая оказалась виновной в произошедшей аварии. За первый день за счет снижения стоимости акций владелец

¹ «Власти знали о случившемся»: почему в ситуации с разливом топлива в Норильске появились нестыковки // ТВК6. 04.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tvk6.ru/publications/news/50604/> (дата обращения: 20.12.2022).

² Сотрудник Росприроднадзора рассказал, как скрывали утечку в Норильске // Рен-ТВ. 07.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/708190-sotrudnik-rosprir-rodnadzora-rasskazal-kak-skryvali-utechku-v-norilске> (дата обращения: 20.12.2022).

³ По ходатайству следствия задержанный по уголовному делу о разливе нефтепродуктов в Норильске арестован // Следственный комитет РФ. 04.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1470617/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Утилизация разлитых нефтепродуктов на Таймыре потребует специального технологического решения // Красноярский край. 05.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/press/news/0/news/96522> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ Росприроднадзор: ПДК вредных веществ в воде в Норильске превышена в десятки тысяч раз // ТАСС. 03.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8639099> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ Путин решил объявить федеральную ЧС из-за разлива топлива в Норильске // РБК. 03.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2020/5ed7a4539a79470708ca8510> (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Разлив топлива в Норильске: технологии очистки воды и земли // Вести.ру. 05.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2417927> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Дмитрий Кобылкин в Норильске встретился с представителями коренных народов // Общественный фонд «Экология недр». 16.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://econedr.ru/novosti-otrasli/dmitrij-kobylkin-v-norilске-vstretilsya-s-predstavityeljami-korenyh-narodov.html> (дата обращения: 20.12.2022).

⁹ Путин решил объявить федеральную ЧС из-за разлива топлива в Норильске // РБК. 03.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2020/5ed7a4539a79470708ca8510> (дата обращения: 20.12.2022).

компании В. Потанин потерял 1,6 млрд долл.¹. Необходимо отметить, что коммуникации со стороны руководства предприятия носили преимущественно конструктивный характер и оно старалось не допустить разделения субъектов коммуникации на два противостоящих друг другу лагеря. Так, после попадания события в повестку дня и объявления катастрофы ЧС федерального масштаба, руководство компании вело активное взаимодействие с органами власти, финансировало работы по ликвидации последствий, встречалось с представителями коренных народов, проживающих на территории, и заключило с ними соглашение, проводилась работа с общественными организациями². PR-служба Норникеля старалась распространить информацию об участии компании в экологических программах, что встречалось с большим скепсисом со стороны отдельных СМИ и общественности.

Заключительным этапом острой фазы кризиса стал расчет ущерба, причиненный окружающей среде. 6 июля 2020 г. Росприроднадзор оценил ущерб от аварии, причиненный водным объектам и почве, почти в 148 млрд рублей³. Шок от озвученной цифры был даже у экологических организаций, требовавших самого жесткого отношения к виновникам аварии⁴. Это оказался самый большой ущерб, взятый в России. Компания была не согласна и пыталась оспорить его в суде. Однако уже после решения первой инстанции согласилась его погасить в полном объеме.

Основной этап ликвидационных мероприятий занял пять месяцев, острая фаза была завершена в течение месяца⁵. Посткризисный этап предполагал со стороны компании компенсационные мероприятия природе и местным жителям⁶, также были внесены изменения в законодательство Российской Федерации, предусматривающие зачисление средств в федеральный бюджет и их расходование на экологические мероприятия⁷. Впоследствии Правительством России был принят комплексный план развития г. Норильска.

Проведенный анализ трех различных типов кризиса свидетельствует о заметной роли общественности, которая через социальные сети способна привлечь внимание к проблеме и повлиять на исход кризиса. Применяемая ключевым субъектом коммуникации стратегия замалчивания и противостояния приводит к отрицательным

¹ После аварии в Норильске Потанин потерял за день \$1,6 миллиарда // Вести.ру. 04.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2417878> (дата обращения: 20.12.2022).

² Встреча с экологами и зоозащитниками // Официальный сайт Президента России. 05.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63458> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Росприроднадзор оценил ущерб от аварии в Норильске в 148 млрд рублей // Ведомости. 06.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/07/06/834056-rosprirodnadzor-otsenil-uscherb-ot-avarii> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Глава Минприроды — РБК: «У нас нет предвзятого отношения к «Норникелю» // РБК. 28.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/28/07/2020/5f16b1019a7947266d589703> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ «Норникель» завершил основные этапы ликвидации последствий разлива топлива под Норильском // ТАСС. 28.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9839699> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ Ход работ по ликвидации аварии. Обновляется. Сайт компании Норникель. 28.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/khod-rabot-po-likvidatsii-avarii-obnovlyaetsya/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Дмитрий Кобылкин: «Усольский» закон дал государству эффективный инструмент для регулирования сферы опасных производственных объектов. Сайт партии «Единая Россия». 21.12.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/dmitrij-kobylkin-usolskij-zakon-dal-gosudarstvu-effektivnyj-instrument-dlya-regulirovaniya-sfery-opasnyh-proizvodstvennyh-obektov> (дата обращения: 20.12.2022).

Обобщенная оценка типов кризисов
Table. Summary assessment of crisis

Категория кризиса / период	Субъект СКТ	Коммуникативная стратегия
Социальный (Шиес)/ затыжной	Граждане Архангельской области и Республики Коми	1. Замалчивание 2. Противостояние
Социальный (Куштау) / затыжной	Граждане Республики Башкирия	1. Противостояние 2. Управление (признание ошибки, диалог, остановка работ)
Природный (цветение ядовитых водорослей) / краткосрочный	Серферы, жители Камчатки	1. Хаотичность (информирование, убеждение в безопасности, построение догадок) 2. Управление после смены ключевого субъекта
Техногенный (разлив топлива в результате аварии в районе г. Норильск), среднесрочный	Граждане Красноярского края, жители арктических регионов	1. Замалчивание со стороны компании и местных органов власти 2. Выстраивание коммуникаций компанией (активное участие во взаимодействии с органами власти в спасательной операции, финансирование спасательной операции, взаимодействие с жителями и общественностью) 3. Управление ситуацией ключевым субъектом (федеральные органы власти)

Источник: составлено автором.

и коммуникативных стратегий
types and communication strategies

Действия власти	Действия граждан	Результат
<ol style="list-style-type: none"> 1. Штрафы 2. Задержания 3. Оскорбления 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Пикеты и митинги 2. Создание альянсов и увеличение сторонников 3. Привлечение внимания федеральных органов власти 	Отставка губернаторов двух субъектов РФ, отказ от строительства полигона
<ol style="list-style-type: none"> 1. Штрафы и задержания 2. Диалог 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание альянсов и увеличение сторонников 2. Проведение митингов и пикетов 3. Привлечение внимания федеральных органов власти 	Остановка разработки горы, сохранение врио своей должности, возвращение частной компании в собственность региона
<ol style="list-style-type: none"> 1. Отрицание 2. Предупреждение о потенциальной опасности при хаотичности объяснений причин происшествия 3. Создание альянсов и привлечение профессионалов 4. Создание единого информационного центра и работа в соцсетях 5. Непрерывный диалог, разъяснение причин и действий 6. Разработка программы посткризисных действий 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Массовые публикации фото и видео 2. Оживленные дискуссии в соцсетях 3. Увеличение сторонников 	Выяснение причин, остановка социального беспокойства, формирование планов по минимизации возможных угроз для безопасности граждан, создание плана посткризисных действий
<ol style="list-style-type: none"> 1. Информирование 2. Управление (контроль ликвидационных работ на месте, оценка ущерба, компенсационные мероприятия, создание альянсов) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Массовые публикации информации об аварии в соцсетях 2. Диалог с органами власти и представителями компании 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возбуждение уголовных дел 2. Взыскание с компании ущерба в размере 146,2 млрд руб. 3. Принятие изменений в закон, направленных на защиту экологии 4. Одобрение деятельности федеральных органов власти населением 5. Утверждение комплексного плана развития г. Норильска

результатам: потере репутации, финансовых средств и должностей, уголовным делам. Стратегия управления позволяет минимизировать ущерб, добившись достижения поставленной цели с наименьшими репутационными потерями. А также предполагает обязательный план посткризисных мероприятий, направленный, в том числе на восстановление репутации.

Подробнее обобщенная оценка представлена в таблице.

Опираясь на проведенные теоретические и практические исследования, автор предлагает следующую модель действий, состоящую из пяти основных компонентов.

Обозначим основные элементы данной модели.

1. Предвидение и подготовка. Анализ всех возможных рисков. Подготовка кризисной команды. Формирование основной и резервных коммуникационных площадок. Формирование пула экспертов, инфлюенсеров и партнеров.

2. Оперативный анализ в начальный период кризиса. Управление неопределенностью через анализ кризиса, причин его возникновения, каналов распространения информации, возможных рисков, целевой аудитории.

3. Коммуникация. Реакция на кризис через работу с целевой аудиторией. На этом этапе происходит незамедлительное информирование о происходящем и планируемых действиях по преодолению ситуации. Важно показать реальную заинтересованность в разрешении проблемы, продемонстрировать, что организация готова идти даже на материальные издержки во имя общественного благополучия. В ситуации кризиса особенно важны открытость и прозрачность. Замалчивание, как правило, усложняет ситуацию и увеличивает репутационные издержки.

4. Действия и координация. Осуществление конкретных действий по урегулированию кризисной ситуации (урегулирование убытков, устранение причины произошедшего и т. п.). Специалисты рекомендуют предоставлять 10% информации о самой кризисной ситуации и 90% — о действиях, предпринимаемых для практического разрешения кризиса [6; 15]. При этом координация всех действий и коммуникации должна осуществляться единым центром управления.

5. Контроль. Он предполагает оценку эффективности антикризисных мероприятий и минимизацию вероятности повторения данной ситуации.

В завершение отметим, что каждый кризис уникален, неповторим, обладает особенностями, задающими специфику реализации плана и используемого инструментария. Выход из кризисной ситуации возможен только при условии выработки адекватного ее видения, конструктивных идей и действий.

Литература

1. *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977.
2. *Булкина И. В.* Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoriya-politicheskoi-kommunikatsii-garolda-d-lassuella> (дата обращения: 20.12.2022).
3. *Вольтон Д.* Информация не значит коммуникация. М. : ПОЛПРЕД Справочники, 2011.
4. *Гавра Д. П.* Социально-коммуникативные технологии: сегодня и завтра // PR-диалог. 2003. № 2/3 (25/26). С. 10–13.
5. *Гайсина Л. М., Баранов Е. Ю.* Социально-коммуникативные технологии как элемент правовой культуры // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 409–410.
6. *Голуб О. Ю.* Коммуникации в кризисных ситуациях: модели интернет-присутствия // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 9–18.
7. *Голуб О. Ю.* Кризисные коммуникации: методология и методы управления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 142–145.

8. Голуб О. Ю. Общие подходы к разработке социальной технологии управления кризисными коммуникациями // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 38–41.
9. Горбачева К. И. Манипуляции общественным сознанием в экологическом конфликте на Куштау // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 204–231.
10. Данилова Н. И., Старостина Н. С. Трансформация медиакоммуникаций с аудиторией: современные тенденции // Медиа технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы. Ставрополь : Изд-во: СКФУ, 2020.
11. Дятченко Л. Я., Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А. Проблема социально-технологической компетентности личности в социологии // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 11. С. 78–82.
12. Емельянов С. М. Интегрированные коммуникации в антикризисном управлении // Интегрированные коммуникации / под общ. ред. д-ра филолог. наук, проф. Кривоносова А. Д. СПб. : Издательство СПбГЭУ, 2014.
13. Зайцев А. К. Внедрение социальных технологий в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. М., 1989.
14. Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М. : Славянский диалог, 1996.
15. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2001. 325 с.
16. Карпачева О. Е. Social media marketing как вид социальной коммуникации // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 2. С. 76–83.
17. Сахарова С. М. Современные аспекты экологического менеджмента в России // Россия: Тенденции и перспективы развития : ежегодник / отв. ред. Герасимов В. И. М. : ИНИОН РАН, 2019. Т. 2. Вып. 14. С. 472–474.
18. Сотникова О. П. Интернет-издание от А до Я : Руководство для веб-редактора. М. : Аспект Пресс, 2014.
19. Уткин Э. А. Управление связями с общественностью. PR. М. : ТЕИС, 2011.
20. Филатова О. Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: исследования и тренды 2010–2020 : монография. СПб. : Алетейя, 2020.
21. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Актуальные связи с общественностью. М. : Дело, 2009.
22. Anderson A. Media, culture and the environment. London : Routledge. 1997. P. 246
23. Bryant J., Oliver M. B. (eds.) Media effects: Advances in theory and research (3rd ed.). The Taylor & Francis e-Library, 2008.
24. Coombs T. W. Protecting Organisational Reputations during crisis: The development and application of situational crisis communications theory // Corporate Reputations Review. 2007. N 10 (3). P. 163–176.
25. Cox R. Environmental Communication and the Public Sphere. 2012. P. 177–179 [Electronic source]. URL: <https://ayomenulisifisip.files.wordpress.com/2012/02/materi-1-robert-cox-environmental-communication-and-the-public-sphere.pdf> (accessed: 20.12.2022).
26. Daniels S. E., Walker G. B. Working through environmental conflict // The collaborative learning approach. Westport, CT : Praeger, 2001.
27. Hansson S. et al. Communication-related vulnerability to disasters: A heuristic framework // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2020. Vol. 51. P. 101931.
28. Regester M. Crisis Management. What to do when the unthinkable happens. London: Hutchinson Business, 1989. P. 489–507.
29. Robertson J. Executing Crisis: A G-Suite Crisis Leadership Survival Guide. Brookfield : Rothshtein Publishing, 2020.
30. Sanjeev M. A., Pande N., Kumar S. P. K. Role of effective crisis communication by the government in managing the first wave Covid-19 pandemic — A study of Kerala government's success // Journal of Public Affairs. 2021. Vol. 21 (e2721). DOI: <https://doi.org/10.1002/pa.2721>.
31. Smith J. L. A public relations practioner's Guide to Crisis Communications. Georgia State University, 2007.

Об авторе:

Панова Елена Васильевна, кандидат политических наук, руководитель аппарата Комитета по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды Государственной Думы Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), соискатель ученой степени доктора наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация); karryoupe@gmail.com

References

1. Afanasiev V.G. Man in the management of society. M., 1977. (in Rus).
2. Bulkina I.V. Harold D. Lasswell's Theory of Political Communication: PhD. social Sciences. Moscow, 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoriya-politicheskoi-kommunikatsii-garolda-d-lassuella> (accessed: 20.12.2022) (in Rus).
3. Volton D. Information does not mean communication. M. : POLPRED Reference books, 2011 (in Rus).
4. Gavra D.P. Socio-communicative technologies: today and tomorrow // PR-dialogue [PR-dialog]. 2003. N 2/3 (25/26). P. 10–13 (in Rus).
5. Gaisina L. M., Baranov E.Yu. Socio-communicative technologies as an element of legal culture // Eurasian legal journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2021. N 2 (153). P. 409–410 (in Rus).
6. Golub O. Yu. Communications in crisis situations: models of Internet presence // Bulletin of the Saratov University. New ser. Ser. Sociology. Political science [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya]. 2014. Vol. 14. N 4. P. 9–18 (in Rus).
7. Golub O.Yu. Crisis communications: methodology and methods of management // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta]. 2012. N 2. P. 142–145 (in Rus).
8. Golub O.Yu. General approaches to the development of social technology for managing crisis communications // Bulletin of the Saratov University [Izvestiya Saratovskogo universiteta]. 2012. Vol. 12. Ser. Sociology. Political Science. Vol. 2. P. 38–41 (in Rus).
9. Gorbacheva K.I. Manipulations of public consciousness in the ecological conflict on Kushtau // Power and elites [Vlast' i elity]. 2020. Vol. 7, N 1. P. 204–231 (in Rus).
10. Danilova N.I., Starostina N.S. Transformation of media communications with the audience modern trends // Media technologies in a changing world: trends, problems, forecasts. Stavropol : Publishing house SKFU, 2020 (in Rus).
11. Dyatchenko L.Ya., Babintsev V.P., Shapoval Zh. A. The problem of socio-technological competence of a person in sociology // Modern science-intensive technologies [Sovremennye naukoemkie tekhnologii]. 2010. N 11. P. 78–82 (in Rus).
12. Emelyanov S.M. Integrated communications in anti-crisis management // Integrated communications / general ed. Doctor of Philology, Professor A. D. Krivonosov. SPB. : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2014 (in Rus).
13. Zaitsev A.K. Introduction of social technologies into management practice // Social development of the enterprise and work with personnel. M., 1989 (in Rus).
14. Ivanov V.N. Social technologies in the modern world. M. : Slavic dialogue, 1996 (in Rus).
15. Ivanov V.N., Patrushev V.I. Innovative social technologies of state and municipal management. 2nd ed., revised and additional. M. : Economics, 2001 (in Rus).
16. Karpacheva O. E. Social media marketing as a type of social communication // Journalist. Social communications [Zhurnal. Sotsial'nye kommunikatsii]. 2012. N 2. P. 76–83 (in Rus).
17. Sakharova S.M. Modern aspects of environmental management in Russia // Russia: Trends and development prospects: yearbook [Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya : ezhegodnik] / rep. ed. Gerasimov V.I. M. : INION RAN, 2019. Vol. 2. N 14. P. 472–474 (in Rus).
18. Sotnikova O.P. Internet edition from A to Z: A guide for a web editor. M. : Aspect Press, 2014 (in Rus).
19. Utkin E.A. Public Relations Management. PR. M. : TEIS, 2011 (in Rus).
20. Filatova O. G. State Communications in the Digital Public Sphere of Russia: Research and Trends 2010–2020 : monograph. SPB. : Aletheya, 2020 (in Rus).
21. Chumikov A.N., Bocharov M.P. Current public relations. M. : Delo, 2009. (in Rus).
22. Anderson A. Media, culture and the environment. London : Routledge. 1997. P. 246
23. Bryant J., Oliver M.B. (eds.) Media effects: Advances in theory and research (3rd ed.). The Taylor & Francis e-Library, 2008.
24. Coombs T.W. Protecting Organisational Reputations during crisis: The development and application of situational crisis communications theory // Corporate Reputations Review. 2007. N 10 (3). P. 163–176.
25. Cox R. Environmental Communication and the Public Sphere. 2012. P. 177–179 [Electronic source]. URL: <https://ayomenulisfisp.files.wordpress.com/2012/02/materi-1-robert-cox-environmental-communication-and-the-public-sphere.pdf> (accessed: 20.12.2022).
26. Daniels S. E., Walker G.B. Working through environmental conflict // The collaborative learning approach. Westport, CT : Praeger, 2001.

27. Hansson S. et al. Communication-related vulnerability to disasters: A heuristic framework // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2020. Vol. 51. P. 101931.
28. Regester M. Crisis Management. What to do when the unthinkable happens. London: Hutchinson Business, 1989. P. 489–507.
29. Robertson J. Executing Crisis: A G-Suite Crisis Leadership Survival Guide. Brookfield : Rothshtein Publishing, 2020.
30. Sanjeev M. A., Pande N., Kumar S. P. K. Role of effective crisis communication by the government in managing the first wave Covid-19 pandemic — A study of Kerala government's success // Journal of Public Affairs. 2021. Vol. 21 (e2721). DOI: <https://doi.org/10.1002/pa.2721>.
31. Smith J. L. A public relations practioner's Guide to Crisis Communications. Georgia State University, 2007.

About the author:

Elena V. Panova, PhD in Political Sciences, Head of the Staff of the State Duma Committee on Ecology, Natural Resources and Environment Protection (Moscow, Russian Federation), applicant for the degree of Doctor of Science (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation); karrypoupe@gmail.com

Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике*

Фролов А. А. *, Соколов А. В., Егоров Д. В.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация; *a.a.froloff@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию феномена экосистемы. Демонстрируется эволюция его интерпретации. Авторы характеризуют различные подходы к пониманию цифровых экосистем, их основных элементов, характерных черт, особенностей, а также основных механизмов создания ценностей экосистем. Приводятся основные виды цифровых экосистем в зависимости от типа владения, среди которых выделяются экосистемы централизованного, децентрализованного и консорциумного типа. Делаются выводы о способности цифровых экосистем выполнять посредническую функцию в процессе взаимодействия власти и граждан, согласовании их мнений и приоритетов, выработке решений. Демонстрируются ключевые угрозы, связанные с переходом гражданской активности в онлайн-среду. На основе проведенного исследования авторы делают выводы о возможностях и особенностях изучения цифровых экосистем в политике. Авторы утверждают, что для корректного понимания феномена цифровой экосистемы необходимо понимание ее структурных компонентов, характера их взаимодействия между собой, а также ее стремления к доминированию в социальной реальности. В статье выделяются 10 ключевых характеристик политических цифровых экосистем, способных эффективно выполнять свои функции и выступать акторами в политическом пространстве (обеспечивать доступ к широкому спектру сервисов услуг на базе одной платформы; обеспечивать объединение большого числа участников, основанного на принципах взаимовыгодности отношений; базироваться на едином аккаунте (доступ ко всем сервисам платформы возможен через единый аккаунт); представлять собой единый бренд для всех сервисов и элементов инфраструктуры; обеспечивать многоканальность представительства и взаимодействия (сайт, приложение, группы в социальных сетях и т. д.); быть направленными на удовлетворение широкого спектра социально-политических потребностей человека, от получения той или иной информационной справки до возможности повлиять на принятие решения в месте проживания (городе, регионе или стране); обеспечивать возможность гибких изменений структуры экосистемы, предполагающей постоянное взаимодействие членов и их сотрудничество; обеспечивать возможность для делиберативного (совещательного) обсуждения и участия; обеспечивать возможность выстраивания элементов архитектуры системы цифровых сервисов на основе их взаимосвязи и тесной интеграции; обеспечивать открытость и модульность).

Ключевые слова: экосистема, цифровизация, гражданские платформы, гражданская активность

Для цитирования: Фролов А. А., Соколов А. В., Егоров Д. В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 46–55.

Key Characteristics of Digital Ecosystems in Politics

Alexander A. Frolov*, Alexander V. Sokolov, Daniil V. Egorov

Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation; *a.a.froloff@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>.

ABSTRACT

The paper discusses the main approaches to understanding the ecosystem phenomenon. The evolution of its interpretation is demonstrated. The authors characterize various approaches to understanding digital ecosystems, their main elements, characteristic features, features, as well as the main mechanisms for creating ecosystem values. The main types of digital ecosystems are given, depending on the type of ownership, among which centralized, decentralized and consortium-type ecosystems are distinguished. Conclusions are drawn about the ability of digital ecosystems to perform an intermediary function in the process of interaction between authorities and citizens, coordination of their opinions and priorities, and decision-making. The key threats associated with the transition of civic activity to an online environment are demonstrated. Based on the conducted research, the authors draw conclusions about the possibilities and features of studying digital ecosystems in politics. The authors argue that for a correct understanding of the phenomenon of the digital ecosystem, it is necessary to understand its structural components, the nature of their interaction with each other, as well as its desire to dominate social reality. The article highlights 10 key characteristics of the political digital ecosystem that can effectively perform their functions and act as actors in the political space (provide access to a wide range of services based on a single platform; ensure the unification of a large number of participants based on the principles of mutually beneficial relations; be based on a single account (access to all services of the platform is possible through a single account); represent a single brand for all services and infrastructure elements; provide multi-channel representation and interaction (website, application, groups in social networks, etc.); be aimed at meeting a wide range of socio-political needs of a person, from obtaining that or other information reference before the possibility to influence the decision-making in the place of residence (city, region or country); to provide the possibility of flexible changes in the structure of the ecosystem, involving constant interaction of members and their cooperation; to provide an opportunity for deliberative (deliberative) discussion and participation; to provide the possibility of building elements of the architecture of the digital services system based on their interconnection and close integration; to ensure openness and modularity).

Keywords: ecosystem, digitalization, civic platforms, civic activism

For citing: Frolov A. A., Sokolov A. V., Egorov D. V. Key Characteristics of digital ecosystems in politics // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 46–55.

Введение

Актуальность исследования связана с динамичным развитием и внедрением в общественно-политические процессы и институты новых цифровых технологий. В результате данных изменений трансформируются традиционные институты участия граждан, принципы функционирования органов власти, а также стратегии и тактики политических субъектов. Ускорению процесса внедрения цифровых технологий и базирующихся на них форм гражданской и политической активности способствует проявляющийся кризис традиционных политических институтов. Примером может служить низкий уровень доверия парламентским политическим партиям в России. Классические институты власти также характеризуются низким или снижающимся уровнем доверия со стороны населения.

Создатели цифровых сервисов и платформ, стремясь обеспечить их эффективность, нацелены на расширение их сферы деятельности и оказываемых услуг для максимально большой численности граждан. В результате, они ориентированы на формирование нового феномена цифровой реальности — цифровых экосистем.

Изначально термин «экосистема» существовал в биологии и определялся как совокупность совместно обитающих организмов и условий их существования, находящихся в закономерной взаимосвязи друг с другом и образующих систему. Так, термин «экосистема» впервые был введен в оборот в 1930 г. А. Тэнсли для определения любой группы сосуществующих организмов и их окружающей среды [15,

с. 518]. Также существует биологическое определение экосистемных услуг — блага, которые люди бесплатно получают из окружающей среды и правильно функционирующих экосистем (агроэкосистемы, лесные экосистемы, пастбищные экосистемы, водные экосистемы).

Позднее термин стал применяться к социальным системам для того, чтобы, во-первых, показать их некоторую схожесть с биологическими, а во-вторых, адаптировать принципы природы для развития социальных систем. Так, например, термин «экосистема» был использован в 1993 г. для теории бизнес-экосистем, после чего он начал широко использоваться в научном и деловом мире [14, с. 56]. Д. Мур определил бизнес-экосистему как «экономическое сообщество, поддерживаемое фондом взаимодействующих организаций и отдельных лиц — организмов делового мира» [12, с. 80]. Также в эту экосистему входят коммерческие организации, их потребители, поставщики продукции, различные посредники, инфраструктура (обеспечивающая эффективное их взаимодействие), государственные и некоммерческие организации, другие заинтересованные стороны, участвующие в жизнедеятельности социума. В совокупности они представляют единое деловое сообщество.

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий предопределило формирование цифровых сервисов и платформ в различных сферах жизни человека. Наиболее явно данный феномен проявляется в экономической деятельности.

В связи с этим целью данной статьи является выявление сущности цифровых экосистем и их ключевых характеристик, которые позволят им эффективно выполнять свои функции и выступать акторами в политическом пространстве.

Материалы и методы

Исследование базируется на применении комплекса кабинетных методов исследований, направленных на обобщение существующих подходов к пониманию феномена цифровых экосистем, и выявление их сущностных характеристик, позволяющих обобщать их эффективное функционирование. Среди них можно назвать анализ и синтез, индукцию и дедукцию, case-study, моделирование, базирующиеся на неформализованных методах анализа документов и контент-анализе.

Источниками данных выступили работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей, осмысляющих процессы формирования и развития цифровых сервисов, платформ и экосистем.

Цифровые экосистемы

Если говорить про экосистему с экономической точки зрения, то это цифровая среда, в которой представлены собственные и партнерские сервисы компаний [3, с. 453]. В экономической науке существуют и другие определения данного понятия. Так, ряд исследователей считают, что экосистема — это цифровые многосторонние платформы, суть которых сводится к осуществлению людьми и организациями взаимных действий (транзакций), облегчая тем самым поиск друг друга [4, с. 39]. А. И. Левина считает, что характерными чертами бизнес-экосистемы являются модульность, адаптивность, гетерогенность, проактивность и координированность [7, с. 321].

Сегодня довольно часто термин «цифровая экосистема» встречается в работах, посвященных IT-технологиям. Здесь под цифровой экосистемой понимают самоорганизующуюся, устойчивую систему с цифровыми платформами в основе, которые формируют единую информационную среду, в которой члены экосистемы могут взаимодействовать, когда между ними нет жестких функциональных связей

[9, с. 10]. Другие определения интерпретируют цифровую экосистему через совокупность ее структурных элементов: «экосистема цифровой платформы включает в себя владельца платформы, который реализует механизмы управления для упрощения механизмов создания ценности на цифровой платформе между владельцем платформы и экосистемой автономных комплементоров и потребителей» [10, с. 87]. Комплементом считается субъект, создающий дополнительные ценности, услуги или продукцию, которые усиливают конкурентные преимущества созданной цифровой платформы. При этом отмечается, что отношения комплементора и экосистемы отличаются от привычных отношений поставщика и фирмы, поскольку в случае цифровой экосистемы, не фирма выбирает поставщика, а сам комплементор делает выбор присоединиться ли к экосистеме.

Ключевыми элементами цифровой экосистемы являются:

- платформа, функционирующая на принципах открытости, модульности;
- сетевой эффект (чем больше на платформе создано различных услуг, ценностей, продуктов и возможностей, тем большего эффекта можно благодаря ей достигнуть);
- рыночные ожидания (которые связаны с восприятием пользователями потенциальных выгод от функционала платформ, которые на данный момент могут быть еще и не созданными, но ожидаются участниками, привлекать их, и, тем самым, активизировать сетевые эффекты) [17, с. 10].

В связи с этим целесообразно подробнее продемонстрировать особенности цифровой экосистемы. Во-первых, это уже упомянутые комплементоры, статус владения, механизм создания ценности, устойчивость (sustainability). Устойчивость — это способность экосистемы изменяться и адаптироваться к условиям внешней среды в целом, а также продолжать функционировать во время изменений в членах или их соответствующих ролях. Устойчивость экосистемы основана на возможности гибких изменений структуры экосистемы, постоянном взаимодействии членов и их сотрудничестве. Что касается статуса владения платформой, то оно включает не столько юридический компонент, сколько распределение власти в экосистеме. Выделяют несколько типов собственности. Первыми выделяют централизованные, к ним относятся контролируемые одним владельцем, такие как Facebook (ныне Meta — признанная в России экстремистской организацией), мобильная операционная система Apple iOS и облачная платформа SAP. В подобных конфигурациях управление осуществляется владельцем созданной платформой, который может быстро корректировать их деятельность и внедрять изменения. В случае существенного роста подобные экосистемы могут монополизировать сектор, в котором они функционируют. Отдельно отмечается, что с ростом экосистемы некоторые цифровые платформы стали доминировать на своих рынках (например, Google и Apple). В результате владельцы платформ не только задают какие-то правила, но и могут исключать комплементоров из своей системы, как это сделал Google в 2019 г. с производителем устройств Huawei¹.

Выделяют экосистемы консорциумного типа, где полномочия распределены между включенными в него субъектами, которые совместно управляют экосистемой цифровой платформы.

Существуют и децентрализованные цифровые экосистемы, управляемые одно-ранговыми сообществами. К таковым в первую очередь относятся блокчейн-платформы (Ethereum или District 0x). В них повышается роль включенных в их функционирование субъектов, наделяя их правом участвовать в организации создаваемо-

¹ U.S. Tech Suppliers, including google, restrict dealings with huawei after trump order // New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/20/technology/google-android-huawei.html> (дата обращения: 17.06.2022).

го сообщества. Ethereum называют себя фундаментом нашего цифрового общества¹. Эта децентрализация дает пользователям возможность напрямую влиять на будущее направление экосистемы. Стоит также отметить, что некоторые исследователи отмечают, что блокчейн проекты в определенной мере являются отражением политических взглядов их создателей, о децентрализации власти и отсутствии внешнего вмешательства. Так, исследователь блокчейна А. Шварц выделяет два типа блокчейн-проектов:

- радикальный (предполагающих кардинальное преобразование существующих институциональных систем и порядков посредством создания новых технологических решений, заменяющих, например, традиционные банковские или правительственные институты и процедуры);
- инкорпоративный (дополняющих существующие механизмы технологическими решениями, повышая эффективность их функционирования) [11, с. 381].

Другой особенностью экосистемы является облегченный механизм создания ценности, базирующийся на инновационных технологиях, упрощающих и облегчающих взаимодействие, оказание услуг [16, с. 14]. В рамках первого ценностного механизма упрощения транзакций посредством цифровой платформы облегчается поиск и выстраивание коммуникации поставщиков и потребителей, позволяя им конструировать наиболее выгодный обмен ценностями [8, с. 1230]. Так, например, Яндекс.Такси упрощает транзакции между теми, кто готов предоставить услуги такси, и теми, кто хочет куда-то добраться с помощью такси.

В рамках цифровых платформ создается второй ценностный механизм — создание элементов, дополняющих первоначальное их ядро. Подобная конвергенция возможна в случае их функционирования на открытых принципах, предоставления доступа к ним комплименторам. Так, например, Uber после создания сервиса для такси использовала свои возможности дополняемости для создания дополнительных сервисов, таких как UberEats, эффективно охватывающих и осваивающих новые рынки².

Создание экосистем в бизнес-среде

В России в данный момент есть несколько крупных цифровых экосистем: «Яндекс», VK, Сбер [5, с. 201]. «Яндекс», одна из крупнейших IT-компаний на российском рынке, является идеальным примером, в котором легко обнаружить все элементы цифровых экосистем. Компания уже в 2010 г. имела 50 специализированных сервисов, направленных на решение повседневных задач. Сейчас число сервисов превышает 120, на отдельной странице «Яндекса» можно увидеть полный перечень таких сервисов в алфавитном порядке. В первые годы существования были созданы: поисковый алгоритм (Яндекс Поиск), рекламный сервис (Яндекс.Директ), сервисы почты (Яндекс.Почта) и карт (Яндекс.Карты). За 10 лет «Яндекс» преобразил традиционные офлайн сферы бизнеса посредством их цифровизации. В тот период в портфеле компании насчитывалось уже около 50 специализированных сервисов: Яндекс.Недвижимость, Яндекс.Услуги, Яндекс.Диск, Яндекс.Музыка и другое³. Во второй половине 2010-х «Яндекс» расширяет свое влияние на рынке голосовых помощников (Алиса), решений для умного дома (Яндекс.Станция), карше-

¹ Что такое Ethereum? // Ethereum [Электронный ресурс]. URL: <https://ethereum.org/ru/what-is-ethereum/> (дата обращения: 01.07.2022).

² Woolworths и Uber Eats объединятся для организации доставки за час // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/612362d79a794750b5ade2bf (дата обращения: 03.07.2022).

³ Компания Яндекс — новости сервисов // Официальный сайт Яндекс [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/company/services_news/2022 (дата обращения: 01.07.2022).

ринга (Яндекс.Драйв), доставка еды (Яндекс.Доставка и Яндекс.Лавка). По результатам финансового отчета «Яндекс» за 2021 г. общая выручка компании составила больше 356 млрд руб., из которых лишь треть приходится на поисковую систему, в то время как остальную прибыль принесли непосредственно сервисы «Яндекс».

В 2021 г. крупнейший российский банк «Сбербанк» объявил о смене названия и о запуске своей собственной экосистемы¹. Данная экосистема имеет много общих черт с предыдущей. Это и сервис по прослушиванию музыки (Сберзвук), и стриминговый сервис (ОККО), и сервис по доставке еды (Delivery Club). Всего в экосистему Сбера входит более 50 различных цифровых сервисов и компаний, что делает его одной из самых крупных в России, но все еще уступающей Яндексу.

Отдельного внимания у исследователей заслужил Facebook (признана в России экстремистской организацией), поскольку он довольно часто оказывался в центре политических и социальных скандалов. Кроме того, Facebook (признана в России экстремистской организацией) — одна из самых крупных цифровых экосистем, которая продолжает развиваться и расширяться, ее новые направления заслуживают исследовательского внимания и критики. Так, в 2017 г. М. Цукерберг (создатель данной платформы) опубликовал манифест из 6000 слов, в котором излагается изменение направления Facebook (признана в России экстремистской организацией) от «подключения людей» к созданию «социальной инфраструктуры». А в 2021 г. Facebook (признана в России экстремистской организацией) переименовалась в Meta (признана в России экстремистской организацией) и заявила о создании своей метавселенной. Для этого же ранее была приобретена компания, занимающаяся созданием очков виртуальной реальности — Oculus Rift². В своей резкой критике компании американский историк культуры и исследователь СМИ Ш. Вайдхьянатан утверждает, что это новое видение отражает стремление Facebook (признана в России экстремистской организацией) превратиться из «операционной системы наших ноутбуков и настольных компьютеров» в «операционную систему нашей жизни». Часть исследователей и вовсе рассматривает такие компании как Facebook (признана в России экстремистской организацией) в качестве продолжателей «американского империализма», которые используют цифровые средства для эксплуатации рабочих [13, с. 4]. Рассмотренные системы являются наиболее распространенными, но есть и другие типы систем.

Развитие цифровых платформ и экосистемы в политике

Безусловно, уже обозначенное выше возросшее влияние компаний, которые создали и владеют экосистемами, отразилось и на политической сфере. Интерес для аналитиков сегодня представляет осмысление социо-гуманитарных последствий внедрения технологий в общественно-политические и социальноэкономические процессы и институты. В результате актуализируются вопросы границ частного пространства, субъектности индивида, допустимости внедрения искусственного интеллекта. Возможностей прямой демократии и преодоления технологической монополии и тоталитаризма.

Многие работы, посвященные анализу того, как влияют цифровые экосистемы на политику, не говорят напрямую о цифровых экосистемах, а чаще называют их цифровыми платформами, однако суть остается той же. Так, например, С. Коулман

¹ Официальный сайт Сбербанка. Сбер — цифровая экосистема [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/ecs> (дата обращения: 01.07.2022).

² Facebook объявил о начале создания «метавселенной» // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/07/2021/61000b979a7947b7cee5333d (дата обращения: 01.07.2022).

акцентирует внимание на способность цифровых платформ содействовать развитию делиберативной демократии [6, с. 130].

Российская Федерация стала одной из немногочисленных стран, в которой развивают собственную государственную экосистему по предоставлению определенных услуг обществу. Данная экосистема называется Портал государственных услуг Российской Федерации (далее Госуслуги).

Сервис Госуслуги стал доступен для граждан и организаций в 2009 г. и изначально позиционировался как некая справочная служба (узнать о том, какие документы необходимы для замены паспорта или информацию о режиме работы государственного учреждения)¹.

Другие авторы делают акцент на социальных сетях, утверждая за ними первенство в гражданском и политическом активизме. Часть исследователей возлагают надежды на концепцию «цифрового гражданства» (digital citizen) [1, с. 65], которая на начальном этапе рассматривала технологические аспекты управления и участия, развиваясь включила осмысление социальных и ценностных аспектов жизнедеятельности в цифровом обществе, вопросы справедливости и коллективного действия в нем, новых форм и сущностей взаимодействия власти и гражданина [18, с. 45].

Политологи С. В. Володенков и С. Н. Федорченко выделяют несколько сценариев развития цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма: эволюционный, алармистский, делиберативный, алеаторный [2, с. 100].

Выводы

Таким образом, можно обозначить несколько особенностей цифровых экосистем в контексте политики. Первая особенность заключается в том, что необходимо понимание структурных компонентов, из которых состоит цифровая экосистема, как они между собой взаимодействуют и дополняют друг друга. Понимание этого может способствовать более точному анализу того, какое влияние каждый из них отдельно и в совокупности оказывает на политику и гражданскую активность. Вторая — в анализе цифровых экосистем как новых политических акторов, которые стремятся к доминированию в социальной реальности и соперничают в этом с государством.

Кроме того, мы считаем, что формирующиеся политические цифровые экосистемы, чтобы эффективно выполнять свои функции и выступать акторами в политическом пространстве, должны обладать следующими характеристиками:

- 1) обеспечивать доступ к широкому спектру сервисов услуг на базе одной платформы;
- 2) обеспечивать объединение большого числа участников, основанного на принципах взаимовыгодности отношений;
- 3) базироваться на едином аккаунте (доступ ко всем сервисам платформы возможен через единый аккаунт);
- 4) представлять собой единый бренд для всех сервисов и элементов инфраструктуры;
- 5) обеспечивать многоканальность представительства и взаимодействия (сайт, приложение, группы в социальных сетях и т. д.);
- 6) быть направленными на удовлетворение широкого спектра социально-политических потребностей человека, от получения той или иной информационной

¹ Официальный портал государственных услуг Российской Федерации. Порталу Госуслуг 10 лет [Электронный ресурс]. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_16_10_years (дата обращения: 02.07.2022).

- справки до возможности повлиять на принятие решения в месте проживания (городе, регионе или стране);
- 7) обеспечивать возможность гибких изменений структуры экосистемы, предполагающей постоянное взаимодействие членов и их сотрудничество;
 - 8) обеспечивать возможность для делиберативного (совещательного) обсуждения и участия;
 - 9) обеспечивать возможность выстраивания элементов архитектуры системы цифровых сервисов на основе их взаимосвязи и тесной интеграции;
 - 10) обеспечивать открытость и модульность (свойство системы, связанное с возможностью ее декомпозиции на ряд внутренне связанных между собой модулей).

Литература

1. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–70.
2. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118. DOI: 10.14515/monitoring. 2021.6.2014.
3. Дякивнич О. Н. Формирование цифровых бизнес-экосистем как тренд в трансформации бизнес-моделей // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов по итогам IV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 октября 2021 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 450–457.
4. Иващенко Н. С., Зернова Л. Е., Мишаков В. Ю. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 1 (397). С. 38–42.
5. Куликова О. М., Суворова С. Д. Экосистема: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии знаний. 2021. № 1 (42). С. 200–205.
6. Колуман С. Может ли Интернет укрепить демократию? СПб. : Алетейя. 2018. 150 с.
7. Левина А. И., Шувалова А. В. Бизнес-экосистемы и цифровые платформы как формы организации бизнеса // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: Сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции. Санкт-Петербург. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. 2021. С. 320–325.
8. Evans D. S. Governing bad behavior by users of multi-sided platforms // Berkeley Technology law journal. 2012. N 2. P. 1201–1250.
9. Barykin S. Y., Kapustina I. V., Kirillova T. V. Economics of Digital Ecosystems // Journal of open innovation: technology, market, and complexity. 2020. N 6. P. 1–16.
10. Hein A., Shereieck M., Riasanow T. Digital platform ecosystems // Electronic markets. 2020. N 30. P. 87–98.
11. Husain O., Franklin A., Setzke D. S., Wiesche M., Böhm M., Krcmar H. The political imaginaries of blockchain projects: discerning the expressions of an emerging ecosystem // Sustainability science. 2020. N 15. P. 379–394.
12. Moore J. F. Predators and prey: A new ecology of competition // Harv. Bus. Rev. 1993. N 71. P. 75–86.
13. Poell T., Nieborg D. Platformisation // Internet policy review. 2019. N 8. P. 1–13.
14. Sussan F., Acs Z. J. The digital entrepreneurial ecosystem // Small Bus. Econ. 2017. N 49. P. 55–73.
15. Tansley A. G. The Use and abuse of vegetational concepts and terms. Sage Publications: Thousand Oaks. CA, USA. 2007. P. 517–522.
16. Tiwana A. Platform ecosystems // Aligning architecture, governance and strategy. 2014. N 10. P. 13–15.
17. Valdez-De-Leon O. Technology innovation management review. 2019. N 9. P. 43–54.
18. Fernández-Prados J. S., Lozano-Díaz A., Ainz-Galende A. Measuring digital citizenship: a comparative analysis // Informatics. 2021. N 1. P. 30–73.

Об авторах:

Фролов Александр Альбертович, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация), кандидат политических наук; a.a.froloff@gmail.com

Соколов Александр Владимирович, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета (Ярославль, Российская Федерация), доктор политических наук; alex8119@mail.ru

Егоров Даниил Владимирович, студент Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, danixegoroff@yandex.u

References

1. Brodovskaya E.V. Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship // Power [Vlast']. 2019. N 4. P. 65–70 (in Rus).
2. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. (2021) Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny]. N 6. P. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014> (in Rus).
3. Dyakivnich O.N. Formation of digital business ecosystems as a trend in the transformation of business models // Management of innovation and investment processes and changes in the digital economy: a collection of scientific papers on the results of the IV International scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28–29, 2021. SPb. : Saint Petersburg State University of Economics, 2021. P. 450–457 (in Rus).
4. Ivashchenko N.S., Zernova L.E., Mishakov V.Yu. Business ecosystem as a form of doing business: types, principles of partnership and directions of development in the textile industry // Izvestia of higher educational institutions. Technology of the textile industry [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Tekhnologiya tekstil'noy promyshlennosti]. 2022. N 1 (397). P. 38–42 (in Rus).
5. Kulikova O.M., Suvorova S.D. Ecosystem: a new format of modern business // Bulletin of the Academy of Knowledge [Vestnik Akademii znaniy]. 2021. N 1 (42). P. 200–205 (in Rus).
6. Columan S. Can the Internet strengthen democracy? St. Petersburg: Aleteya, 2018. 150 p (in Rus).
7. Levina A.I., Shuvalova A.V. Business ecosystems and digital platforms as forms of business organization // Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade: Proceedings of the All-Russian scientific-practical and educational-methodical conference. Saint-Petersburg. SPb. : POLYTECH-PRESS 2021. P. 320–325 (in Rus).
8. Evans D.S. Governing bad behavior by users of multi-sided platforms // Berkeley Technology Law Journal. N 2. 2012. P. 1201–1250.
9. Barykin S.Y., Kapustina I.V., Kirillova T.V. Economics of Digital Ecosystems // Journal of open innovation: technology, market, and complexity. 2020. N 6. P. 1–16.
10. Hein A., Shereieck M., Riasanow T. Digital platform ecosystems // Electronic Markets. 2020. N 30. P. 87–98.
11. Husain O., Franklin A., Setzke D.S., Wiesche M., Böhm M., Krcmar H. The political imaginaries of blockchain projects: discerning the expressions of an emerging ecosystem // Sustainability Science. 2020. N 15. P. 379–394.
12. Moore J.F. Predators and prey: A new ecology of competition // Harv. Bus. Rev. 1993. N 71. P. 75–86.
13. Poell T., Nieborg D. Platformisation // Internet Policy Review. 2019. N 8. P. 1–13.
14. Sussan F., Acs Z.J. The digital entrepreneurial ecosystem // Small Bus. Econ. 2017. N 49. P. 55–73.
15. Tansley A.G. The Use and abuse of vegetational concepts and terms. Sage Publications: Thousand Oaks, CA, USA, 2007. P. 517–522.
16. Tiwana A. Platform ecosystems // Aligning architecture, governance and strategy. 2014. N 10. P. 13–15.
17. Valdez-De-Leon O. Technology Innovation Management Review. 2019. N 9. P. 43–54.
18. Fernández-Prados J.S., Lozano-Díaz A., Ainz-Galende A. Measuring digital citizenship: a comparative analysis // Informatics. 2021. N 1. P. 30–73.

About the authors:

Frolov Alexander Albertovich, Associate Professor of the Department of Socio-Political Theories of Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); a.a.froloff@gmail.com

Sokolov Alexander Vladimirovich, Chair of the Department of Socio-Political Theories of Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); alex8119@mail.ru

Egorov Daniil Vladimirovich, student, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation); danixegoroff@yandex.ru

Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе

Межевич Н. М.^{1, 2, *}, Шамахов В. А.¹, Хлутков А. Д.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Советский опыт экономического управления формировался с учетом опыта американского и европейского управления промышленностью эпохи индустриальной революции конца XIX века. В свою очередь советская модель стала к концу второй пятилетки предметом пристального анализа на Западе. Вопреки общему мнению, внимание было привлечено не только к вопросу о глубине рынка, но и к соотношению территориального и отраслевого управления.

Ключевые слова: план, рынок, территориальное управление, отраслевое управление, российская экономика, западные подходы, региональная экономика

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д. Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 56–65.

Between Industry and Space: Experience in Managing the Russian Economy and Its Implementation in the West

Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}, Vladimir A. Shamakhov¹, Andrey D. Khlutkov¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The Soviet experience of economic management was formed taking into account the experience of the American and European industrial management of the industrial revolution of the late 19th century. In turn, the Soviet model became the subject of close analysis in the West by the end of the second five-year plan. Contrary to the general consensus, attention was drawn not only to the question of the depth of the market, but also to the ratio of territorial and sectoral administration.

Keywords: plan, market, territorial administration, sectoral administration, Russian economy, western approaches, regional economy

For citing: Mezhevich N.M., Shamakhov V.A., Khlutkov A.D. Between Industry and Space: Experience in Managing the Russian Economy and Its Implementation in the West // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 56–65.

Историко-географические предпосылки возникновения Российского государства — тема достаточно изученная, хотя и очень идеологизированная. Посмотрим на этот вопрос с экономической точки зрения, точнее, с позиций экономического управления.

Не будет преувеличением сказать, что сами размеры территории Советского Союза и объемы локализованного на ней природного богатства явились одним из факторов (или, по крайней мере, предпосылок) длительного существования совет-

ского общества на преимущественно экстенсивной экономической основе. Действие этого фактора позволяло затушевывать и отодвигать во времени неизбежный кризис как общества в целом, так и его пространственной организации. В современной России действие этого фактора проявляется с той же силой, но в новых условиях оно приобретает ряд новых аспектов, в том числе и негативных [12].

Механизмы, институциональные факторы, определяющие генезис экономического пространства в советское время, постоянно совершенствовались, влияя и на сам характер региональной политики.

Специфика экономики Российской Федерации заключается в том, что при любом уровне централизации она географически децентрализована, и поэтому поиски оптимальной модели управления в контексте «план — рынок» никак не охватывают все проблемы регулирования. Это было очевидно с середины 20-х гг., но «волны» централизации — децентрализации шли при общем доминировании именно плановых подходов. Отметим и то, что 30 лет рынка также были связаны с разными акцентами в сфере территориального экономического управления.

История экономического управления в СССР — постоянная постановка крайне трудно осуществимых и весьма затратных задач. В 80-е гг. прошлого века дискуссии об экономическом управлении в основном касались безграничных недостатков плановой экономики и неограниченных достоинств рыночных принципов организации. Это закономерно, если смотреть на этот вопрос глазами советского экономиста 60–80-х гг. Однако в настоящее время мы рассматриваем данный вопрос иначе, во всей сложности современных теоретических подходов и с учетом экономической практики последних 30 лет.

Следует выделить следующие наиболее важные вопросы, которые незаслуженно отошли на второй план под влиянием дискуссии «план — рынок»:

- «Соотношение отраслевого и территориального управления народным хозяйством.
- Стратегия территориального развития. (Наличие дифференцированного финансирования, развитие различных регионов и механизмов осуществления подобного финансирования).
- Создание и совершенствование политико-правовых и институциональных основ пространственной политики» [5, с. 98].

Рассмотрим первый вопрос. С нашей точки зрения, возможна следующая хронология:

1. «1917–1918 гг. Начальный период формирования единой системы хозяйственного руководства в стране на базе территориального принципа организации.
2. 1919–1920 гг. период военного коммунизма: становление и утверждение ведомственного подхода при фактическом отходе от территориального.
3. 1921–1923 гг. Введение в рамках мероприятий НЭПа новой структуры управления на базе использования территориальных органов общей компетенции.
4. 1923–1931 гг. Период постепенного усиления централизующей тенденции в управлении на базе использования различных отраслевых органов.
5. 1932–1955 гг. Период функционирования высокоцентрализованной отраслевой системы управления хозяйством.
6. 1956–1959 гг. Период резкого усиления использования территориального подхода, реализованного в системе управления хозяйством на базе совнархозов экономических районов.
7. 1960–1964 гг. Период постепенной трансформации децентрализованной территориальной системы управления хозяйством в централизованную многоуровневую систему отраслевых, функциональных и территориальных органов.
8. 1965–1991 гг. Период существования преимущественно отраслевой системы управления хозяйством с постепенным нарастанием применения территориального подхода» .

После революции 1917 г. и по итогам гражданской войны необходимо было восстановить хозяйство. Однако при этом учитывая новые, только зарождающиеся экономические принципы управления.

В первой половине 20-х гг. не ставилась задача добиться изменения географии промышленности, сельского хозяйства какими-либо методами. На этом этапе решались главные задачи — национализация и восстановление промышленности. На этом этапе территориальное управление абсолютно доминировало, региональное управление становилось в соответствующем регионе синонимом государственного управления.

Это не могло не вызывать определенного беспокойства Москвы. В результате вехой на пути ослабления территориального управления стало принятое Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) Положение «О Губернских Советах народного хозяйства». Этим распоряжением губсовнархозы выводились из подчинения местных исполкомов и рассматривались как исполнительные органы ВСНХ.

22 февраля 1921 г. началась и продолжалась по декабрь 1991 г. «эпоха Госплана». Именно 22 февраля подписывается декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «Положение о Государственной Общеплановой Комиссии». Согласно декрету, на Государственную Общеплановую комиссию возлагается:

- «разработка единого общегосударственного плана, способов и порядка его осуществления;
- рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предположений различных ведомств, а также областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ. Дальнейшее развитие принципов связано с Декретом СНК от 21 марта 1921 г. «О плановых комиссиях» и Декретом ВЦИК и СНК от 8 июня 1922 г. — «Положение об областных плановых комиссиях»¹.

По мере завершения восстановления народного хозяйства в Госплане СССР и его территориальных органах в конце 20-х гг. существовало три принципиально важных подхода к разрабатываемому пятилетнему плану.

1. Перераспределение средств из сельского хозяйства в промышленность необходимо вести существенно меньшими темпами.
2. Приоритетное стимулирование развития промышленности в староосвоенных районах, где быстрее оборачиваемость средств, меньше расходы на инфраструктуру, уже существуют подготовленные кадры.
3. Промышленное развитие национальных районов должно вестись, исходя из критериев экономической эффективности, а не идеологической значимости.

После длительных дискуссий победила первая точка зрения. Началась форсированная индустриализация, перераспределение ресурсов между деревней и городом, освоение новых районов.

В результате обозначились следующие тенденции:

- 1) «обеспечение постепенного сдвига населения и производительных сил в восточные и северные районы страны, с учетом роста потребности в освоении новых богатств природных ресурсов и необходимости определенным образом регулировать масштабы и темпы роста хозяйственной деятельности в Европейской части и на Урале (в частности, сократить там темпы роста материало-, водо- и энергоемких производств);
- 2) недопущение чрезмерного роста крупнейших городов, стимулирование малых и средних, развертывание нового городского строительства, имея в виду потребность более равномерного размещения производства и расселения, преодоления существенных различий между городом и деревней;

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Государственной Общеплановой Комиссии [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/45925>

- 3) сближение, а позднее — “выравнивание” уровней социально-экономического развития регионов и республик, имея в виду наличие существенных разрывов между территориями к моменту Октябрьской революции и началу планомерного “строительства социализма” (иногда эта установка формулировалась как принцип ликвидации фактического социально-экономического неравенства народов СССР);
- 4) комплексное развитие экономических и союзных республик;
- 5) приближение промышленности к источникам сырья, топлива, энергии, трудовым ресурсам и районам потребления за счет сокращения чрезмерно дальних, встречных и нерациональных перевозок сырья и топлива, полуфабрикатов и готовой продукции;
- 6) размещение производства с учетом всего комплекса задач, связанных с необходимостью повышения обороноспособности страны»¹.

По своей сущности все эти установки были оправданными. Вопрос следует ставить несколько иначе: в какой степени стратегические установки, сформулированные в разное время и в различных документах, и по сути своей в основном верные, были реализованы на практике?

Реализация части этих установок (к примеру, 1, 2, 6) на практике началась в годы второй пятилетки. Именно поэтому вторая пятилетка связана с качественно другими задачами, чем «восстановительная» первая пятилетка. Прежде всего, ускоренный рост производительных сил восточных районов (Восточное Поволжье, Урал, Сибирь). В 1937 г. восточные районы (включая Урал) дали 32,6% угля, в 1928 г. — 19%. Аналогично по стали: 30,5% и 23,6%, по цементу: 16,5 и 7,6%.

В результате проведения подобной политики, а также учитывая то, что с конца 20-х гг. был взят курс на ускоренную индустриализацию, произошли следующие изменения. В период 1928–1937 гг. промышленное производство в СССР возросло втрое быстрее, чем в Российской империи, при этом с 1928 по 1937 г. промышленное производство выросло в Азербайджане в 4,5 раза, на Украине и в Узбекистане в 5,7, в Туркмении в 6,5, Белоруссии в 8,5, Казахстане и Армении в 12, Грузии в 12,5, Киргизии в 14, Таджикистане в 26 раз.

Приблизительно до 1955 г. вышеотмеченные тенденции регионального развития осуществлялись в неизменяемой административной системе. Причем «советское административно-территориальное устройство полностью восприняло насажденную еще Екатериной Великой практику жесткой привязки провинциальной жизни к столице региона» [9].

«Отраслевой подход был доведен до своего предела, логического завершения, именно поэтому в 1954–1955 гг. около 15 тыс. предприятий были переданы из центрального подчинения в республиканское. Декабрьский (1956) Пленум ЦК КПСС принял резолюцию о расширении прав республик. Затем было упразднено около 140 министерств, оставшиеся получили только координирующие функции. Было образовано 105 совнархозов, охватывающих 75% предприятий промышленности. В компетенции совнархозов находились и полномочия, традиционно находившиеся на местах, и ряд полномочий, раньше принадлежавших центру. Все это означало безусловную победу территориального управления. На данном этапе реформ возникла ситуация, близкая к региональному хозрасчету 80-х гг., с той только разницей, что совнархозовская система дала реальный рост объемов производств» [5, с. 107].

В этот период было принято решение приблизить промышленность к источникам сырья и топливно-энергетическим ресурсам. В качестве важнейшей задачи в социальной и экономической сфере был провозглашен курс на сглаживание терри-

¹ См. подробнее: [7].

ториальных различий. За период с 1951 по 1960 г. рост объемов промышленной продукции в процентах составил по СССР 303%, по РСФСР — лишь 282%. При этом рост промышленности в Центральном экономическом районе составил за указанный период 265%, на Урале 265%. Однако были территории, развивавшиеся в два раза интенсивнее: Литовская ССР — 539%, Молдавская ССР — 436%. Таким образом, интенсивность промышленного развития в некоторых национальных республиках была в 2,2 раза выше, чем в динамичных районах РСФСР. Естественно, что производительность труда и национальный доход в Литве и Молдавии не были в два раза выше, чем в России.

Если в период с 1966 по 1970 г. темпы роста объема промышленного производства составили по СССР — 150%, по РСФСР — 149%, объем сельскохозяйственного производства за этот период вырос на 123% в СССР, а в РСФСР на 123,8%. На этом фоне обращают на себя внимание темпы роста объема производства в Восточно-Сибирском районе (157,4%), в то время как старейшие промышленные районы — Северо-Западный и Центральный — имеют показатели: 141 и 143% соответственно. Аналогичная ситуация складывалась в 1971–1975 гг. В эти годы по промышленности показатель СССР — 143%, а РСФСР — 142%. При этом продолжает динамично развиваться Восточно-Сибирский район. Аналогичная ситуация и по Западно-Сибирскому району. Доля этого района в общем объеме капитальных вложений выросла с 12 до 21%, однако в общем объеме промышленного производства доля Западно-Сибирского района выросла с 8,2 до 11,61%. Таким образом, несмотря на двукратное увеличение капитальных вложений, т.е. перераспределения финансовых ресурсов, объем промышленного производства практически не вырос.

Кто же выступил донором в условиях, когда акцепторами были национальные республики и восточные районы? Донорами были районы Европейской части России. Так, Центральный район характеризуется следующей динамикой объема капитальных вложений. Они уменьшились с 1971 г. по 1988 г. с 25,61 до 16,8%. (От России в целом.) При этом доля этого района в общем объеме промышленного производства уменьшилась только с 25,6 до 22,35%. Аналогичная ситуация имела место в Центрально-Черноземном и Северо-Западном экономических районах.

Региональный воспроизводственный процесс осуществлялся только при мощном финансировании из Центра. Многоотраслевые районы оказывались, как правило, в зависимости от степени исчерпания того или иного природного ресурса. Уникальным исключением является развитие Поволжья. И в первом, и во втором случае старт экономическому развитию был задан мощным вливанием из государственного бюджета. Темпы роста объема промышленной продукции в Поволжском районе (1960 г. в процентах 1940-му) были достаточно высокими — 9,2%. Интенсивные инвестиции в Поволжский экономический район в предвоенные и послевоенные годы привели к созданию мощных хозяйственных комплексов с высокопроизводительной диверсифицированной, устойчивой структурой хозяйства. В настоящее время в Поволжском экономическом районе представлены практически все виды промышленности и достаточно интенсивное сельское хозяйство. Когда нефтяные промыслы Поволжья оказались на грани закрытия, произошло закономерное перераспределение средств и трудовых ресурсов, и кризисные явления не охватили указанную территорию. Однако Поволжский экономический район, функционируя в 1960–1980-е гг. как регион-донор, не имел возможностей для реинвестирования полученных средств. Эти средства изымались и исчезали в «ударных стройках». В результате Поволжский район к 1988 г. потерял динамику экономического развития, хотя и не стал депрессивным районом.

На протяжении рассматриваемого периода (1941–1975 гг.) по-прежнему отчетливо проявляется тенденция более быстрого развития промышленности в ранее

отстававших районах, которые обгоняют по темпам ушедшие вперед. Так, показатель уровня промышленного развития возрос и стал выше среднесоюзного в пяти ранее недостаточно развитых районах — Волго-Вятском, Поволжском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Прибалтийском. Наряду с этим он закономерно понизился, хотя и остался выше среднесоюзного, в трех высокоиндустриальных районах — Северо-Западном, Центральном и Донецко-Приднепровском (в эту же группу вошел и Дальневосточный район), а в двух районах — Северо-Кавказском и Южном этот показатель стал уступать среднесоюзному. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в трех в основном национальных районах — Казахстанском, Юго-Западном, Центральном-Черноземном, а также в Молдавской ССР уровень промышленного развития хотя и повысился, но по-прежнему остался ниже среднесоюзного.

Близкие результаты дает изучение изменений за 1961–1975 гг. по более точному показателю — суммарной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения. За этот период максимальный разрыв между районами сохранился на прежнем уровне — 2,5 раза (Средняя Азия и Центр), оставаясь незначительным. Сохранилась за некоторыми исключениями и группировка районов. Показатель уровня хозяйственного развития возрос и стал выше среднесоюзного у Волго-Вятского, Центральном-Черноземного и Белорусского районов, остался на уровне среднесоюзного у Южного, на уровне ниже среднего, но повысился у Дальнего Востока и Казахстана, понизился у Северного Кавказа.

Показатель валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на душу населения в разрезе союзных республик различается в 5,1 раза, показатель национального дохода на душу населения — в 2,4 раза (Таджикистан и Эстония)¹.

Таким образом, с точки зрения динамики выравнивания уровней общего производственного вклада экономических районов СССР за послевоенный период выделяются две группы регионов. Если в первой группе, которая охватывает большое количество старопромышленных и новых (в основном на востоке РСФСР) индустриальных районов, продолжался закономерный процесс хозяйственного сближения, то во второй группе, куда входят главным образом отдельные национальные республики и некоторые обжитые районы средней и южной полосы, он происходил еще недостаточно интенсивно.

В конце 70-х гг. по показателю суммарной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на одного жителя можно выделить следующие группы регионов России:

- 1) наиболее высокого уровня (выше 121% среднесоюзного показателя) — Центральный, Уральский;
- 2) выше среднего уровня (108–121%) — Поволжский, Северо-Западный, Западно-Сибирский, Волго-Вятский;
- 3) среднего уровня (91–107%) — Восточно-Сибирский, Центральном-Черноземный, Дальневосточный районы;
- 4) ниже среднего уровня (70–90%) — Северо-Кавказский.

На этом этапе разрыв в уровнях социально-экономического развития регионов России уже являлся значительным. Национальный доход на душу населения по отношению к уровню РСФСР (в процентах) казался весьма значительным: 42,8% в Дагестане по отношению к 111,8% в Республике Коми².

Подведем итоги. Установка на сближение уровней социально-экономического развития регионов была стратегически верной, но реализация стала лишь ограни-

¹ Вопросы территориальной организации хозяйства экономических районов / Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. М., 1977. С. 234.

² Там же. С. 237.

ченно удачной. Периферийные регионы в той или иной мере были охвачены индустриализацией, но это было сделано главным образом на экстенсивной основе (к тому же применительно к Средней Азии и Закавказью это было сделано за счет других республик, прежде всего РСФСР).

«Сдвиг на Восток (и однотипная с ним политика ускоренного освоения Европейского Севера) осуществлялся в режиме гигантомании и сырьевой монополии (нефть, уголь, лес, рыба и т. д.) и сопровождался разнообразными и масштабными негативными последствиями. Пренебрежение хозяйствующих министерств и ведомств социальными проблемами отрицательно сказывалось на приживаемости населения в районах нового освоения: характерной для них стала очень высокая интенсивность миграционного оборота» [3].

В итоге с точки зрения устойчивых тенденций и реальных результатов данная установка территориальной политики в своем практическом исполнении дала отнюдь не те результаты, которые ожидались и которые оказались последствием преимущественно экстенсивного развития не только районов нового освоения, но и страны в целом. Как отмечают Н. Т. Агафонов, О. П. Литовка и Р. А. Исляев, «...реализация этой установки отодвинула в СССР структурный кризис, но вместе с ним явно расширила его основание» [1, с. 28].

Итак, отметим некоторые наиболее важные проблемы советской пространственной политики:

1. Развитие СССР в определенной степени осуществлялось за счет РСФСР. 53,5% прибавочного продукта, полученного на территории РСФСР, уходило в другие республики. С 1940 г. по 1975 г. общий объем промышленной продукции в СССР увеличился в 17 раз. В РСФСР в 15 раз. Показатели Украины, Белоруссии, Узбекистана и Таджикистана за этот период имели незначительные отклонения от российского, в Казахстане этот показатель равен 27, в Литве — 46, Молдавии — 39, в Латвии — 37, в Киргизии — 29, в Армении — в 31 раз.
2. Развитие восточных районов РСФСР осуществлялось за счет западных. На протяжении более чем 50 лет европейская часть России подвергалась социально-экономической эксплуатации и являлась как бы внутренней колонией. Выравнивание вклада старых и новых районов стало серьезной проблемой.
3. Сформированная в городах РСФСР промышленность в буквальном и переносном смысле стоит на костях российского крестьянства. Ограничить рост сверхкрупных городов не удалось. Однако именно крупные и крупнейшие города в наибольшей степени оказались средоточием сложных проблем экономического и социального характера, во многом утратив роль центров научно-технического прогресса [4, с. 14–15]. Аналогично обстоит дело и с рядом других стратегических установок — курсом на создание стабильного населения на Востоке в процессе его ускоренного освоения, ориентацией на недопущение трудоемкого и материалоемкого производства в европейской части СССР и на Урале. Территориальные программы, таким образом, в своей реализации словно наталкиваются на невидимые препятствия.
4. Слабость местных Советов как органов власти оборачивалась диктатом ведомств на территории.

Вопрос о территориальных и отраслевых аспектах управления экономикой был предметом для дискуссий весь советский период [11]. Более того, советский опыт тщательно изучался на Западе, причем не как образец для прямого подражания, но как комплекс альтернативных методов экономического управления, особенно пригодный для чрезвычайных ситуаций. В годы Второй мировой войны советский

опыт экономической мобилизации изучался не менее тщательно, чем советское военное искусство [6].

Концепции и практики индикативного планирования от Западной Германии до США и Канады несут в себе отпечаток советской модели директивного планирования. «Постсоветский рынок — 1992» был теоретической моделью, никогда не проверенной на практике. Уместно сравнение с лабораторными испытаниями вакцины на добровольцах. В этом своеобразном качестве выступили Россия, Украина, Беларусь. Нисходящий тренд развития в России был с огромным трудом остановлен в начале XXI в. Украина не смогла выйти из режима внешнего управления. Беларусь стала единственной республикой, где либеральный эксперимент был взят под контроль практически сразу после начала.

Укажем на то, что, продвигая свою либеральную модель, наши оппоненты признавали ценность советских моделей [8]. Не только методы отраслевого управления, но и практики территориального управления оказались ценным материалом для совершенствования управлением экономикой на Западе. Это так же справедливо, как и то, что формирование советской модели шло с учетом западного опыта эпохи промышленной революции [2]. Лишь «захват» управления на Западе «финансистами», игнорирующими как отраслевые, так и территориальные приоритеты, дискредитировал как классический западный, так и советский опыт. Необходимость новой промышленной индустриализации, объявленная от Токио до Вашингтона, — результат игнорирования объективного опыта как советской, так и мировой промышленной политики в ее многообразии территориальных и отраслевых подходов.

Авторы исходят из того, что система государственного планирования в СССР была основана на государственном снабжении. ГОСПЛАН имел «в тылу» ГОССНАБ, и еще неизвестно, какое ведомство в современном понимании «круче». Однако и эта связка основывается на возможностях национального ценового регулирования — ГОСКОМЦЕН [10].

Если давать оценку современной рыночной экономике от Варшавы до Оттавы, то видно, что в большинстве случаев она не просто квазирыночная, но неэффективная именно потому, что игнорирует как рыночные, так и территориальные приоритеты развития.

Литература

1. *Агафонов Н. Т., Литовка О. П., Исляев Р. А.* Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998.
2. *Доббин Ф.* Формирование промышленной политики. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.
3. *Исляев Р. А.* Территориальная организация общества в современной России: причины кризиса и проблемы обновления // Проблемы современной экономики. 2002. № 1. С. 111–115. EDN OXF5OF.
4. *Крупный город: проблемы и тенденции развития.* Л. : ИСЭП АН СССР, 1988.
5. *Кузнецов С. В., Межевич Н. М.* Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 97–113. EDN YRLRMN.
6. *Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А.* Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки // Управленческое консультирование. 2022. № 11 (167). С. 20–24. DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-20-24.
7. *Межевич Н. М.* История территориального управления в России: советский опыт // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления». 2015. № 14. С. 22–32. EDN UIHUTF.
8. *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1952.

9. Смирнягин Л. В. Трансформация общественного пространства России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2006. № 5. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/>
10. Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. Госплан // Управленческое консультирование. 2022. № 6 (162). С. 10–21. DOI 10.22394/1726-1139-2022-6-10-21.
11. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Территориальное управление в 2021 году: новые подходы к традиционным решениям // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16.
12. Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. М. : ИНФРА-М, 2007. 496 с.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, заведующий лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), руководитель центра белорусских исследований Института Европы Российской академии наук (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Agafonov N. T., Litovka O. P., Islyayev R. A. The state strategy for regional development of Russia: a paradigm shift in the territorial organization of society. St. Petersburg, 1998 (in Rus).
2. Dobbin F. Formation of industrial policy. United States, United Kingdom and France during the formative period of the railway industry. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013 (in Rus).
3. Islyayev R. A. Territorial organization of society in modern Russia: causes of the crisis and problems of renewal // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2002. N 1. P. 111–115. EDN OXF5OF. (in Rus).
4. Major City: Challenges and Development Trends. Leningrad: ISEP Academy of Sciences of the USSR, 1988 (in Rus).
5. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. Regional economic policy of the USSR: historical experience for new economic conditions // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2017. N 2 (52). P. 97–113. EDN YRLRMN. (in Rus).
6. Mezhevich N. M., Khlutkov A. D., Shamakhov V. A. Management efficiency as a condition for mobilizing the economy: some historical lessons // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 11 (167). P. 20–24. DOI 10.22394/1726-1139-2022-11-20-24. (in Rus).
7. Mezhevich N. M. History of territorial administration in Russia: Soviet experience // Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: Management Theory and Practice [Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Seriya «Teoriya i praktika upravleniya»]. 2015. N 14. P. 22–32. EDN UIHUTF. (in Rus).
8. Prokopovich S. N. National Economy of the USSR. New York: Chekhov Publishing House, 1952 (in Rus).
9. Smirnyagin L. V. Transformation of the public space of Russia [Electronic resource] // Domestic notes [Otechestvennye zapiski]. 2006. N 5. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/01/08/smirnyagin/> (in Rus).
10. Khlutkov A. D., Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Three. State Planning Committee // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 6 (162). P. 10–21. DOI 10.22394/1726-1139-2022-6-10-21. (in Rus).

11. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Territorial management in 2021: new approaches to traditional solutions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 7 (151). P. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16. (in Rus).
12. Economic history of the USSR: essays / head of the authors' collective L.I. balkin. Moscow: INFRA-M, 2007. 496 p. (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Head of the Center for Belarusian Studies of the Institute of Europe of Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Экономическая безопасность в документах стратегического планирования

Лапыгин Ю. Н. *, Талов Р. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал РАНХиГС), г. Владимир, Российская Федерация; *lapugin.y@gmail.com

РЕФЕРАТ

Стратегическое развитие современных российских регионов приобретает все более отчетливое методическое наполнение, осваивая новые модели проведения анализа факторов, определяющих перспективы развития хозяйствующих субъектов. В отношении анализа ситуации в части обеспечения экономической безопасности, результаты которой определяют развитие конкретного региона, важно оценить практику обеспечения экономической безопасности, отраженную в стратегии развития региона.

Рассматривая сущность такого явления как «развитие», необходимо назвать такие стороны этого процесса как изменения, сопровождающие развитие и направленные на достижение поставленной цели. Исследователи отмечают, что изменения, как правило, носят закономерный и необратимый характер. В части стратегического развития регионов, как и любых социально-экономических систем, изменения такого рода также носят необратимый характер, поскольку не позволяют вернуться в первоначальное состояние. Стратегическое развитие регионов, так же, как и хозяйствующих субъектов, обеспечивает не только наращивание внутреннего потенциала, но и создает конкурентное преимущество при взаимодействии с внешней средой.

Целью настоящего исследования выступает определение специальных положений экономической безопасности в стратегии развития региона на примере типичного региона Центрального федерального округа, что позволяет оценить проблемы реализации направлений стратегии экономической безопасности страны и определить задачи по корректировке стратегии развития регионов. В числе методов исследования использованы контент-анализ документов, системный анализ, методы группировки и обобщения, а также методы логического анализа и синтеза информации в рамках предметной области исследования. В настоящей работе установлено, что самостоятельные разделы по какому-либо аспекту экономической безопасности отсутствуют, а отдельные аспекты представлены не системно и в большей степени отражают целевую ориентацию разработчиков стратегии нежели содержат конкретные проекты и программы прямого действия в части обеспечения экономической безопасности региона.

В целом в тексте стратегии типичного региона нет акцента на экономическую безопасность, а общие фразы в виде задач, которые нужно решить региону, похожи на декларативные заявления о необходимости решения отдельных вопросов. На перспективу нужен анализ, который следует проводить под углом зрения задач, поставленных по каждому направлению экономической безопасности, которые определены стратегией экономической безопасности страны, за исключением вопросов по развитию национальной финансовой системы в связи с отсутствием полномочий региона в этой сфере.

Ключевые слова: регион, стратегия, экономическая безопасность, направления, задачи, кластер, проблемы

Для цитирования: Лапыгин Ю. Н., Талов Р. К. Экономическая безопасность в документах стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 66–80.

Economic Security in Strategic Planning Documents

Yury N. Lapygin*, Ruslan K. Talov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir Branch of the RANEP), Vladimir, Russian Federation; *lapugin.y@gmail.com

ABSTRACT

The strategic development of modern Russian regions is acquiring more and clearer methodological content, mastering new models for analyzing the factors that determine the prospects for the development of economic entities. In relation to the analysis of the situation in terms of ensuring economic security, the results of which determine the development of a particular region, it is important to evaluate the practice of ensuring economic security, reflected in the development strategy of the region.

Considering the essence of such a phenomenon as “development”, it is necessary to name such aspects of this process as changes that accompany development and are aimed at achieving the goal. The researchers note that the changes, as a rule, are natural and irreversible. In terms of the strategic development of regions, as well as any socio-economic systems, changes of this kind are also irreversible, since they do not allow returning to their original state. The strategic development of regions, as well as economic entities, provides not only an increase in internal potential, but also creates a competitive advantage when interacting with the external environment.

The purpose of this study is to determine the special provisions of economic security in the regional development strategy using the example of a typical region of the Central Federal District, which allows us to assess the problems of implementing the directions of the country's economic security strategy and determine the tasks for adjusting the regional development strategy. Among the research methods used are content analysis of documents, system analysis, methods of grouping and generalization, as well as methods of logical analysis and synthesis of information within the subject area of research. In this paper, it has been established that there are no independent sections on any aspect of economic security, and certain aspects are not presented systematically and reflect the target orientation of the strategy developers to a greater extent than contain specific projects and programs of direct action in terms of ensuring the economic security of the region.

In general, in the text of a strategy of a typical region there is no emphasis on economic security, and general phrases in the form of tasks that the region needs to solve are similar to declarative statements about the need to resolve individual issues. For the future, an analysis is needed, which should be carried out from the point of view of the tasks set for each area of economic security, which are determined by the country's economic security strategy, with the exception of issues related to the development of the national financial system due to the lack of powers of the region in this area.

Keywords: region, strategy, economic security, directions, tasks, cluster, problems

For citing: Lapygin Yu.N., Talov R.K. Economic security in strategic planning documents // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 66–80.

Введение

Рыночные отношения и конкуренция, которые пришли на смену плановой экономике, стали стимулом к внедрению в деятельность хозяйствующих субъектов различных подходов к определению перспектив их развития, что послужило базой для отработки различных методик стратегического анализа и последующей разработки стратегий.

Так, известный профессор Макгильского университета Генри Минцберг с коллегами [3], обобщив в конце прошлого века различные подходы, выделил несколько самостоятельных школ стратегий развития бизнес-структур. В настоящее время приобретают особую значимость вопросы обеспечения экономической безопасности [8; 9; 10; 12; 14], которые так или иначе должны находить свое место в стратегии развития регионов.

Адаптация методических подходов и положений школ стратегий к определению перспектив развития регионов в нашей стране началась задолго до принятия нормативных документов¹ в отношении стратегического планирования.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. № 26 (ч. I) ст. 3378.

В начале нулевых годов одной из первых попыток сформировать стратегию своего развития предприняла администрация Нижегородской области, которая еще в 2001 г. издавала постановление «О стратегическом развитии Нижегородской области»¹, а закон аналогичного плана был принят в Воронежской области в 2007 г.²

Одновременно с этим и некоторые крупные муниципальные образования устремились в процесс разработки стратегий своего развития. А в 2003 г. даже все муниципальные образования целого региона (Владимирской области) при поддержке Фонда «Евразия» разработали стратегии своего развития. Были разработаны не только стратегии городов и районов, но и городов районного подчинения и рабочих поселков [6].

Материалы и методы

В числе методов исследования использованы контент-анализ документов, системный анализ, методы группировки и обобщения, а также методы логического анализа и синтеза информации в рамках предметной области исследования.

В настоящее время в рамках Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» ведется государственный реестр³ стратегий регионов и муниципальных образований, кроме того, на сайтах администраций регионов также размещены стратегии, поскольку одна из задач стратегического планирования заключается в том, чтобы донести до населения и внешней среды каждого региона тот образ, к которому стремится регион в своей ориентации на стратегические цели [4].

Например, в табл. 1 приведены формулировки целей развития регионов Центрального федерального округа (ЦФО), из которой следует, что цели регионов близки по своему контексту. Заметим, что Москва и Московская область в силу своей специфики и значительных отличий от иных регионов ЦФО в таблице не отражены, а сам округ рассматривается в силу того, что по совокупным показателям статистики занимает первое место среди федеральных округов страны [5].

Результаты

Анализ содержания табл. 1 свидетельствует о том, что стратегическая цель регионов, как правило, заключается в повышении уровня и качества жизни. Правда, в семи регионах вместо формулировки стратегических целей даны формулировки Миссии, как главной цели существования регионов, хотя и такая категория стратегического управления как Миссия не предусмотрена ни в федеральном законе о стратегическом планировании⁴, ни в рекомендациях Минэкономразвития страны⁵.

¹ Стратегия развития Нижегородской области. Постановление администрации Нижегородской области от 04.07.2001 № 153 [Электронный ресурс]. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ru/norm_doc/PR_SER/SER_NO/StrRazvNO.htm (дата обращения: 25.11.2022).

² О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу. Закон Воронежской области от 20.11.2007 № 114-03 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=106026180&backlink=1&nd=106022777> (дата обращения: 25.11.2022).

³ Документы стратегического планирования [Электронный ресурс]. URL: <http://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

⁵ Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 [Электронный ресурс]. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2022).

Цели развития регионов ЦФО

Table 1. Development goals of the regions of the Central Federal District

Область	Содержание формулировки целей
Белгородская	Стратегическая цель — достижение для населения Белгородской области достойного человека качества жизни и его постоянное улучшение на основе инновационно ориентированной экономической и социальной политики, развития наукоемких и конкурентоспособных производств с учетом геостратегических приоритетов на юго-западе Российской Федерации
Брянская	Миссия долгосрочного социально-экономического развития Брянской области заключается в формировании развитой экономики, основанной на высокотехнологичных производствах, наукоемких услугах, экологически чистом агропромышленном комплексе, обеспечивающих растущее качество жизни людей
Владимирская	Миссия: Владимирская область — регион инноваций и динамичного экономического развития, универсальная технико-внедренческая площадка, надежный логистический узел и ведущий туристический центр, территория реализации возможностей и амбиций молодежи, комфортного проживания, регион культурного процветания на основе вековых традиций
Воронежская	Генеральная цель — формирование благоприятной среды для жизни и деятельности человека и развития предпринимательства. Миссия: Воронежская область — регион с высоким качеством жизни населения, благоприятной средой для развития предпринимательства, опережающего роста наукоемкой экономики, опорный агропромышленный центр России
Ивановская	Основная стратегическая цель социально-экономического развития Ивановской области до 2030 г. — повышение качества жизни населения региона, создание условий для развития человеческого капитала на основе реализации промышленного, научного и культурно-туристического потенциала
Калужская	Миссия Калужской области — быть регионом-предпринимателем центральной части России, продолжая традицию лидерства во внедрении новых инструментов и форматов развития территории. Стратегическая цель до 2040 г. — укрепление экономической самостоятельности, социальной стабильности и технологического лидерства региона
Костромская	Генеральная цель стратегии социально-экономического развития Костромской области — улучшение качества и уровня жизни населения на основе повышения конкурентоспособности региона и обеспечения устойчивого экономического роста
Курская	Миссия долгосрочного развития Курской области: Курская область — регион, в котором хочется жить. Основная цель долгосрочного развития Курской области заключается в создании условий для благополучной и комфортной жизни жителей («работа — дом — досуг»): рост доходов и возможностей самореализации («работа»); рост качества жизни, здоровье и счастье близких («дом»); комфортная среда для проживания, разнообразие досуга и возможностей («третье место»)

Область	Содержание формулировки целей
Липецкая	Липецкая область — 2030 — регион высокого качества жизни с развитым промышленно-технологическим сектором экономики и экологичным сельским хозяйством, где власть, бизнес и граждане разделяют ценности устойчивого развития и руководствуются принципами ESG
Орловская	Миссия Орловской области на современном этапе заключается в обеспечении высокого качества жизни для жителей региона на основе модернизации экономики, интегрированной в российские и мировые хозяйственные связи, создание благоприятной среды для трудовой деятельности и проживания
Рязанская	Миссия долгосрочного развития Рязанской области — сформировать новую модель долгосрочного устойчивого развития региона, направленную на повышение качества жизни и подлинного благополучия человека, преодоление тенденции сокращения численности населения
Смоленская	Стратегической целью социально-экономического развития Смоленской области на период до 2030 г. является повышение уровня и качества жизни жителей Смоленской области на основе роста конкурентоспособности региона, формирования правовой, институциональной и экономической базы для его устойчивого развития
Тамбовская	Стратегическая цель развития Тамбовской области — лидерство в удовлетворенности населения качеством жизни и окружающей среды на основе новой индустриализации, социальной модернизации, всесторонней цифровизации и эффективного государственного регулирования
Тверская	Стратегической целью Тверской области является формирование пространства гармоничного развития через создание условий для успешного развития человеческого капитала, формирование комфортной среды проживания и развивающейся эффективной экономики, способной, запустив мультипликативные процессы прироста доходов, обеспечить формирование финансовой основы повышения конкурентоспособности Тверской области, и снижения долговой нагрузки на бюджет
Тульская	Миссия. Тульская область — регион открытий и зарождения инициатив, надежная опора промышленного роста и внедрения инноваций, место центральной России, в котором приятно жить и творить
Ярославская	Главная цель социально-экономического развития Ярославской области — повысить качество жизни населения региона

Составлено авторами по: Постановление правительства Белгородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428596289>; Постановление Правительства Брянской области от 26.08.2019 № 398-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Брянской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200201909040001>; Указ Губернатора Владимирской области от 02.06.2009 № 10 «Стратегия социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://drr.avo.ru/documents/3278261/3433878/Стратегия+социально-экономического+развития+Владимир->

ской+области+до+2030+года.pdf/9dcf6e8d-fe7c-5d68-115f-4bbc0d75ad7c; «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» (в ред. Закона Воронежской области от 23.12.2019 № 165-ОЗ) [Электронный ресурс]. URL: [https://economy.govrn.ru/content/imagedoc/files/Закон%20о%20Стратегия-%202035\(2\).pdf](https://economy.govrn.ru/content/imagedoc/files/Закон%20о%20Стратегия-%202035(2).pdf); Стратегия социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года. Постановление Правительства Ивановской области от 27.04.2021 № 220-п [Электронный ресурс]. URL: <https://deriv.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/bfb/PP-220-27042021-red-14062022.pdf>; Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2040 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/5620b6962625f388cdf9c5f2b88f2f2d/proekt_strategii.pdf; Стратегия социально-экономического развития Костромской области на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/af4c2183143dc57efbab6cf3a14229b4/Strat_KO.pdf; Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/66d3db83b4dc2f7b479e74f34e371086/proekt_strategii_KO.pdf; Закон Липецкой области от 25.10.2022 № 207-ОЗ «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4800202211020006>; Стратегия социально-экономического развития Орловской области до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/574bbfc247861b10282dba89f39f591b/strategorlov.pdf>; Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/201812/194d67434a243dd57af4db5466c8b91b.pdf>; Постановление Администрации Смоленской области от 13.09.2022 № 645 «О внесении изменений в Стратегию социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6700202209160001>; Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tambov.gov.ru/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-tambovskoj-oblasti-do-2035-goda.html> (дата обращения: 10.11.2022); О стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430628871>; О стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Тверской области от 24 сентября 2013 года № 475-рп [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430628871>; Постановление Правительства Тульской области от 20.08.2021 № 515 «Об утверждении стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Тульской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7100202108230004>; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года. Постановление Правительства Ярославской области от 06.03.2014 № 188-п [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/406253dd044106542f99512043361a3e/188.pdf>

В указанных рекомендациях указано, что при формировании целевого блока стратегии можно «опираться на стратегическое видение будущего субъекта»¹, но несмотря на то, что такая категория как видение закреплено в стратегическом менеджменте, ни в одной из стратегий видение будущего состояния региона не сформулировано в явном виде.

В тех случаях, когда вместо стратегической цели дается формулировка Миссии, цели стратегического толка даны по либо направлениям развития (Брянская, Владимирская, Тульская области), либо по приоритетам (Орловская и Рязанская области).

Следует заметить, что повышение уровня и качества жизни выступает одной из шести целей государственной политики в сфере обеспечения национальной [7] и экономической безопасности², что дает основание полагать, что стратегии раз-

¹ Там же п. 5.2.1.

² Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.10.2022).

Представление в стратегиях развития регионов ЦФО положений по безопасности

Table 2. Presentation of safety provisions in the development strategies of the regions of the Central Federal District

Область	Наличие раздела по безопасности
Белгородская	5.8.10.Создание условий для безопасной жизнедеятельности человека
Брянская	Нет раздела
Владимирская	Нет раздела
Воронежская	Подраздел 4.9. Развитие гражданской обороны, системы защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, укрепление общественного порядка и обеспечения общественной безопасности РАЗДЕЛ 7. Основные направления рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности
Ивановская	Нет раздела
Калужская	Фокус региональных политик (Приложение А): Безопасность (ответственные — два министерства: транспорта и природы)
Костромская	6.9. Безопасность жизнедеятельности
Курская	6. Комфортная городская среда в части (29.) Обеспечение безопасности жизнедеятельности 7. Приоритетное направление «зеленый и безопасный регион»
Липецкая	5.3. Комфортная и безопасная среда для жизни
Орловская	Цель 4.2.1. Формирование системы экологической безопасности и обеспечение комплексного благоустройства территории Орловской области. Цель 4.4.2. Обеспечение гарантий безопасности жизнедеятельности
Рязанская	Приоритет 4. Комфортная среда для жизни. Безопасность жизнедеятельности населения — основные задачи
Смоленская	5.8. Безопасность жизнедеятельности населения Смоленской области 8.Основные направления рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности Смоленской области
Тамбовская	5.2.3. В сфере охраны окружающей среды, обеспечения безопасности продуктов питания и среды обитания, развития региональной системы обеспечения общественной безопасности
Тверская	Нет раздела
Тульская	Нет раздела
Ярославская	4.2.4. Обеспечение общественной безопасности

Составлено авторами по содержанию стратегий развития регионов ЦФО.

вития регионов должны содержать элементы экономической безопасности в виде отдельных проектов, программ или даже отдельных функциональных стратегий. Тем более что в преамбулах к стратегии развития регионов указано, как правило,

что в основе разработки стратегии лежит в том числе Указ Президента РФ, посвященный стратегии экономической безопасности страны.

Однако результаты критического анализа содержания стратегий развития регионов ЦФО, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что только в стратегии Калужской области предпринята попытка выделить среди региональных политик политику безопасности (в приложении А), да и то только в части ответственности министерства транспорта и министерства природопользования.

В пяти стратегиях регионов (Брянской, Владимирской, Ивановской, Тверской и Тульской областях) нет самостоятельных разделов по какому-либо аспекту безопасности, а в остальных регионах ЦФО присутствуют разделы и подразделы, посвященные отдельным аспектам безопасности, раскрывающими содержание целей или направлений развития¹.

Для подробного исследования вопросов экономической безопасности в стратегиях регионов выделим регион, типичный для ЦФО, для чего построим гистограмму (рис. 1) на основе подсчета мест, которые регионы ЦФО занимают по оценкам статистических наблюдений основных социально-экономических показателей.

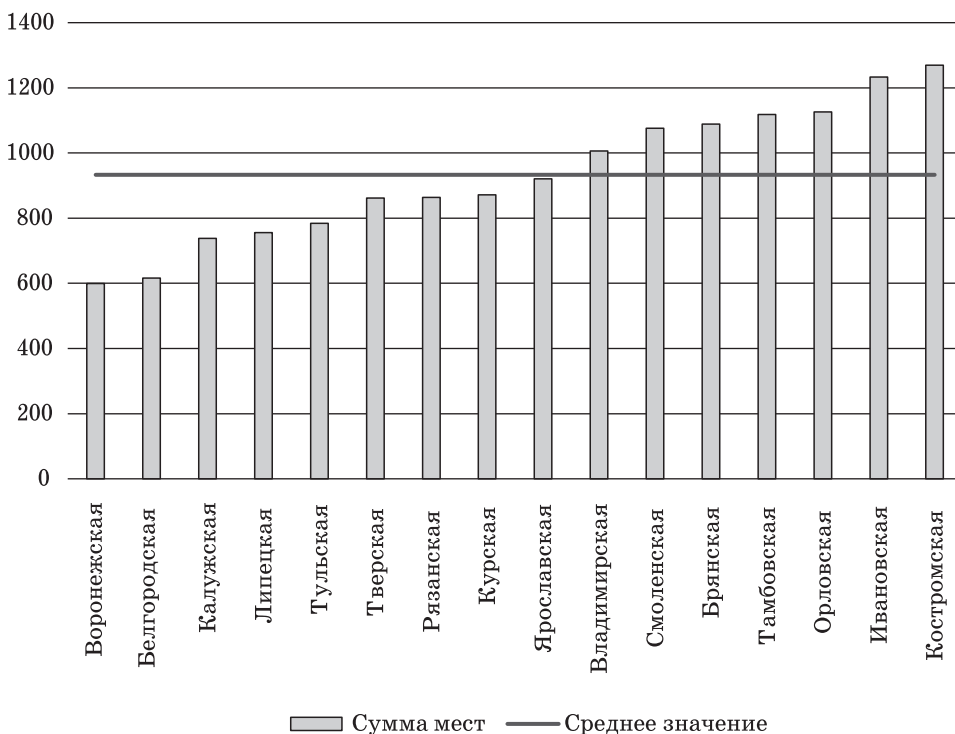

Рис. 1. Распределение совокупной суммы мест регионов ЦФО

Fig. 1. Distribution of the total amount of places in the regions of the Central Federal District

Источник: построено авторами по [5].

¹ Представлены различные виды безопасности: экологическая, продовольственная, военная, дорожного движения, городской среды, в сфере туризма, безопасности полетов, санитарная, духовная, энергобезопасности, санитарно-эпидемиологическая, промышленная, лекарственная, кибербезопасности, ветеринарная, на водных объектах, безопасности труда, преступности и личная безопасность.

Так, средняя линия, изображенная на гистограмме, проходит по отметке 934 и находится между Ярославской областью (сумма мест 921) и Владимирской областью (сумма мест 1006). Из двух регионов предпочтение следует отдать Владимирской области в силу того, что (как уже отмечалось выше) еще в 2003 г. все муниципальные образования Владимирской области разработали стратегии своего развития. Кроме того, еще в 2007 г. во Владимирской области сформирована научная школа «Стратегическое развитие организаций», в рамках которой защищено более полусотни диссертаций, посвященных вопросам стратегического развития социально-экономических систем [2], что нашло отражение в стратегии развития Владимирской области. Стратегия сформирована в 2008 г., а исследования в части ее корректировок осуществлялись в 2014 и в 2019 гг.

Но прежде чем анализировать содержание стратегии развития Владимирской области, выделим задачи по обеспечению экономической безопасности, содержащиеся в направлениях обеспечения такой безопасности, предусмотренных «Стратегией экономической безопасности» страны. Кроме того, в качестве критериев отнесения отдельных задач к компетенции региона необходимо определить, насколько задачи в указанных направлениях могут быть решены в рамках полномочий региона, предусмотренных в ст. 44 Федерального закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации¹.

Обсуждение

Совокупность направлений с указанием количества задач по каждому направлению представлена на рис. 2. Наименования направлений на указанном рисунке даны в сокращенном виде, а задачи отражены только цифрами в целях сокращения пространства рисунка.

Что касается распределения полномочий регионов по направлениям обеспечения экономической безопасности, то они представлены в табл. 3, демонстрирующей то обстоятельство, что в отношении направления, отражающего задачи националь-

Развитие системы государственного управления (15 задач)	Рост реального сектора экономики (11 задач)	Инновационное развитие (10 задач)
Развитие человеческого потенциала (7 задач)	Направления обеспечения экономической безопасности	Национальная финансовая система (10 задач)
Безопасность экономической деятельности (6 задач)	Внешнеэкономическое сотрудничество (9 задач)	Региональное развитие (6 задач)

Рис. 2. Сочетание задач по направлениям экономической безопасности
Fig. 2. Combination of tasks in the areas of economic security

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 10.11.2022).

Полномочия регионов в направлениях экономической безопасности

Table 3. Powers of the regions in the areas of economic security

Направление	Номера соответствующих пунктов статьи 44 ФЗ № 414
Развитие системы государственного управления	142
Рост реального сектора экономики	145
Инновационное развитие	101
Национальная финансовая система	—
Региональное развитие	74
Внешнеэкономическое сотрудничество	66
Безопасность экономической деятельности	96
Развитие человеческого потенциала	8–10, 27–33, 105, 120–121, 134

Составлено авторами.

ной финансовой системы, явных полномочий регионов нет, а в части развития человеческого потенциала наблюдается обилие пунктов ст. 44, отражающих полномочия регионов.

Критический контент-анализ стратегии развития Владимирской области¹ в целом свидетельствует о том, что аспекты обеспечения экономической безопасности региона представлены не системно и в большей степени отражают целевую ориентацию разработчиков стратегии, нежели содержат конкретные проекты и программы, направленные на реализацию задач, рассматриваемых направлений обеспечения экономической безопасности Владимирской области. Кроме того, в стратегии часто описываются функции региона, которые характерны более для оперативного управления, нежели для стратегического развития.

Тем не менее само содержание стратегии как документа стратегического планирования свидетельствует о попытке в рамках п. 142 ст. 44 отразить то особенное, что представляет собой перспективу развития региона, однако в методическом плане в стратегии много пробелов: и в части перехода от результатов анализа к целям развития, и в отношении наполнения содержанием самого плана реализации намеченных целей, что уместно было бы сделать в рамках первого направления по обеспечению экономической безопасности.

В рамках того же направления можно отметить выделенное в стратегии стремление к «непрерывному планированию», но в тексте нет акцента на экономическую безопасность, а тезис о «непрерывности планирования» не подкреплен достаточным методическим обоснованием. В процессе анализа отмечается возможность формирования инвестиционного климата и ставится задача на этот счет, но в практической плоскости имеется только ссылка на то, что в 2013 г. «разработана и утверждена «дорожная карта» по реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической по-

¹ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года. Указ Губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://drr.avo.ru/documents/3278261/3433878/Стратегия+социально-экономического+развития+Владимирской+области+до+2030+года.pdf/9dcf6e8d-fe7c-5d68-115f-4bbc0d75ad7c> (дата обращения: 01.12.2022).

литике» на территории Владимирской области»¹. В отношении закупок для государственных нужд и управления государственными корпорациями присутствуют общие фразы в виде задач, которые нужно решить. Отмечается потребность в разработке механизма повышения эффективности работы органов государственной власти в регионе, в части противодействия коррупции, однако в части мероприятий предлагается только «сотрудничество администрации Владимирской области с общественными структурами, которое содействует утверждению законности, искоренению коррупции и произвола недобросовестных чиновников»². Проектов на этот счет нет.

По второму направлению обеспечения экономической безопасности стратегия региона содержит практически по каждой задаче попытку сформулировать рекомендации по модернизации производственно-технической базы отраслей экономики региона, но опять же они не системны и часто ограничиваются только постановкой и формулированием задач. Развитие перспективных секторов экономики региона в основном представлено рекомендациями по содействию конкурентоспособности, и выделено только одно конкретное направление, в основе которого лежит «развитие регионального фармацевтического кластера», хотя как таковой он еще не создан. В то время как кластерному подходу в научной литературе уделяется все больше и больше внимания [1; 11; 13; 15; 16].

Развитие оборонно-промышленного комплекса региона отражено только ссылкой на постановление Правительства РФ³ и задачей по повышению эффективности «использования производственного потенциала оборонно-промышленного комплекса для обеспечения разработки и производства новых видов вооружения и военной техники», а задача по развитию производства продукции гражданского назначения на предприятиях комплекса не нашла своего отражения в стратегии. В части поддержки высокотехнологичного малого и среднего бизнеса сделан только акцент на то, что благоприятный для предпринимательства климат будет обеспечен соответствующей инфраструктурой, среди которой перечислены фонды, компании и центры. Что касается задач по росту производительности труда, энерго- и ресурсоэффективности, то стратегия содержит лишь постановку задач по этому вопросу. Но весьма продуктивно развернуты решения задачи по формированию производственных кластеров и прописаны вопросы реализации кластерной политики. Однако, несмотря на перечисление большого числа возможных кластеров, по факту только в ноябре 2022 г. были сделаны первые реальные шаги по созданию первого промышленного кластера во Владимирской области⁴.

¹ О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Постановление Губернатора области от 13.03.2013 № 266 [Электронный ресурс]. URL: <https://vlad-gov.ru/doc/102495> (дата обращения: 28.11.2022).

² Об утверждении стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года. Указ Губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 г. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://drr.avo.ru/documents/3278261/3433878/Стратегия+социально-экономического+развития+Владимирской+области+до+2030+года.pdf/9dcf6e8d-fe7c-5d68-115f-4bbc0d75ad7c> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [Электронный ресурс]. URL: [%2C+утвержденной+постановлением+Правительства+Российской+Федерации+от+15.04.2014+№+328&lr=10649&clid=1882628">https://yandex.ru/search/?text=Развитие+промышленности+и+повышение+ее+конкурентоспособности">%2C+утвержденной+постановлением+Правительства+Российской+Федерации+от+15.04.2014+№+328&lr=10649&clid=1882628](https://yandex.ru/search/?text=Развитие+промышленности+и+повышение+ее+конкурентоспособности) (дата обращения: 28.11.2022).

⁴ Первый промышленный кластер во Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/pervyy-promyshlennyy-klaster-vo-vladimirskoy-oblasti/> (дата обращения: 10.11.2022).

Одна из стратегических целей определяла создание транспортно-логистического кластера, но поскольку это пожелание не было подкреплено соответствующим проектом, реализовать эту цель не удалось к настоящему времени. Такая же судьба суждена была и биоэнергетическому кластеру.

Третье направление (стимулирование развития инноваций в регионе) в рамках импортозамещения представлено в стратегии инновациями на предприятиях химической промышленности, а в остальном содержит пожелания и задачи в области импортозамещения. Декларативные заявления о необходимости формировать научно-образовательный комплекс региона и системы непрерывного образования сочетаются в стратегии с задачами государственно-частного партнерства в инновационной сфере, но практических проектов по этому вопросу установить не удастся. Вместо рассмотрения вопросов доступа к иностранным технологическим решениям в стратегии речь идет только об иностранных инвестициях. В качестве развития биотехнологий отмечается действующая группа частных компаний «Генериум», обеспечивающая разработку и продвижение комплекса оригинальных биотехнологических препаратов, но речь не идет о трансфере инноваций, о венчурном финансировании или вовлечении в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности, а также о механизмах защиты интеллектуальной собственности в регионе. Отдельные проекты в стратегии присутствуют, но они не привязаны к Национальной технологической инициативе¹.

Что касается направления по развитию национальной финансовой системы, то в силу отсутствия полномочий региона в этой области, в стратегии региона нет положений по решению задач указанного направления.

Пятое направление, посвященное региональному развитию, могло бы содержать решения с учетом вызовов и угроз безопасности страны и региону, но результаты SWOT-анализа, как уже отмечалось, не нашли своего отражения в проектах и программах развития региона, расселенческие вопросы рассмотрены только в части влияния таких соседних агломераций, как Москва и Нижний Новгород. Правда, в части создания межрегиональных кластеров в стратегии намечено сформировать межрегиональный кластер «Фотоника», но отсутствие конкретных проектов и программ в этом направлении не позволяет надеяться на реализацию такой задачи.

Шестое направление, связанное с повышением эффективности внешнеэкономического сотрудничества в части полномочий региона, предусматривает в стратегии укрепление интеграционных связей со странами СНГ, но без конкретных решений, что выглядит как пожелание. Такими пожеланиями наполнены положения и о необходимости увеличения экспорта продукции обрабатывающих отраслей промышленности.

Что касается седьмого направления по обеспечению экономической безопасности деятельности, речь в стратегии региона идет только о сокращении количества надзорных и контрольных мероприятий, проводимых в отношении малого бизнеса, а также о противодействии коррупции и произвола недобросовестных чиновников. При этом конкретные проекты и программы не приводятся.

Последнее направление по развитию человеческого потенциала изобилует общими положениями и постановкой задач по совершенствованию образования, в том числе и непрерывного образования, но нет положений по профессиональной ориентации, а обеспечению экологической безопасности посвящен целый раздел с постановкой целей и задач, но решения указанных задач обозначены только в разрезе отраслей в виде отдельных направлений.

¹ Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://nti2035.ru> (дата обращения: 10.12.2022).

Выводы

Подводя итоги, отметим, что стратегическая цель регионов, как правило, заключается в повышении уровня и качества жизни, что корреспондируется с одной из шести целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Такое положение дает основание полагать, что стратегии развития регионов должны содержать элементы экономической безопасности в виде отдельных проектов или программ. Выделен регион, типичный для ЦФО, в стратегии которого произведен поиск решений, направленных на обеспечение экономической безопасности.

В частности, по каждой задаче всех восьми направлений обеспечения экономической безопасности выполнен критический контент-анализ содержания стратегии развития Владимирской области, что позволило установить, что самостоятельные разделы по какому-либо аспекту экономической безопасности отсутствуют. Отдельные вопросы безопасности в большей степени связаны с безопасностью жизнедеятельности населения региона. Аспекты обеспечения экономической безопасности региона представлены не системно и в большей степени отражают целевую ориентацию разработчиков стратегии нежели содержат конкретные проекты и программы прямого действия, а поэтому не позволяют надеяться на решение накопившихся проблем.

Отдельно отмечено, что результаты SWOT-анализа, хотя и содержат формулировки угроз (вызовов, рисков), их содержание не нашло своего отражения в проектах и программах развития региона, что косвенно характеризует неполноту методического обеспечения процедур разработки стратегии развития региона и формирования самостоятельной политики экономической безопасности региона.

В тексте стратегии нет акцента на экономическую безопасность, а общие фразы в виде задач, которые нужно решить, похожи на декларативные заявления о необходимости решения отдельных вопросов или совершенствования имеющегося состояния, но не отражают стратегически значимых решений.

В целом под каждую задачу направлений экономической безопасности необходим анализ, поэтому для разработки стратегии экономической безопасности региона целесообразно SWOT-анализ проводить под углом зрения задач, поставленных по каждому направлению, за исключением вопросов по развитию национальной финансовой системы в связи с отсутствием полномочий региона в этой сфере.

Литература

1. *Кораблева А. А.* Экономическая безопасность региона в системе видов региональной безопасности: уточнение терминологии // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 27–40. DOI: 10.17223/19988648/40/3.
2. *Лапыгин Ю. Н.* Владимирская Научная школа «Стратегическое развитие организаций»: первые десять лет // Стратегическое развитие организаций. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Владимир : ВФ РАНХиГС, 2013. С. 11–18.
3. *Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж.* Стратегическое сафари. Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента. М. : Альпина Паблишер, 2019. 512 с.
4. *Пригожин А. И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М. : Дело, 2010. С. 247.
5. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. М. : Росстат, 2021. 1112 с.
6. *Стратегия развития муниципалитета / Гутман Г. В., Илларионов А. Е., Кретинин В. А., Лапыгин Ю. Н., Муратов А. И.* М. : ЮРКНИГА, 2003. 256 с.
7. *Шамахов В. А.* О пользе заимствования управленческих подходов, или о новой стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 8–9.

8. Feser E. J., Sweeney S. H. A test for the coincident economic and spatial clustering of business enterprises // *Journal of Geographical Systems*. 2000. Vol. 2. P. 349–373.
9. Ganne B., Yveline L. *Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives*. Singapore, SG : World Scientific, 2009.
10. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology. *Harvard Business Review* 82.3. March 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (дата обращения: 29.04.2022).
11. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // IOP Conference Ser.: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry. INTERAGROMASH. 2019.
12. Lapygin Y. N., Kovalev E. A., Kuznetsova S. N., Garina E. P., Kozlova E. P. Clustering as a Model of Regional Development // Bogoviz A. V., Suglobov A. E., Maloletko A. N., Kurova O. V. (eds) *Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Vol. 245 (0,6/0,45). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_184.
13. Luciani G. The Economic Content of Security / G. Luciani // *Journal of Public Policy*. 1988. Vol. 8. N 2. P. 151–173.
14. Porter M. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy // *Economic Development Quarterly*. 2000. Vol. 14. N 1. P. 15–34.
15. Schatz D., Bashroush R. Security predictions — A way to reduce uncertainty // *Journal of Information Security and Applications*. 2019. Vol. 45. P. 107–116.
16. Tang S. M. Rethinking economic security in a globalized world // *Contemporary Politics*. 2015. N 21:1. P. 40–52. DOI: 10.1080/13569775.2014.993910.

Об авторах:

Лапыгин Юрий Николаевич, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Владимир, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; lapygin.y@gmail.com

Талов Руслан Константинович, аспирант Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Владимир, Российская Федерация); rustt@mail.ru

References

1. Korableva A. A. Economic security of the region in the system of regional security types: elaboration of terminology // *Tomsk State University Journal of Economics [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika]*. 2017. N 40. P. 27–40 (in Rus). DOI: 10.17223/19988648/40/3.
2. Lapygin Yu. N. Vladimir Scientific School “Strategic Development of Organizations”: the first ten years // *Strategic Development of Organizations. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Vladimir : Vladimir Branch of RANEPa*, 2013. P. 11–18 (in Rus).
3. Mintzberg G., Alstrand B., Lampel J. *Strategic safari. A tour of the wilds of strategic management*. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 512 p. (in Rus).
4. Prigogine A. I. *Goals and values. New methods of working with the future*. M. : Delo, 2010. (in Rus).
5. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: Statistical Yearbook*. M. : Rosstat, 2021. 1112 p. (in Rus).
6. *Development strategy of the municipality / Gutman G. V., Illarionov A. E., Kretinin V. A., Lapygin Yu. N., Muratov A. I.* M. : YURKNIGA, 2003. 256 p. (in Rus)
7. Shamakhov V. A. On the benefits of borrowing managerial approaches, or on a new strategy for the national security of the Russian Federation // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 7 (151). P. 8–9 (in Rus).
8. Feser E. J., Sweeney S. H. A test for the coincident economic and spatial clustering of business enterprises // *Journal of Geographical Systems*. 2000. Vol. 2. P. 349–373.
9. Ganne B., Yveline L. *Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives*. Singapore, SG : World Scientific, 2009.
10. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology. *Harvard Business Review* 82.3. March 2004 [Electronic source]. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (accessed: 29.04.2022).

11. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // IOP Conference Ser.: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry. INTERAGROMASH. 2019.
12. Lapygin Y.N., Kovalev E.A., Kuznetsova S.N., Garina E.P., Kozlova E.P. Clustering as a Model of Regional Development // Bogoviz A.V., Suglobov A.E., Maloletko A.N., Kaurova O.V. (eds) Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 245 (0,6/0,45). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_184.
13. Luciani G. The Economic Content of Security / G. Luciani // Journal of Public Policy. 1988. Vol. 8. N 2. P. 151–173.
14. Porter M. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy // Economic Development Quarterly. 2000. Vol. 14. N 1. P. 15–34.
15. Schatz D., Bashroush R. Security predictions — A way to reduce uncertainty // Journal of Information Security and Applications. 2019. Vol. 45. P. 107–116.
16. Tang S.M. Rethinking economic security in a globalized world // Contemporary Politics. 2015. N 21:1. P. 40–52. DOI: 10.1080/13569775.2014.993910.

About the authors:

Yury N. Lapygin, Professor of the Department of Management of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; lapygin.y@gmail.com

Ruslan K. Talov, Post-Graduate Student of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation); rustt@mail.ru

Урбанистика и городское планирование: симбиоз знаний и практики на службе у человека

Котов А. И.^{1, 2}, Лихтин А. А.^{2, *}

¹Администрация Губернатора Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *likhtin-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

На протяжении длительной истории городского строительства горожан объединяло общее устремление — жить в красивом городе и комфортной городской среде. Многие поколения градостроителей стремились дать ответ на этот вопрос, но окончательно ответить на него не удалось и сегодня. Это подтверждает острая полемика, ведущаяся сегодня в обществе участниками градостроительного процесса, включающими архитекторов, урбанистов, экономистов, градостроителей, стейкхолдеров, градозащитников, чиновников и простых граждан. При этом предметом полемики зачастую выступает урбанистика — понятие, имеющее междисциплинарный характер и выражающее отношение к вопросам, связанным с градостроительством. Учитывая исключительную важность городского планирования в обеспечении качества жизни населения, в статье рассматриваются вопросы, связанные с уточнением понятий «урбанистика» и «градостроительство», а также обосновывается необходимость создания образовательной программы по данной теме.

Ключевые слова: город, урбанистика, городское планирование, градостроительство, образование, население

Для цитирования: Котов А. И., Лихтин А. А. Урбанистика и городское планирование: симбиоз знаний и практики на службе у человека // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 81–89.

Urbanism and Urban Planning: A Symbiosis of Knowledge and Practice in the Service of Human

Anatoly I. Kotov^{1, 2}, Anatoly A. Likhtin^{2, *}

¹Administration of the Governor of St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *likhtin-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

Throughout the long history of urban construction, citizens have been united by a common aspiration — to live in a beautiful city and a comfortable urban environment. Many generations of urban planners have sought to answer this question, but it has not been possible to answer it definitively even today. This is confirmed by the acute controversy being conducted in society today by participants in the urban planning process, including architects, urbanists, economists, urban planners, stakeholders, urban defenders, officials and ordinary citizens. At the same time, urbanism is often the subject of controversy — a concept that has an interdisciplinary nature and expresses an attitude to issues related to urban planning. Taking into account the exceptional importance of urban planning in ensuring the quality of life of the population, the article discusses issues related to clarifying the concepts of “urbanism” and “urban planning”, and also substantiates the need to create an educational program on this topic.

Keywords: city, urban studies, urban planning, urban planning, education, population

История развития человеческой цивилизации это, прежде всего, история возникновения и развития городов. При этом уже первые из городов, основанных несколько тысяч лет тому назад, были спроектированы достаточно разумно, что свидетельствует об использовании их создателями, даже в те отдаленные времена, определенных градостроительных знаний и компетенций. Стремление ко все более широкому использованию разнообразных способов и технологий при строительстве городов росло вместе с развитием образования, науки и промышленности, что обусловило рождение в начале прошлого века науки о городском планировании. Открытие в 1909 г. в Лондоне первой в мире кафедры градостроительства ознаменовало собой начало нового этапа в развитии системы планирования городского пространства и благоустройства городских территорий. В результате реализации данного этапа были сформированы научные и методологические основы и подходы к проектированию и строительству городов, обеспечившие во второй половине 20-го столетия реализацию ряда беспрецедентных по своим масштабам урбанистических проектов. Важными категориями науки о планировании городов стали понятия «урбанистика» и «градостроительство», часто используемые в настоящее время в связи с обсуждением вопросов развития и преобразования городских территорий [5; 9].

Характеризуя указанные понятия, следует отметить прежде всего, что они не являются синонимами, хотя различия между ними и носят достаточно условный характер. Так, согласно Э. Гарсиа и М. Лайдону, отличительными признаками современной урбанистики являются следующие признаки: 1) ориентированность на удовлетворение потребностей населения в комфортной городской среде, устранение негативных последствий градостроительной политики, реализуемой официальными властями; 2) способность выступать универсальным средством коммуникации и достижения консенсуса между населением, бизнесом и властью в вопросах, связанных с городским планированием и градостроительством; 3) возможность использования данного понятия в качестве эффективного инструмента исследования градостроительных процессов в силу мультинаучной основы его содержания; 4) отсутствие законодательно установленных норм и положений, определяющих и регулирующих отношения, связанные с понятием; 5) междисциплинарный характер понятия, аккумулирующий в себе научные достижения гуманитарных, социальных и технических наук и определяющий необходимость организации образовательного процесса [2].

В свою очередь, важнейшим отличительным признаком современного градостроительства является регламентация деятельности по планированию городов и территорий официальными государственными органами путем законодательно-регулирующих градостроительных отношений в данной сфере. Наличие ряда градостроительных ограничений, обусловленных необходимостью использования соответствующих нормативов и стандартов, неизбежно приводит к сужению возможностей градостроительства, прежде всего в части полноты реализации его социальной функции. Как отмечает У. Грэхем, в этом случае будут доминировать функции градостроительства, связанные непосредственно с городским планированием, обеспечивающим решение задач по обоснованию внешних форм (границ) городского развития и, прежде всего, функциональных зон города и городской инфраструктуры. В то же время, смещение акцентов градостроительства в сторону внешних форм городского развития, объективно вступает в противоречие с жизненно важными потребностями общества, которое в современных условиях занимает на этот счет все более принципиальную позицию [3]. Возросшая активность населения участвовать в принятии решений, связанных со средой их проживания,

основывается на принципах Хартии нового урбанизма¹, принятой в 1999 г. и провозгласившей главной задачей градостроителей создание городов, комфортных для проживания человека. Принципы указанной Хартии приведены в табл. 1.

Таблица 1

Принципы Хартии нового урбанизма
Table 1. Principles of the Charter of New Urbanism

№	Содержание принципов
1	Соблюдать баланс с природой — пристально следить за экологией и компенсировать любой вред, который он наносит природе
2	Уважать традиции и культуру жителей, развивать и поддерживать их, а не пытаться заменить
3	Использовать экологически целесообразную технологию — применять наиболее целесообразные ресурсы, инфраструктурные системы и строительные методы. Если рядом есть асфальтный завод, то нужно застилать улицы асфальтом, а не заказывать тротуарную плитку у фабрики в соседнем регионе
4	Создавать зоны для комфортного общения и свободного времяпрепровождения — предоставлять жителям как можно больше возможностей для встреч и совместных занятий. Идеальное общественное пространство города соответствует структуре социальных отношений горожан. В городе нужны парки, где можно прогуляться в одиночестве, игровые площадки для детей и торговые центры, в которых можно купить все необходимые товары
5	Быть эффективным. Территория города должна оптимально использоваться для всех видов деятельности жителей. Трубопроводы нужно прокладывать самыми короткими маршрутами, люди не должны выстраиваться в многочасовые очереди в музей, а игровых площадок должно быть столько, чтобы дети не бились лбами
6	Уважать человеческий масштаб — пространство должно быть спроектировано так, чтобы человек мог удовлетворить как можно больше потребностей, передвигаясь на своих двоих. Магазин продуктов или школа должны быть во дворе, а не на другом конце города. Или на худой конец возле автобусной остановки или станции метро
7	Создать «матрицу возможностей» — стремиться к тому, чтобы нивелировать экономическое и гендерное неравенство и дать людям из любой группы равные возможности для развития
8	Интегрироваться в регион — взаимодействовать с местностью, в котором он расположен, а не высасывать из нее ресурсы
9	Создать систему сбалансированного движения. В городе должны быть гармонично развиты разные транспортные системы — общественный транспорт, автомобильные дороги, велодорожки и пешеходные тротуары
10	Быть целостным с точки зрения институтов. Разумный урбанизм возможен только в рамках подотчетных, прозрачных и демократических властных структур. Граждане должны иметь возможность участвовать в процедурах городского планирования через общественные слушания и другие институты

¹ Хартия нового урбанизма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism> (дата обращения: 15.12.2022)

Отличительные особенности урбанистики и градостроительства проявляются также в характере отношений к этим понятиям соответствующих целевых групп. Так, урбанисты, в отличие от градостроителей, не проектируют города и здания, а занимаются исследованиями взаимодействия людей с городской средой с целью сделать жизнь людей в городе лучше. Их активная позиция способствует сглаживанию негативных последствий градостроительной политики, реализуемой официальными властями. Урбанисты, в частности, выступают за создание в городах комфортной среды и более благоприятных условий для проживания населения путем создания общественных пространств и благоустроенных мест, разбивки новых парков и скверов, сохранения памятников истории и культуры, улучшения транспортной доступности и сохранения окружающей среды, а также строительства новых объектов, непременно гармонирующих с городской средой. Вместе с тем, эффективность реализации урбанистами заявляемых задач определяется, с одной стороны, их способностью аргументировать свои требования перед официальными властями, реализующими градостроительную политику, а с другой — готовностью последних удовлетворить эти требования [7; 10].

В свою очередь градостроители, выражающие интересы органов государственной власти, в отличие от урбанистов, принимают непосредственное участие в проектировании и преобразовании городов. Учитывая, что все процедуры, связанные с этим участием, в современном мире строго регламентированы, градостроители обязаны действовать в соответствии с установленными нормами и стандартами. К ним, в частности, относятся нормативы градостроительного проектирования, представляющие собой совокупность расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности населения различными объектами строительства, способствующими созданию благоприятных условий жизнедеятельности. Принимая во внимание, что изменение указанных норм и стандартов связано с необходимостью учета большого количества факторов, имеет место их отставание от реальных потребностей социально-экономического развития. Данное обстоятельство является объективной причиной возникающих противоречий градостроителей с урбанистами, определяющими свои требования к изменению градостроительной среды, как правило, без учета соответствующих нормативов и стандартов. Предполагается, что их сглаживание и устранение обеспечиваются в рамках общественных слушаний, проводимых в рамках градостроительного процесса. Приходится, однако, констатировать, что они не всегда обеспечивают разрешение складывающихся конфликтных ситуаций [1; 8].

Очевидно, что наличие объективных предпосылок для возникновения противоречий между градостроителями и урбанистами не самым лучшим образом сказывается на реализации городской градостроительной политики. Одним из важнейших направлений, способствующих снижению указанных противоречий, является повышение образовательного уровня всех участников целевых групп, заинтересованных в создании в городах комфортной среды для населения. В этом случае образовательная программа по направлению «Урбанистика» должна обеспечивать получение слушателями таких компетенций, как: 1) выполнение исследований и проведение комплексного анализа состояния городской среды; 2) определение приоритетов градостроительной политики и подготовка предложений по их реализации; 3) умение проводить оценку документов территориального планирования и подготавливать меры, направленные на их корректировку; 4) осуществление эффективных коммуникаций в профессиональной и социальной среде и ведение деловых переговоров; 5) обладание навыками работы с информационными системами, в том числе социальными сетями, отражающими информацию о градостроительстве и вопросах, связанных с ним [4; 6].

Формирование вышеуказанных компетенций может быть обеспечено за счет реализации в рамках соответствующей образовательной программы следующих

учебно-образовательных модулей: I. исторические аспекты современной урбанистики; II. устойчивое развитие городов и территорий; III. стратегическое планирование и градостроительство; IV. архитектурно-строительные особенности градостроительства; V. информационное обеспечение градостроительства; VI. коммуникации и ведение деловых переговоров. Примерное закрепление учебных дисциплин за учебно-образовательными модулями приведено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение учебных дисциплин по учебно-образовательным модулям

Table 2. Distribution of academic disciplines by educational modules

№	Наименование учебного модуля	Дисциплины учебного модуля
1	Исторические аспекты современной урбанистики	Введение в урбанистику
		Основные направления развития мировой истории
		История архитектуры
		Культурное наследие и урбанистика
2	Устойчивое развитие городов и территорий	Социальная политика
		Устойчивое развитие городов — методологическая основа урбанистики
		Экологические аспекты градостроительства
3	Стратегическое планирование и градостроительство	Государственное управление, стратегическое планирование
		Демография и урбанистика
		Экономика новых технологий и градостроительство
4	Архитектурно-строительные основы градостроительства	Архитектурные особенности градостроительства
		Введение в градостроительство и правовые основы его регулирования
		Девелопмент и его роль в развитии городов
		Землепользование и его роль в градостроительстве
		Национальные проекты и градостроительство
		Основы современной урбанистики
		16. Политическая система и градостроительство
		20. Транспортная доступность как важнейшая функция градостроительства
		21. Умный город как новое направление урбанистики
24. Экономическая география ее роль в урбанистике		
5	Информационное обеспечение градостроительства	8. Информационные ресурсы и открытые данные
		14. Основные программные продукты, используемые в градостроительстве
		15. Первичная обработка городских данных и основы статистики
		19. Специальное программное обеспечение
6	Коммуникации и ведение деловых переговоров	18. Социология и ее роль в урбанистике

Рассмотрим далее краткое содержание указанных модулей.

Учебно-образовательный модуль «Исторические аспекты современной урбанистики» имеет целью формирование у слушателей компетенций, связанных с представлением урбанистики как системы знаний и практики городского планирования и строительства, сформировавшихся на протяжении длительного исторического периода. Очевидно в этой связи, что уже самые первые городские объекты, возведенные людьми тысячи лет назад, могли быть реализованы только при использовании ими определенных знаний в градостроительной сфере. Развиваясь, урбанистика прошла длительный и тернистый путь, сформировавшись в современную науку о градостроительстве, позволяющую реализовывать сегодня беспрецедентные по своим масштабам урбанистические проекты. Вместе с тем, эффективное использование этой науки в интересах людей в современных условиях невозможно без глубокого понимания исторических предпосылок урбанистики, связанных как с историей развития человеческой цивилизации, так и с историей архитектуры, выражающей определенные этапы этого развития и обуславливающей ее особенности. При этом важным связующим звеном урбанистики на протяжении всего периода ее существования являлась культура, оказывавшая и оказывающая огромное влияние на развитие городов.

Учебно-образовательный модуль «Устойчивое развитие городов и территорий» имеет целью формирование у слушателей компетенций, связанных с использованием эколого-экономического подхода при рассмотрении факторов городского развития. Согласно указанному подходу понимание ограничений, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности человека, становится важнейшей составляющей современного градостроительного мышления. В этой связи, реализация в настоящее время планов развития городов и агломераций без учета влияния долгосрочных экологических последствий на принимаемые градостроительные решения, затрагивающие основополагающие сферы жизнедеятельности населения, не представляется возможной. Закрепление данного подхода нашло свое отражение, в частности, в установлении в системе целей устойчивого развития цели, посвященной устойчивости городов и населенных пунктов, формируемой как «обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов». Несомненно, города, прежде всего крупные, а также агломерации играют решающую роль в экономическом развитии планеты, но и они же выступают главным источником негативного воздействия на окружающую среду. Понимание данного обстоятельства будет в значительной мере способствовать улучшению качества планирования и развития современных городов.

Учебно-образовательный модуль «Стратегическое планирование и планирование городов» имеет целью формирование у слушателей компетенций, связанных с использованием в градостроительной деятельности механизмов и инструментов государственного управления, обеспечивающего возможность эффективной реализации полномочий в данной сфере. Стратегическое планирование, выступая в качестве важнейшего инструмента государственного управления, обеспечивает решение задач устойчивого социально-экономического развития, включая и решение задач территориального развития, непосредственно связанных с планированием городов. Создание современной градостроительной документации в настоящее время возможно лишь в результате конкретных совместных действий участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития. Данный модуль позволяет, таким образом, увязать воедино вопросы социально-экономического и территориального характера на основе принципов сбалансированности системы стратегического планирования, реалистичности и ресурсной обеспеченности.

Учебно-образовательный модуль «Архитектурно-строительные особенности градостроительства» имеет целью формирование у слушателей компетенций, обеспечивающих понимание ими архитектуры как градостроительного искусства, с одной стороны, отражающего высокие требования художественной выразительности и дизайнерской эстетики, а с другой — градостроительного утилитаризма, выражающего практические потребности людей в организации городского пространства. При этом остановиться на чем-то одном, несмотря на наличие объективных предпосылок в виде социально-экономических и градостроительных ограничений, было бы совершенно неправильно. Городское планирование и дизайн городских кварталов в любых обстоятельствах должны способствовать формированию в городе полезной, эстетичной, живописной и комфортабельной среды. Вместе с тем сложившаяся в настоящее время практика городского строительства, судя по невыразительности многих жилых кварталов, вырастающих в городах, как грибы после дождя, свидетельствует, как раз, об обратном. Невыразительность и неэстетичность современных многоэтажных «коробок» сопровождается зачастую отсутствием близости рабочих мест, низкой транспортной доступностью территории, нехваткой объектов социальной инфраструктуры и другими дисбалансами социально-экономического характера.

Учебно-образовательный модуль «Информационное обеспечение градостроительства» имеет целью формирование у слушателей компетенций, позволяющих на основе базовых информационных технологий осуществлять поиск, обработку и использование информации, необходимой для решения вопросов, связанных с урбанистикой и градостроительством. Полученные знания и навыки должны обеспечивать в этом случае возможность получения необходимой информации, представленной любым способом, из различных источников. При этом в качестве источников информации в данном случае могут выступать как органы государственной власти, так и различные организации и учреждения, включая зарубежные. Принимая во внимание, что значительная часть информации, связанной с вопросами урбанистики и градостроительства, размещается в настоящее время в ведомственных информационных системах, особое внимание при формировании компетенций должно быть обращено на способность использования указанных систем для получения необходимой информации. Важное место в структуре компетенций должно принадлежать также способностям работать со специализированным программным обеспечением, предназначенным работать с большими объемами данных и информации, необходимыми при решении градостроительных задач.

Учебно-образовательный модуль «Коммуникации и ведение деловых переговоров» имеет целью формирование у слушателей компетенций, связанных с возможностью организации и оценки взаимодействия со всеми лицами, заинтересованными в развитии и преобразованиях городов и создании комфортной городской среды. Важнейшим критерием указанного взаимодействия является оценка общественного мнения, характеризующего, в частности, уровень одобрения или неодобрения населением политики и практики градостроительного планирования и строительства. Одним из эффективных способов оценки общественного мнения является использование возможностей социальных медиа и сетей, позволяющих оперативно получать необходимую информацию. Знание общественного мнения населения обеспечивает, в свою очередь, возможность организации переговоров со всеми заинтересованными участниками градостроительного процесса, включая представителей органов государственной власти. В этой связи, способность организовывать и проводить переговоры по разрешению противоречий, связанных с градостроительством, является важным фактором повышения качества городского планирования и создания комфортной городской среды.

Один из наиболее важных результатов реализации образовательной программы по направлению «Урбанистика» должен заключаться в формировании компетенций, связанных, прежде всего, со способностями проведения комплексных исследований сферы урбанистики и градостроительства, позволяющих на научной основе получать объективные выводы о ситуации в указанных сферах. Знание исторических, культурных, архитектурных и правовых особенностей городского планирования и строительства, учет общественного мнения и способность договариваться становятся особенно актуальными в современных условиях. Указанные условия характеризуются, с одной стороны, повышением роли и значения человеческого фактора в решении вопросов преобразования городской среды, а с другой — начавшейся глубокой реорганизацией социально-экономических процессов с широким применением цифровых инструментов для их реализации. При этом последний тренд связан непосредственно с интенсивным использованием в городах IT-технологий, обеспечивающих заметное повышение качества многих городских услуг и получивший наименование smart city.

Литература

1. Варламов И., Кац М. 100 советов Мэру. Книга рецептов хорошего города. М. : Альпина нон-фикшн, 2020.
2. Гарсиа Э., Лайдон М. Тактический урбанизм: краткосрочные действия — долгосрочные перемены. СПб. : Strelka Press, 2019.
3. Грэхем У. Dream. Cities: 7 урбанистических идей, которые сформировали мир. М. : ЭКСМО, 2018.
4. Делия В. П. Инновационная экономика и устойчивое развитие. Балашиха : Де-По, 2011.
5. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издание, 2011.
6. Косарева Н. Б., Полиди Т. Д., Пузанов А. С. Экономическая урбанизация. М. : Фонд «Институт экономики города», 2018.
7. Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России / под науч. ред. д.э.н., профессора, академика РАН В. В. Окрепилова, д.э.н., профессора Кузнецова С. В. СПб. : ГУАП, 2021.
8. Перцик Е. Н. Геоурбанистика. М.: Academia, 2009.
9. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005.
10. Якимов М. Р. Транспортное планирование: создание транспортных моделей городов. М. : Логос, 2013.

Об авторах:

Котов Анатолий Иванович, специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; a.kotov@gov.spb.ru, kotov-ai@ranepa.ru

Лихтин Анатолий Алексеевич, декан факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1 класса, кандидат экономических наук; likhtin-aa@ranepa.ru

References

1. Varlamov I., Katz M. 100 tips to the Mayor. The recipe book of a good city. M. : Alpina non-fiction, 2020 (in Rus).
2. Garcia E., Lydon M. Tactical Urbanism: Short-term Actions — Long-term Changes. SPb. : Strelka Press, 2019 (in Rus).
3. Graham W. Dream. Cities: 7 Urbanistic Ideas that shaped the World / Translated from English. M. : EKSMO Publishing House, 2018 (in Rus).

4. Delia V.P. Innovative economy and sustainable development. Balashikha : De-Po, 2011. (in Rus).
5. Jacobs D. Death and life of big American cities. M. : New Edition, 2011 (in Rus).
6. Kosareva N.B., Polidi T.D., Puzanov A.S. Economic urbanization. M.: Foundation "Institute of City Economics", 2018 (in Rus).
7. Interdisciplinary study of the processes of transformation of socio-economic space and territorial development of the regions of Russia / scient. ed. Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences V.V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor S.V. Kuznetsov SPb. : GUAP, 2021 (in Rus).
8. Percik E.N. Geourbanistika. M. : Academia, 2009 (in Rus).
9. Scott J. The good intentions of the state. Why and how projects to improve the conditions of human life failed. M.: University Book, 2005 (in Rus).
10. Yakimov M.R. Transport planning: creating transport models of cities. M. : Logos, 2013 (in Rus).

About the authors:

Anatoly I. Kotov, Special representative of the Governor of Saint-Petersburg on Economic development (Russian Federation), Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economics sciences, Professor; a.kotov@gov.spb.ru, kotov-ai@ranepa.ru

Anatoly A. Likhtin, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Acting State Councilor of St. Petersburg 1 class, Candidate of Economics sciences, Professor; likhtin-aa@ranepa.ru

Русские философы о понятии научного мировоззрения

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье показывается спорность понятия «научное мировоззрение». Указывается на его связь с идеологией марксизма, претендовавшей на отражение объективных законов общественного развития. Проводится мысль о том, что в рамках такого подхода понимание мировоззрения как источника личностных смыслов уступает место видению его как совокупности принципов социально значимой деятельности. Этому подходу противопоставляется позиция русских философов, критиковавших понятие научного мировоззрения и указывавших на то, что источником личностных смыслов, которые составляют содержание мировоззрения, является жизненный опыт субъекта, понимаемый как иррациональное приобщение к бытию. Для выражения такого приобщения к бытию могут быть использованы употреблявшиеся Бердяевым понятия «мирочувствие» и «миросознание». Концептуальное, научное мировоззрение означает отношение к действительности как чему-то внешнему, потустороннему, т.е. является позицией вещиности. Наука, по словам Бердяева, есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости. Для наполнения смыслом внутренней жизни личности определяющую роль играет конкретное бытие человека, которое выступает формой укоренения в бытии как таковом. Иными словами, главные смыслы своего существования человек обретает не на основе мировоззрения, содержанием которого является обобщенный образ внешнего мира, они обретаются из собственного опыта духовного возрастания, составляющего сущностную основу жизни.

Ключевые слова: мировоззрение, научное мировоззрение, жизненный опыт, бытие, иррациональное, мирочувствие

Для цитирования: Александров В. Б. Русские философы о понятии научного мировоззрения // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 90–98.

Russian Philosophers on the Concept of a Scientific Worldview

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article shows the controversiality of the concept of “scientific worldview.” It indicates its connection with the ideology of Marxism, which claimed to reflect the objective laws of social development. The idea is made that within the framework of this approach, the understanding of the worldview as a source of personal meanings gives way to its vision as a combination of principles of socially significant activity. This approach is opposed to the position of Russian philosophers who criticized the concept of a scientific worldview and pointed out that the source of personal meanings that make up the content of the worldview is the life experience of the subject, understood as irrational introduction to being. To express such an introduction to being, the concepts of “world sense” and “world consciousness” used by Berdyaev can be used. Conceptual, scientific worldview means the attitude to reality as something external, otherworldly, i. e. is the position of substance. Science, according to Berdyaev, is knowledge of necessity through adaptation to world given and knowledge of necessity. To fill the meaning of the inner life of a person, a specific being of a person plays a decisive role, which acts as

a form of rooting in being as such. In other words, a person acquires the main meanings of his existence not on the basis of a worldview, the content of which is a generalized image of the outside world, they are acquired from his own experience of spiritual growth, which constitutes the essential basis of life.

Keywords: worldview, scientific worldview, life experience, being, irrational, mindset

For citing: Aleksandrov V. B. Russian Philosophers on the Concept of a Scientific Worldview // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 90–98.

Мировоззрение является феноменом, имеющим двойное значение для личности. Во-первых, оно выражает результаты поисков личностью жизненных смыслов, организующих ее внутренний мир. Эти жизненные смыслы могут иметь свои истоки в опыте различных видов духовного освоения действительности — обыденного сознания, научно-познавательной деятельности, художественного творчества, религиозной жизни, философских размышлений. При этом в различных культурах, для различных социальных субъектов роль каждого из названных видов может быть различной.

Во-вторых, мировоззрение выступает своеобразной программой, выступающей основой определения целей и ценностей, задающих вектор активности личности. Успешность такой программы во многом зависит от степени ее адекватности существующей культуре.

Конечно, названные ипостаси мировоззрения личности тесно связаны между собой, взаимно обуславливают друг друга, что, однако, не означает возможности отказа от их различения.

Это, в частности, важно и потому, что в разных культурах на первый план может выдвигаться та или иная из них. Так, в рамках культурных смыслов, определяемых идеологией планомерно создаваемого общества, главенствующая роль принадлежала внешнему, деятельностному аспекту, выражающему вектор активности личности. Внутренний план мировоззрения как источника жизненных смыслов, явно или не явно, рассматривался в качестве вторичного. Предполагалось, что личностные жизненные смыслы должны формироваться на основе убежденности в «правильности» осуществляемой социальной практики. Эта убежденность строилась на представлении о том, что марксизм, являвшийся идеологической основой социальной практики, является наукой, сформулировавшей действительные законы общественного развития. Поэтому мировоззрение человека, принимавшего эту идеологию, естественно, должно быть *научным*. С овладением научным мировоззрением связывалось формирование нового человека, могущего успешно решать задачи коммунистического строительства. Так, в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, утверждалось, что в эпоху строительства коммунизма «...первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов» [6, с. 118]. Иногда содержание научного мировоззрения понималось более конкретно — как марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм. Как писал один из столпов марксистской философии советского периода академик Т. И. Ойзерман, «диалектический и исторический материализм — научно-философское мировоззрение, которое не только объясняет мир, но и обосновывает пути его преобразования» [5, с. 38.].

Понимаемое таким образом мировоззрение проходит мимо темы истоков мировоззренческих представлений как выражения смыслов личностного бытия и акцентирует его, так сказать, «социально-технологическую» сторону, т. е. его значение как фактора ориентации в окружающем мире, имеющей целью достижение соци-

ально значимого успеха в практической или творческой деятельности. При этом результативность деятельности устанавливается с точки зрения его соответствия целям коммунистического строительства.

Конечно, успешное движение в этом направлении предполагает принятие личностью ценностей данного мировоззрения как лично значимых, и даже рассмотрение их как имеющих смысложизненное значение. Однако ценностный мир людей в этом случае как бы универсализируется и тема сугубо личного, неповторимого мировидения, укорененного в индивидуальной судьбе человека, уходит на второй план или вообще выпадает из поля зрения. Значимыми являются ценности, выражающие, по мнению теоретиков марксизма, интересы революционного класса. Как писал упомянутый выше автор, «гениальность основоположников марксизма заключалась, прежде всего, в том, что они теоретически постигли необходимость перехода на позиции пролетарской партийности, научно обосновали необходимость этого перехода» [5, с. 42].

Эта тенденция, например, весьма отчетливо выражена в определении значения научного мировоззрения для художественного творчества в словаре по эстетике времен позднего советского периода. «Опора на научное мировоззрение, основанное на принципах марксизма, помогает творцам социалистического искусства разглядеть социальную направленность нового, перспективные проблемы будущего. Мировоззренческая культура художника открывает возможность наиболее адекватного постижения действительности в художественном творчестве, диалектического снятия противоречия между должным и сущим, целью и средством» [9, с. 206].

Обращение к теме научного мировоззрения сегодня актуально потому, что она не осталась в далеком тумане советской жизни. И сегодня во многих учебных пособиях в качестве одного из видов мировоззрения называется мировоззрение научное. Оно обычно противопоставляется обыденному и религиозному мировоззрению. Это понятие предлагается для освоения и выпускникам школ, готовящимся к ЕГЭ, и студентам, изучающим курс философии.

Логика употребления понятия «научное мировоззрение» в марксизме, как отмечалось, заключается в том, что основным источником социально значимого мировоззрения, которое должно предлагаться и даже активно формироваться не только у подрастающего поколения, но и у всех членов общества, является научное понимание действительности, и, прежде всего, исторического процесса. В марксистской философии эта установка соответствовала представлению марксизма о том, что в нем впервые было сформулировано научное материалистическое понимание истории, составляющее главное содержание научного мировоззрения. При этом понимание научности мировоззрения в марксизме состоит в том, что научность здесь фактически отождествляется с наукой. Диалектико-материалистическое мировоззрение научно, в том смысле, что оно само является наукой, в его категориях обобщены знания, полученные в конкретных науках.

В настоящее время понимание научности мировоззрения становится более острым и заключается в том, что научность выражается в учете достижений науки, зафиксированных, в частности, в научной картине мира, и возможности обратного (мировоззренческого и методологического) влияния мировоззрения на развитие науки. Характерным примером такого подхода является рассуждение на тему научности мировоззрения одного из авторов популярного учебного пособия «Введение в философию» М. С. Козловой. Она, в частности, полагает, что «научно-философским мировоззрением, пожалуй, можно называть такую систему познания мира и места в нем человека, которая ориентирована именно на науку, опирается на нее, корректируется и развивается вместе с ней и порой сама оказывает на ее развитие активное влияние» [3, с. 23].

Первое, что вызывает чувство дискомфорта при знакомстве с этим определением научного мировоззрения — это непонятность «способов» влияния науки на мировоззрение. Что значит «опирается на науку», «ориентирована на науку»? Не проясняет ситуацию и указание на то, что научное мировоззрение, прежде всего, представлено в материалистической философии.

«Нередко считают, — пишет она, — что данному понятию (научному мировоззрению — В. А.) в наибольшей степени отвечают учения философского материализма, по сути родственного естествознанию и другим видам знания, которые опираются на опытное наблюдение и эксперимент. От эпохи к эпохе в зависимости от уровня развития и характера научных знаний, материализм менял свои формы. Ведь материализм — это, по сути, не что иное, как стремление понять мир таким, каким он существует реально, без фантастических искажений (такова же, в принципе, установка науки)» [3, с. 23].

Такая аргументация в пользу научности материалистического мировоззрения приводит, по сути дела, к утрате собственно мировоззренческого смысла философского учения, сводя его к повторению или, в лучшем случае, обобщению достижений естественных наук, т. е. к созданию некоторого образа реальности. Не меняет дела и оговорка о том, что вкладом в материалистическое миропонимание стало его распространение на общественную жизнь и на человеческую историю. Эта оговорка не выводит представление о научности философии за пределы образа реальности, создаваемой научной картиной мира.

Автор признает и научность идеалистической философии. И хотя логика аргументации в пользу этого тезиса несколько иная, но это не меняет того обстоятельства, согласно которому определение научности мировоззрения выражается в сближении его с наукой. Обосновывая научность идеалистического мировоззрения, автор указывает не на онтологический его аспект, а на воспроизведение в нем способа мышления, свойственного науке, прежде всего, метода идеализации. Согласно М. С. Козловой, «идеализм ориентирован на мысль, на идеализированный мир чистых, абстрактных сущностей, то есть таких объектов, без которых просто немислима наука — математика, теоретическое естествознание и др.». Именно поэтому, по мнению автора, ««трансцендентальный идеализм» Декарта, Канта, Гуссерля, ориентированный на математику и теоретическое знание вообще, — не менее научен, чем материалистические концепции природы того же Декарта, того же Канта, Гольбаха и др.» [3, с. 23.] Указываемый автором «импульс», идущий из сферы науки в область мировоззренческой рефлексии, наверное, имеет место, однако вряд ли он может обусловить полноту выражения мировоззренческой проблематики в каждом из названных философских учений. Думается, что более взвешенная позиция будет заключаться в рассмотрении опыта научного познания как одного из возможных истоков мировоззрения, целостная природа которого имеет совершенно иные основания и иной смысл, нежели наука.

В истории науки встречается употребление термина «научное мировоззрение», сводящее его значение, по сути дела, к научной картине мира, но отдающее себе отчет в том, что такое понимание не исчерпывает всего содержания мировоззренческой проблематики и признающее значение религии, философии, повседневного сознания. Такое понимание мировоззрения мы встречаем у некоторых крупных ученых. В частности, подобным образом в ряде своих работ использует данное понятие В. И. Вернадский, который сводит мировоззрение исключительно к научной картине мира, игнорируя тему отношения человека к миру, его самоопределения в этом мире. «Именем научного мировоззрения, — писал он, — мы называем представления о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой; под этим именем мы подразумеваем определенное отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения

и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания. Отдельные частные явления соединяются вместе как части одного целого, и, в конце концов, получается одна картина Вселенной, Космоса» [4, с. 43].

Однако Вернадский осознает, что такой подход к определению мировоззрения не исчерпывает всего богатства мировоззренческой проблематики, значительная часть которой складывается за пределами науки. Научное мировоззрение, подчеркивает Вернадский, существует наряду с философским и религиозным видами мировоззрения. Различая эти виды мировоззрения, он всячески подчеркивал связь между ними. «Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только в воображении» [4, с. 43].

Следует отдать должное В. И. Вернадскому в том, что он подчеркивает несводимость философского и религиозного мировоззрения к научному. Он критически относится к тому, что «среди течений научного мировоззрения существуют направления, которые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою мировоззрения религиозное или философское»¹ [4, с. 51].

Ценность этих размышлений в том, что, допуская, в общем-то, достаточно облегченную трактовку понятия мировоззрения, он вместе с тем видит, что существует глубочайшая мировоззренческая проблематика, связанная с самоопределением человека в мире, не выразимая средствами науки, и предполагающая единое мировоззрение, в котором знание и ценностные установки будут связаны в некотором единстве.

Такое сведение мировоззрения к научной картине мира возможно в творчестве ученого. Однако в рамках философской рефлексии оно ведет к существенному обеднению существа дела. Если свести источники мировоззрения к науке, то мы фактически утрачиваем сам смысл того феномена, который называется мировоззрением. Наука дает мертвый образ реальности, не наполняя его жизнью, субъективными смыслами.

На это обстоятельство со всей определенностью указывают представители русской религиозной философии. В их трудах вполне определенно обозначилась тенденция неприятия темы научного мировоззрения.

Первое, что определяет отношение русских философов к идее научного мировоззрения — это понимание возможностей науки в постижении бытия. Отношение к науке как фактору формирования образа реальности в русской философии определяется, во-первых, общим отношением к науке как условию самосохранения человеком себя в мире, где он находит себя. Философы в этой связи говорят о хозяйственной функции науки (Булгаков), экономической функции (Бердяев) и т. п. Но наука не может рассматриваться как путь к постижению бытия во всей его полноте. В качестве такого пути русские мыслители рассматривают *иррациональное* приобщение к бытию.

Для русских философов путь к постижению бытия связан с идеей о бытийном единстве субъекта и объекта, о том, что источником этого постижения является личный опыт человека. «Бытие дано лишь в опыте, но оно никогда не бывает дано в опыте рационализированном, рассудочном. Бытие дано до рационалистического рассечения духа и до раздвоения на субъект и объект» [1, с. 30].

Развитие этой мысли осуществляется через уточнение того типа опыта, в котором дано бытие до разделения на субъект и объект. Позиция, которая в той или

¹ Характерно, что авторы примечаний к книге Вернадского вполне в духе марксистской идеологии упрекают его за то, что он не допускает возможности преодоления религиозного мировоззрения научным. С. 304–305.

иной степени воспроизводится у различных философов, такова: «До раздвоения на субъект и объект бытие дано лишь в религиозном мистическом опыте» [Там же].

Не трудно заметить, что для русских философов сам термин «мировоззрение» будет представляться сомнительным, поскольку он явно или неявно акцентирует внимание на рациональном постижении действительности, в нем как бы зашифрована та самая непроходимая грань между субъектом и объектом. Мировоззрение — взгляд на мир вне меня и независимо от меня существующий. Иными словами, мировоззрение становится научным, если оно осознает себя как видение мира «со стороны». В этом случае оно перестает претендовать на то, чтобы быть образом бытия в самом глубинном смысле слова, таким образом, который должна давать философия. По словам Бердяева, «философия не может быть ни отвлеченно-интеллектуалистической, ни отвлеченно-волюнтаристической, она должна быть философией конкретного духа, в которой нет уже рассечения, в которой восстановлена цельность» [1, с. 31].

Если на время отвлечься от трудной для материалистического видения мира темы мистичности (осознавая, что при этом мы существенно обедняем идеи Бердяева), то можно сказать, что мировоззрение должно выражать способ бытия человека в мире. И главное в нем не рационалистические концепции, например, идея закономерного движения общества к коммунизму или идея универсальной человеческой природы, сопряженная с темой прав человека, а ощущение некоторой внутренней гармонии (или дисгармонии) бытия. Иными словами, основополагающую роль в ориентации человека в окружающем мире играют не теоретические построения, усвоенные конкретным человеком и являющиеся обезличенными по своей сути, а ощущение, переживание, несущие личностно неповторимый опыт общения с окружающим миром. Неслучайно Бердяев не единожды вместо термина «мировоззрение», употребление которого, на первый взгляд, следовало из контекста рассуждения, использует термин «мирочувствие», тем самым подчеркивая, что именно переживание человеком своего бытия выводит на установление личностно значимых ориентиров, на основе которых происходит самоопределение субъекта в окружающем мире. Рациональное может лишь оформить с некоторой степенью точности это переживание, позволяя транслировать его в коммуникационную среду.

Второе, на что следует обратить внимание в контексте нашего рассмотрения, это свойственное воззрениям ряда русских философов стремление отличить понятие научности от понятия науки и категорическое отрицание установки на рассмотрение научности как важнейшего условия, определяющего общественную значимость тех или иных сфер духовной жизни. «Никто серьезно не сомневается, — пишет Бердяев, — в ценности науки. Наука — неоспоримый факт, нужный человеку. Но в ценности и нужности научности можно сомневаться. Наука — и научность — совсем разные вещи. Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науки. Научность покоится на вере в то, что наука есть верховный критерий всей жизни духа, что установленному ей порядку все должно покоряться» [1, с. 264]. Общая мировоззренческая установка по данному поводу, согласно Бердяеву, должна состоять в том, что *«научность (не наука) есть рабство духа у низших сфер бытия, неустанное и повсеместное сознание власти необходимости, зависимости от мировой тяжести»* [1, с. 265].

Эта ментальная тенденция соответствует духу русской философии, укореняющей бытие человека в истории народа, смысловые основы которой находят свое выражение в религии православия. Наука по самой своей сути проходит мимо темы смыслов человеческого бытия. Весьма отчетливо эту мысль выразил С. Н. Булгаков, подвергший критическому анализу понятие научного мировоззрения. По его словам, «научная ориентировка настолько узка, специальна и прагматична, что для нее не существуют все вопросы, возникающие за ее порогом,

в частности и определение субъекта в его отношении к объекту, воли в ее отношении к действию» [2, с. 202–203].

Определяя мировоззренческие возможности научного познания, Булгаков замечает, что «при всем своем бесконечном богатстве и сложности по содержанию, наука необыкновенно проста, элементарна и бедна по своему заданию. Ее единственная заповедь гласит: познавай мир как механизм¹, поступай так, как будто бы он был только механизмом, до конца познаваемым. Но у нее нечего спрашивать о том, насколько верна самая заповедь» [2, с. 203].

Сама наука должна быть понята в свете более высокого взгляда на ее истоки и место в общественной жизни. У самого Булгакова этот более высокий взгляд, как отмечалось, связан с идеей хозяйственной природы науки, т. е. понимания ее как стороны глобальной деятельности общества по сохранению своего существования. Научное мировоззрение, как это ни покажется парадоксальным, не видит в полной мере эту ее природу. Оно утрачивает позицию субъекта, стремящегося сохранить полноту своего бытия, упрощает ее, и, по сути дела, перестает быть мировоззрением. «Познающий, хозяйственно ориентирующийся субъект незаметно выпроваживается за дверь и подменяется внемировым, созерцательным, бездейственным научным разумом» [2, с. 203]. Такая мировоззренческая установка имеет вполне определенные культурные основания в обществе, где экономическая сторона общественной жизни приобретает определяющее значение. Она справедливо рассматривается Булгаковым как продолжение рационалистической традиции идеологии Просвещения.

Булгаков видит истоки такого рационализма в специфике хозяйственной деятельности эпохи капитализма, требующей, как он говорит, глубокого погружения в объект. «Наш век характеризуется страшным напряжением хозяйственной энергии, одинаково выражающейся и в развитии науки, в экономическом материализме, ... прежде чем быть покоренным, объект временно покоряет себе своего покорителя» [2, с. 204]. Именно это обстоятельство рождает и поддерживает идею научного мировоззрения. «Злосчастное порождение века рационализма — идея „научной философии» [2, с. 205], т. е. претензии науки на разрешение сверхнаучных и вненаучных вопросов.

В этом же духе оценивает идею научности и Бердяев. «Наука, — пишет он, — и есть усовершенствованное орудие приспособления к данному миру, к навязанной необходимости. *«Наука есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости»* [1, с. 266], и в другом месте: «наука есть экономическое приспособление к мировой данности и послушание мировой необходимости» [1, с. 267].

Преодоление этой точки зрения требует иной культурной установки, а именно такой, для которой первичной данностью, с которой имеет дело человек, выступает не хозяйство, призванное помочь человеку сохраниться в окружающей среде, а *человеческая жизнь*. Это понятие, конечно, само творит существенного уточнения. Но если обобщить различные ее определения, встречающиеся в трудах русских философов, то жизнь можно определить как процесс творческого самосозидания человека перед лицом Абсолюта во взаимодействии с окружающей природной и социальной средой через наполнение себя историческим опытом, кристаллизованным в культуре. Эта установка является характерной для русской религиозной философии. Такая установка означает, что главные смыслы своего существования

¹ Отнесемся к слову «механизм» с оговоркой. По сути дела Булгаков ведет речь о том, что наука видит мир только как управляемый некоторыми объективными законами. Слово «механизм» — своеобразная дань уровню науки, на котором находились знания мыслителя начала XX в.

человек обретает не на основе мировоззрения, содержанием которого является обобщенный образ внешнего мира, они обретаются из собственного опыта духовного возрастания, составляющего сущностную основу жизни.

Позиция жизни противостоит позиции вещиности. «Непосредственной данностью, обладающей положительным атрибутом бытия, для нас остается жизнь» [2, с. 205]. Позиция же вещиности, или, как говорит Булгаков, механической причинности, определяется отрицанием жизни «механизм не только не может объяснять жизни, но сам должен быть объяснен из своей соотносительности с нею».

В этом же духе характеризует русскую ментальность в ее отличии от мироощущения западного человека С. Л. Франк. «Западноевропейский человек, — пишет он, — ощущает себя именно как индивидуальное мыслящее сознание...он не чувствует себя укорененным в бытии или находящимся в нем и свою собственную жизнь ощущает не как выражение самого бытия, а как другую инстанцию, которая противостоит бытию» [7, с. 479].

Русская культурная традиция рождает иной способ мышления. Согласно русскому мыслителю, «совершенно иное мироощущение выражается в русском мировоззрении, которое поэтому стремится к совсем иной философской теории. ...Русскому духу путь от “cogito” к “sum” всегда представляется абсолютно искусственным, истинный путь для него ведет, напротив, от “sum” к “cogito”. То, что непосредственно очевидно, не должно быть вначале проявлено и осмыслено через что-то иное; только то, что основывается на самом себе и проявляет себя через само себя, и есть бытие как таковое. Бытие дано не посредством сознания и не как его предметное выражение; напротив, поскольку наше «я», наше сознание есть не что иное, как проявление, так сказать, ответвление бытия как такового, то это бытие и выражает себя в нас совершенно непосредственно» [там же].

Развивая эту мысль, Франк замечает: «Можно также сказать, что, в конечном счете, человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным» [там же].

Сказанное означает, что для русских философов функция мировоззрения, состоящая в организации внутреннего мира человека, обретает свою специфику в мироощущении или, используя термин Бердяева, мирочувствии. В современной литературе парафразом этой мысли является идея известного нейропсихолога Николаса Хамфри, изложенная им в книге «Сознание. Пыльца души», о том, что базовой формой сознания выступает ощущение.

Концептуальное мировоззрение означает отношение к действительности как чему-то внешнему, потустороннему, т. е. является позицией вещиности. Русские философы имеют в виду иную отправную точку в деле наполнения смыслом внутренней жизни личности — конкретное бытие человека, которое выступает формой укоренения в бытии как таковом. Источник жизненных смыслов, которыми руководствуется человек, согласно русским мыслителям, надо искать в дорациональном бытии. Главную роль в ценностно-смысловом самоопределении субъекта играет не рационально организованное мировоззрение, основанное на научном знании о мире, а, если пользоваться терминами Н. А. Бердяева, «мирочувствие» и «миросознание», выражающие индивидуальный жизненный опыт субъекта. Рационально выстроенные мировоззренческие системы, обобщающие опыт научного постижения окружающего мира, игнорируют индивидуальный опыт, и, соответственно, личностную неповторимость субъекта. По сути дела, они не удовлетворяют смыслу понятия мировоззрения. Если использовать модную сегодня терминологию, то можно сказать, что для русских мыслителей словосочетание «научное мировоззрение» представляет собой оксюморон. Соединение несоединимого. Такие мировоззренческие системы могут иметь, конечно, определен-

ное значение для оформления жизненных смыслов человека, но только в том случае, если они будут находить интерпретацию в «мирочувствии» человека.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1993.
3. Введение в философию : учеб. пособие для высших учебных заведений / И. Т. Фролов. М. : Республика, 2003.
4. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1981.
5. Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М. : Мысль, 1979.
6. Программа КПСС. М. : Политиздат, 1976.
7. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.
8. Хамфри Н. Сознание. Пыльца души. М. : Карьера Пресс, 2014.
9. Эстетика. Словарь. М. : Политиздат, 1989.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Berdyaev N. A. Meaning of creativity // Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. M. : True, 1989 (in Rus).
2. Bulgakov S. N. Philosophy of economy // Bulgakov S. N. Works in two volumes. Vol. 1. M. : Science, 1993 (in Rus).
3. Introduction to philosophy. Textbook for higher educational institutions / I. T. Frolov. M. : Republic, 2003 (in Rus).
4. Vernadsky V. I. Selected works on the history of science. M. : Science, 1981 (in Rus).
5. Oizerman T. I. Dialectical materialism and the history of philosophy. M. : Thought, 1979 (in Rus).
6. CPSU program. M. : Politizdat, 1976 (in Rus).
7. Frank S. L. Russian worldview // Frank S. L. Spiritual foundations of society. M. : Republic, 1992 (in Rus).
8. Humphrey N. Consciousness. Soul pollen. M. : Career Press, 2014 (in Rus).
9. Aesthetics. Dictionary. M. : Politizdat, 1989 (in Rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Social Science of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Влияние пандемии COVID-19 на ресторанный бизнес: рекомендации на основе экспертного интервью

Серова Е. Г.¹, Воробьев П. Ф.^{2, *}, Файнштейн Е. М.¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vorobev-pf@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В данном исследовании изучается, как варьируется влияние распространения коронавирусной инфекции на ведение предпринимательской деятельности в ресторанном бизнесе в зависимости от уровня адаптируемости ресторанов к проблемам, возникшим во время пандемии, с использованием трех измерений (анализ проблем потребительского спроса, оптимизация корпоративной стратегии и использование инновационного потенциала компании). Посредством проведения глубинного интервью с 8 ключевыми экспертами отрасли общественного питания г. Санкт-Петербурга (Россия) это исследование описывает и конкретизирует быстро трансформирующуюся проблему выявления основных изменений рыночной ситуации в ресторанном бизнесе в период пандемии COVID-19. Анализ показал, что сетевые рестораны, имеющие достаточное количество ресурсов для решения проблем текучести кадров, развития технологических решений, формирования бренда и лояльности клиентов, более устойчивы к проблемам, возникшим в результате распространения коронавирусной инфекции, чем другие компании в сфере общественного питания. Наличие серьезных проблем, связанных с потребительским спросом, оптимизацией формата предлагаемых блюд и сервиса, оказали существенное воздействие на взаимосвязь между влиянием распространения коронавирусной инфекции и неспособностью адаптироваться к новой реальности ведения предпринимательской деятельности. Результаты работы могут быть полезны предпринимателям и руководителям сетевых ресторанов, разрабатывающим маркетинговые стратегии для установления или корректировки управленческих решений по адаптации компаний сферы общественного питания в период пандемии.

Ключевые слова: сетевой ресторанный бизнес, маркетинговые стратегии, потребительские предпочтения, инновационный потенциал, экспертное интервью, COVID-19

Для цитирования: Серова Е. Г., Воробьев П. Ф., Файнштейн Е. М. Влияние пандемии COVID-19 на ресторанный бизнес: рекомендации на основе экспертного интервью // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 99–121.

Impact of the COVID-19 Pandemic on the Restaurant: Recommendations Based on an Expert Interview

Elena G. Serova¹, Pavel F. Vorobyev^{2, *}, Elizaveta M. Fainshtein¹

¹National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *vorobev-pf@ranepa.ru

ABSTRACT

This study examines how the impact of the coronavirus spread on business operations in the restaurant business varies depending on the level of restaurants adaptability to the challenges encountered during the pandemic, using three dimensions (analysis of consumer demand problems, optimization of corporate strategy and use of the company's innovative potential).

Through in-depth interviews with eight key food service industry experts in St. Petersburg, Russia, this study describes and fleshes out the rapidly transforming challenge of identifying major market changes in the restaurant business during the pandemic. The analysis showed that chain restaurants with sufficient resources to deal with employee turnover, technology development, brand building and customer loyalty are more resilient to the challenges resulting from the impact of the coronavirus spread than similar food service companies. While the presence of serious problems associated with consumer demand, the optimization of the offered dishes format and service had a significant impact on the relationship between the impact of the coronavirus spread and the inability to adapt to the new reality of doing business. The results of the research can be useful for entrepreneurs and managers of chain restaurants who develop marketing strategies to establish or adjust management decisions to adapt catering companies during a pandemic.

Keywords: chain restaurant business, marketing strategies, consumer preferences, innovative potential, expert interview, COVID-19.

For citing: Serova E. G., Vorobyev P. F., Fainshtein E. M. Impact of the COVID-19 pandemic on the restaurant: recommendations based on an expert interview // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 99–121.

Введение

Вспышка коронавирусной инфекции (COVID-19) потрясла мир в 2020 г. Она стала событием большого общественно-политического значения. Существенный по длительности инкубационный период бессимптомного течения болезни и относительное отсутствие мер противодействия на ранних стадиях распространения эпидемии привели к более чем 504,4 млн случаев заболевания и более 6,2 млн смертей по состоянию на 20 апреля 2022 г.¹ Начиная с 2020 г. Россия занимает пятое место в мировом рейтинге по распространению COVID-19². Распространение вируса с высокой способностью к передаче могло быть сокращено только за счет уменьшения межличностных контактов посредством физического дистанцирования. Правительство Российской Федерации были разработаны специальные меры, направленные на борьбу с распространением коронавирусной инфекции и поддержку граждан в условиях пандемии. Ранняя вспышка была сдержана в первую очередь за счет ограничений федерального правительства, распространяющихся на поездки, такими как пограничный контроль, и посещения общественных мест — введение локдауна (режима самоизоляции с соблюдением строгих санитарных ограничений по перемещению). В России введение локдауна происходило дважды: первый раз в 2020 г., второй — в 2021. По мере того как инфекция начала обостряться, местные органы власти начали вводить правила социального дистанцирования в местах массового скопления людей. А именно, в местах общего пользования в зданиях, строениях, сооружениях или иных объектах, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти человек (например, концертные залы, торговые центры, предприятия общественного питания). COVID-19 сильно повлиял на ресторанный индустрию по всей стране. Хотя серьезность вспышки различается в зависимости от региона, почти в каждом го-

¹ Отчет Организации Объединенных Наций (ООН) о коронавирусной инфекции (COVID-19) 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240051157> (дата обращения: 17.12.2022); Отчет Коммуникационного центра Правительства РФ по ситуации с коронавирусом 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.stopcoronavirus.ru/ai/doc/1442/attach/2022-06-30_coronavirus_government_report.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

² Русская служба BBC* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52571120> (дата обращения: 17.12.2022). *Доступ к сайту заблокирован по требованию Генпрокуратуры.

роде были введены в действие приказы о соблюдении дистанции и ужесточении санитарных норм, запретившие посещение ресторанов в обычном режиме. Несмотря на то что эти меры позволили свести к минимуму личное взаимодействие и уменьшить распространение вируса, они серьезно угрожали существованию ресторанной индустрии.

Согласно оценке Федерации Рестораторов и Отельеров (ФРИО) в период первого локдауна, в начале марта 2020 г., выручка ресторанов снижалась на 30–60% год к году, а к концу месяца резко упала на 90%. После ослабления антиковидных мер произошло массовое закрытие ресторанов, обусловленное финансовыми трудностями, связанными с потерей постоянных клиентов¹. Очевидно, что стратегии сокращения затрат не могут поддержать отрасль и ресторанным компаниям необходим комплексный подход решения проблем, возникших в результате пандемии. Национальные данные показывают, что по сравнению с той же датой прошлого года оборот общественного питания в июне 2021 г. составил 149,8 млрд руб., или 173,6% (в сопоставимых ценах) к уровню соответствующего периода предыдущего года, в I полугодии 2021 г. — 853,0 млрд руб., или 130,8%². Растущая конкуренция и давление факторов внешней среды способны были и далее снижать количество работающих ресторанов. Чтобы сохранить бизнес, владельцам и руководителям ресторанных компаний было необходимо адаптировать к текущим реалиям свою стратегию и тактику для компенсации воздействия COVID-19.

Как показали предыдущие исследования авторов, изменение стратегии и тактики для компенсации воздействия COVID-19 давали преимущество в большей степени сетевым ресторанам, которые уже были оснащены цифровой инфраструктурой и имели определенный инновационный потенциал для того, чтобы оперативно задействовать свои ресурсы [3; 4; 18]. Инновационный потенциал связан с тем, насколько изначально привлекательно ценностное предложение для постоянных клиентов, и как компания может постоянно обновлять ценностное предложение для привлечения большего количества потенциальных клиентов. Компании используют инновации, чтобы стратегически отстраниться от конкурентов за счет более привлекательного ценностного предложения, учитывая при этом инновационный потенциал компании. Это побудило ученых и специалистов-практиков исследовать потребительские предпочтения и на их основе анализировать и формировать конкурентоспособное ценностное предложение с учетом инновационного потенциала компании [14; 24].

На основе проведенного литературного анализа были выявлены факторы, которые влияют на спрос в ресторанном бизнесе. Например, такие как качество и ассортимент меню [35; 46], стоимость блюд и обслуживания [10], прогноз продаж [31], онлайн-обзоры и оценка оказываемого сервиса клиентами [7; 34; 37]. Кризисные события носят динамичный, изменчивый, трудно прогнозируемый характер, способный привести к серьезным последствиям для ресторанной индустрии. Однако лишь небольшое число эмпирических исследований посвящено влиянию кризисов на спрос в ресторанах [15; 29; 45]. По мнению авторов, еще ни одно эмпирическое исследование не рассматривало влияние эпидемического кризиса COVID-19 на спрос в ресторанах при помощи экспертного интервью.

Чтобы восполнить этот пробел в исследованиях, авторами были собраны данные об актуальных проблемах потребительского спроса, оптимизации корпоративной

¹ ФРИО. Экспертное интервью главы Федерации рестораторов и отельеров России 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/01/826737-90-kafe-i-restoranov> (дата обращения: 10.11.2021).

² Росстат. Отчет. Социально-экономическое положение в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i1RlgJuR/osn-06-2021.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

стратегии и использовании инновационного потенциала компании при помощи проведения глубинного интервью с экспертами ресторанный бизнеса. Затем, полученная информация была проанализирована для оценки влияния воздействия пандемии на способность ресторанный бизнеса адаптироваться к новой реальности ведения предпринимательской деятельности. Также были изучены причины, которые не позволяют своевременно применять и развивать инновационный потенциал компании в полной мере. Таким образом, был внесен вклад в научную литературу о менеджменте. Прежде всего, это исследование представляет собой новаторскую попытку раскрыть последствия глобальной пандемии COVID-19 для ресторанный индустрии. Анализ полученных экспертных данных можно использовать для более точной оценки управленческих решений ресторанный бизнеса и прогнозирования спроса на основе различных сценариев пандемии. Во-вторых, авторы оценили неоднородность значимых факторов, связанных с COVID-19, путем определения блоков инновационного потенциала. Стоит подчеркнуть, что результаты проведенного анализа интервью являются вкладом в сферу стратегического управления, посвященную факторам, определяющим устойчивость ресторанный бизнеса.

Анализ потребительского спроса имеет особое значение для ресторанный бизнеса, учитывая повышенную конкуренцию за внимание клиентов на рынке [27; 36]. Растущее разнообразие ресторанов в отношении типов меню, стилей обслуживания и ценовых диапазонов дает потребителям больше выбора, чем когда-либо прежде. Поэтому рестораторам важно понимать ответы на такие вопросы, как: Какие важные факторы (характеристики) потребители принимают во внимание при выборе ресторана? Как показатели ресторанов в отношении этих факторов влияют на удовлетворенность потребителей? Какое влияние оказывает удовлетворенность клиентов на адаптируемость ресторанный бизнеса в условиях пандемии? Рестораторы, которые не видят взаимосвязи между этими проблемами и формируют ценностное предложение, не соответствующее ожиданиям потребителей, столкнутся с сокращением количества клиентов и продаж.

Удовлетворение потребностей клиентов необходимо для выживания компании в период пандемии COVID-19. Прогнозирование тенденций и изучение характеристик, которые влияют на потребительский спрос, могут помочь в регулировании процессов управления рестораном, проведении стратегического планирования и маркетингового анализа [1; 2; 15; 33]. Такая информация, на основе знания структуры спроса, может помочь облегчить формирование дальнейшей стратегии компании. Анализ потребительского спроса в ресторанный бизнесе включает в себя множество факторов, которые ранее были рассмотрены в работах исследователей. Эти факторы можно разделить на две категории:

- 1) факторы микроуровня внутренней среды: имеют прямое отношение к продукции и сервису, корректируются за счет саморегуляции управленческих процессов внутри ресторанный деятельности компании;
- 2) факторы макроуровня внешней среды: оказывают влияние на бизнес извне, вне зависимости от текущей деятельности компании.

Среди факторов микроуровня, влияющих на выбор ресторана, наиболее важными являются предпочтения потребителей в ассортименте блюд [38]; соблюдение мер санитарной безопасности [20; 23]; качество обслуживания и атмосфера [10]. Кроме того, онлайн-обзоры и удовлетворенность клиентов [17], которые основаны на вышеупомянутых аспектах, также могут влиять на продажи и эффективность ресторанов. Более того, к данным факторам, определяющим спрос в ресторанах, можно отнести: дизайн меню, аутентичность еды, рекламу и продвижение, бренд ресторанный компании.

К внешним факторам макроуровня, которые могут потенциально повлиять на продажи ресторанов, относятся: экономические условия (например, валовой вну-

тренний продукт, уровень безработицы и процентная ставка, уровень дохода населения); социально-демографические характеристики (например, численность населения и миграция); внешняя среда: погодные условия и временные рамки (то есть день недели, сезон); мероприятия (например, культурные, национальные, государственные праздники), политическая ситуация в стране; различные кризисы (такие как финансовые спады и инфекционные заболевания) [8; 9; 32].

К анализу структуры спроса в ресторанах может относиться несколько типов исследований, в зависимости от того, как оцениваются предпочтения потребителей. В большинстве исследований для проведения анализа использовались факторы на микроуровне. Например, в качестве меры измерения ресторанного спроса оценивались индивидуальные предпочтения клиентов, их поведенческие намерения или выявленные регулярные выборы продукции и сервиса [43; 44]. Хотя такие исследования включают неоднородность данных, они могут иметь ограничения и быть подвержены предвзятости мнений и ошибкам в отзывах респондентов в зависимости от источника получения первичной информации. Другая группа исследований на микроуровне, в которых отдельные рестораны используются в качестве единицы анализа, опираются на статистические данные (например, продажи и посещения ресторанов) для описания спроса [19; 46]. Эти исследования могут быть более точными и надежными, чем исследования на основе потребительских опросов, но часто включают небольшие размеры выборки и сосредоточены только на одном или нескольких конкретных ресторанах. Третья группа исследований фокусируется на сочетании анализа микро- и макроуровня с использованием агрегированных данных и глубинных экспертных интервью сетевых компаний общественного питания для прогнозирования спроса на ресторанные услуги [12; 13]. Этот тип исследования может учесть влияние внутренних и внешних факторов на спрос в ресторанах, а также многолетний профессиональный опыт ведения бизнеса. Например, таких как уровень среднего чека по сети или какие управленческие решения были приняты в зависимости от изменений предпочтений в формате потребления блюд. За счет большего объема анализа факторов компании могут выявить основные изменения рыночной ситуации в сетевом ресторанном бизнесе в условиях развития пандемии COVID-19.

Кризис представляет собой разрушительное и непредсказуемое событие, которое потенциально может отрицательно сказаться на текущих операциях, репутации, прибыльности, росте и выживании бизнеса [28]. Среди множества факторов, влияющих на спрос в ресторанах, кризисные события являются неуправляемыми. Их успешное преодоление зависит от наличия навыков компании оперативно и своевременно принимать решения, а также приспосабливаться к новым условиям ведения бизнеса. Кризис может усугубляться за счет внутренних процессов компании (например, из-за ошибок руководства, таких как неправомерное поведение или несоблюдение установленных норм и правил) или извне за счет событий, происходящих в окружающей среде [45]. Внешние кризисы могут быть вызваны внезапными изменениями в окружающей среде (стихийные бедствия, вирусные эпидемии и загрязнение окружающей среды) и неопределенностью в социальной среде (забастовки, терроризм и экономические потрясения) [35]. Кризисные события часто оказывают негативное влияние на бизнес из-за снижения спроса и доходов, нехватки предложения и ресурсов, увеличения затрат, нарушения норм и стабильности рабочего графика, текучести кадров. Более того, различные типы кризисов могут быть взаимосвязаны и вызывать широко распространенные волновые эффекты, в совокупности нанося ущерб отрасли [39]. Так, например, возникновение стихийных бедствий и эпидемических заболеваний может усугубить экономический кризис [39; 45].

Значительный объем исследований рассматривает влияние различных кризисов и антикризисного управления на более широкую индустрию гостеприимства и ту-

ризма, однако в ресторанном секторе исследований по этим темам гораздо меньше [21; 22; 42]. Большинство этих исследований было сосредоточено на степени влияния потенциального ущерба для конкурентоспособности и экономической стабильности компаний в ресторанной индустрии. На сегодняшний день исследования еще находятся в процессе рассмотрения степени воздействия эпидемического кризиса на спрос в ресторанах. Неопределенность и высокие риски кризиса, связанного с пандемией, подчеркивают необходимость оценки его долгосрочного воздействия на спрос в ресторанах, чтобы помочь отрасли и научному сообществу лучше понять и проанализировать основные изменения рыночной ситуации.

Проведение глубинного интервью руководителей сетевых ресторанов для выявления основных изменений рыночной ситуации в ресторанном бизнесе может способствовать более практическому пониманию того, как рестораны адаптируются к динамичной кризисной ситуации.

Материалы и методы

В основе проведения исследования лежит метод глубинного интервью. Он необходим для получения детальной информации от экспертов ресторанного бизнеса о трансформации предоставления услуг и использования инновационного потенциала компаний в период пандемии.

Глубинное интервью представляет собой качественный метод исследования, при котором исследователь собирает данные непосредственно от участников опроса (экспертов). В нем используется комплексная система детализирующих и уточняющих вопросов, чтобы мотивировать эксперта свободно делиться своим опытом, говорить и подробно выражать убеждения, отношение и чувства по теме исследования [47, с. 121]. Интервью проводится индивидуально. Каждый эксперт персонально отвечает на поставленные вопросы. Глубинное интервью имеет важное значение для раскрытия мнений, опыта, ценностей экспертов и других различных аспектов изучаемого объекта исследования. Интервью дает возможность понять, насколько рестораны смогли адаптироваться к динамичным условиям рынка в период пандемии и предложить практические рекомендации компаниям, задействуя их инновационный потенциал. Преимущества метода можно разделить на три основные категории:

- 1) он позволяет исследователю и эксперту установить комфортные отношения для получения более подробных ответов на деликатные темы [40];
- 2) исследователь может самостоятельно отбирать кандидатов для интервью, а значит и получать наиболее точную выборку полученных данных, а также может задавать уточняющие вопросы, получать дополнительную информацию и возвращаться к ключевым вопросам сразу же в процессе диалога, чтобы получить лучшее понимание касательно отношения эксперта к тому или иному вопросу интервью [26];
- 3) глубинное интервью полезно, когда необходим подробный отчет о мнении и поведении клиентов. Кроме того, исследователь анализирует инновационные идеи и контексты, которые могут показать более точную картину изменений на рынке [11]. Берент (1966) предложил две основные причины этого: во-первых, возможность респондента действительно проанализировать мотивацию определенного действия. Во-вторых, применение приема активного слушания вместе с предоставленной анонимностью дает респонденту чувство защищенности и возможности откровенно выражать свои мысли, чувства и эмоции. Уэбб (2001) отметил, что исследователь может отслеживать изменения в тоне и выборе слов респондента, чтобы точно интерпретировать экспертное мнение. Это дает возможность установить тесное взаимопонимание и высокую степень доверия, тем самым улучшая качество данных.

Глубинное интервью было выбрано в качестве метода исследования, исходя из предпосылки, что этот подход способен выявить значимые закономерности изменений, произошедших в период пандемии и опираясь на экспертное мнение можно будет разработать рекомендации для компаний по развитию ценностного предложения на основе инновационного потенциала компании.

Алгоритм метода проведения интервью состоит из обязательных этапов, различных по организации и правилам проведения.

1 этап: подготовительный. Включает в себя разработку стратегии выборки. Проводится отбор экспертов для проведения интервью. Разрабатывается гайд (сценарий) интервью. От включает в себя написание подробного руководства по собеседованию экспертов: гайд содержит вопросы, которые будут заданы во время собеседования. В отличие от обычного формата опроса, гайд глубинного интервью представляет собой перечень вопросов, по которым интервьюер должен узнать мнение эксперта.

2 этап: полевой. Он состоит из рекрутинга экспертов, проведения самого экспертного интервью и перевода в текстовый формат (транскрибирование) аудиозаписей интервью, если была сделана аудиозапись, или сразу фиксируется текстовый документ с ответами на поставленные вопросы в процессе опроса.

После отбора экспертов и разработки гайда проводится интервью. Длительность экспертного интервью может составлять от получаса до часа, в зависимости от сложности темы вопросов исследования, а также количества и глубины изучаемых вопросов. Как правило, при выборе места проведения экспертного интервью выбирается помещение с нейтральной обстановкой и хорошей звукоизоляцией, во избежание возникновения каких-либо внешних помех. Это также необходимо в случае, если интервью записывается на аудио- и/или видеоноситель для упрощения последующей расшифровки и анализа данных, а также чтобы не потерять важную информацию.

3 этап: аналитический. Содержит обработку полученных результатов интервью и составление аналитического отчета. Используя данные текстового документа, описывающего ответы на вопросы в процессе интервью и впечатлений эксперта, составляется аналитический отчет и/или презентация по результатам исследования.

Метод проведения глубинного интервью руководителей сетевых ресторанов использовался для сбора первичных данных с ноября 2021 г. по январь 2022 г. Этот метод позволил исследователям собрать данные от респондентов из г. Санкт-Петербурга, Россия, что привело к выявлению экспертного мнения об основных изменениях рыночной ситуации в ресторанном бизнесе. Согласно заданным критериям, участники занимают руководящие должности крупнейших сетевых ресторанов, компании начали свою работу до начала пандемии (до 2019 г.) и имеют различные направления деятельности (каналы сбыта). Интервью содержало 13 вопросов на тему выявления основных изменений рыночной ситуации в ресторанном бизнесе. По его завершении данные были проанализированы и систематизированы в соответствии с полученной информацией. Сетевой ресторан был определен как заведение общественного питания с полным спектром оказания услуг, которое предлагает обслуживание столов и питание с широким выбором блюд и напитков, а также набором сопутствующего сервиса обслуживания.

Результаты

В данном исследовании был проведен опрос экспертов ресторанной отрасли на основе метода индивидуального глубинного интервью и проанализированы особенности влияния изменений ценностного предложения фирмы на развитие ее инновационного потенциала. В настоящий момент, период пандемии послужил сильным мотивирующим аспектом для реструктуризации ресторанного бизнеса, вынуждая выстраивать и/или оптимизировать систему аналитики большого объема онлайн-

данных, электронной коммерции и соответствующей стратегии бизнеса. Учитывая это, важно понимать, что заставляет клиентов возвращаться или отказываться от использования сервиса, какие характеристики ценностного предложения мотивируют их рекомендовать или не рекомендовать ресторан, какой имидж у бренда и какие именно характеристики продукции и сервиса создают ценность для клиентов. В связи с этим можно отследить растущую популярность и важность использования метода индивидуального глубинного интервью экспертов ресторанный бизнеса для аналитики ценностного предложения и инновационного потенциала ресторанов.

Для проведения интервью по результатам рекрутинга респондентов были отобраны эксперты среди представителей ресторанного бизнеса. Общее количество составило 8 участников интервью. Данные ресторанных компаний респондентов содержат профиль следующего характера (табл. 1).

Таблица 1

Профиль ресторанных компаний, которые представляют эксперты для проведения интервью, Санкт-Петербург, 2021

Table 1. Profile of restaurant companies, which are represented by experts for interviews, St. Petersburg, 2021

Критерий	Описание	Кол-во ответов	%
Формат заведения (в соответствии с уровнем предоставляемого обслуживания [15])	1. Премиум-класс	1	12,5
	2. Средний класс	3	37,5
	3. Бизнес-питание	2	25
	4. Быстрое обслуживание	2	25
Начало деятельности	Рестораны начали работать до 2019, до пандемии	8	100
Размер компании (в соответствии с Федеральным законом от 24.07.07 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ»)	Малые 15–100 чел.	2	25
	Средние 101–250 чел.	3	37,5
	Крупные предприятия свыше 251 чел.	3	37,5
Направления деятельности (каналы сбыта)	Заведения совмещают онлайн- и офлайн-форматы бизнеса	5	62,5
	Заведения работают преимущественно в офлайн-формате	2	25
	Заведения работают преимущественно на доставку и самовывоз	1	12,5
Форма доставки	Собственная система доставки	6	75
	Через агрегаторы и собственную систему доставки	2	25
Основные нововведения, которые помогли бизнесу в период пандемии	Развитие нового направления производства продукции или сервиса	3	37,5
	Развитие маркетинговой кампании	4	50
	Развитие использования онлайн-сервисов и приложений	8	100
	Развитие программы лояльности	6	75

Источник: составлено авторами.

Профиль ресторанных компаний, которых представляют эксперты, являются сетевыми заведениями общественного питания. Среди них 37,5% относятся к среднему уровню обслуживания, 25% выступают как умеренный высококлассный уровень обслуживания и бизнес-питание и столько же компаний занимается быстрым обслуживанием (25%). К представителям высокого уровня обслуживания относятся 12,5%.

100% заведений расположено в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Все они начали работу до 2019 г., до начала пандемии.

Говоря о размере компаний, к представителям крупных предприятий относится 37,5% и столько же экспертов представляют средние предприятия (37,5%). Малые предприятия составляют 25%.

По направлениям деятельности 62,5% заведений совмещают онлайн- и офлайн-форматы бизнеса, 25% работают в основном в офлайн-формате и 12,5% работают преимущественно на доставку и самовывоз.

75% заведений осуществляют доставку через собственную систему и 25% — через агрегаторы и собственными силами. Под агрегаторами доставки еды понимаются сервисы, которые предоставляют предприятиям общественного питания услуги формата «маркетплейс» и занимаются организацией услуги доставки в Санкт-Петербурге (Яндекс.Еда, Delivery Club и др.).

Проведение опроса руководителей сетевых ресторанов для выявления основных изменений рыночной ситуации в ресторанном бизнесе показало уровень адаптивности сетевых ресторанов к проблемам, возникшим во время пандемии. Ответы экспертов разделились на следующие категории (табл. 2).

Таблица 2

Уровень адаптируемости сетевых ресторанов, которые представляет эксперт к проблемам, возникшим во время пандемии, Санкт-Петербург, 2021

Table 2. The level of adaptability of chain restaurants, which the expert presents to the problems that arose during the pandemic, St. Petersburg, 2021

Уровень адаптируемости сетевых ресторанов к проблемам, возникшим во время пандемии. В баллах от «1» до «7»	Кол-во ответов	%
«1» — Нет, ресторан абсолютно не адаптировался к проблемам, возникшим во время пандемии	0	0
«2» — Скорее не адаптировался, существуют серьезные проблемы (например, покупательский спрос и маржинальность продолжают падать, а расходы растут)	1	12,5
«3» — Скорее не адаптировался, существуют незначительные проблемы с оптимизацией формата предлагаемых блюд и сервиса (например, закупки ингредиентов, оптимизация списка блюд в меню, развитие сервиса доставки и др.)	2	25
«4» — Затрудняюсь ответить, вынужден адаптироваться к экстренным проблемам, вызванных повторяющимся локдауном	0	0
«5» — Скорее адаптировался, но существуют серьезные проблемы с соблюдением повышенных требований к безопасности (например, перепланировка посадочных зон, закупка средств индивидуальной защиты, контроль самочувствия работников кухни и зала и др.)	0	0
«6» — Скорее адаптировался, но существуют незначительные управленческие проблемы (например, проблемы текучести кадров, развития технологических решений и др.)	2	25
«7» — Да, ресторан полностью адаптировался к проблемам, возникшим во время пандемии, клиенты возвращаются не только за едой, но и за атмосферой	3	37,5

Источник: составлено авторами.

Один из главных вопросов, который встает перед руководителем ресторанного бизнеса в период пандемии COVID-19, — анализ возможностей решения возникающих проблем, связанных с потребительским спросом.

По мнению половины участников исследования, адаптация ресторанного бизнеса обходится компаниям дороже, чем в допандемийный период и требует больших вложений как моральных, так и физических. Наличие серьезных проблем, связанных с потребительским спросом, оптимизацией формата предлагаемых блюд и сервиса склоняют экспертов к мнению, что их сетевые рестораны скорее не адаптировались к новой реальности ведения предпринимательской деятельности.

25% участников экспертного интервью уверены, что их заведениям общественного питания удалось адаптироваться, но существуют незначительные управленческие проблемы, и 37,5% экспертов убеждены, что за счет сильного бренда и качественного сервиса смогли полностью адаптироваться к проблемам, возникшим во время пандемии и их клиенты возвращаются не только за едой, но и за атмосферой.

Среди всех представленных вариантов оценок уровня адаптируемости сетевых ресторанов к проблемам спроса, возникшим во время пандемии (табл. 3), эксперты выбрали следующие значения: 37,5% — «7», 25% — «3» и столько же (25%) — «6», наименьшее количество (12,5%) — «2». Следует отметить, что для каждой из оценок свойственен определенный набор характеристик, связанных со структурой потребительского спроса (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики оценок уровней адаптируемости сетевых ресторанов к проблемам спроса, возникшим во время пандемии, Санкт-Петербург, 2021

Table 3. Characteristics of estimates of the levels of adaptability of chain restaurants to demand problems that arose during the pandemic, St. Petersburg, 2021

Ключевые элементы оценки адаптируемости сетевых ресторанов	Характеристики потребительского спроса	Оценки характеристик по уровням адаптируемости, %			
		«2»	«3»	«6»	«7»
<i>1.а Структура спроса</i>	Увеличился спрос на более дешевые блюда	0,0	12,5	12,5	12,5
	Увеличилось расслоение на востребованность дорогих и дешевых блюд	0,0	12,5	0,0	12,5
	Структура спроса не изменилась по сравнению с допандемийной	12,5	12,5	12,5	12,5
	Увеличился спрос на более качественные ингредиенты блюд	0,0	12,5	0,0	0,0
<i>1.б Предпочтения потребителей в ассортименте блюд</i>	Сузился спектр востребованных блюд	0,0	25	12,5	0,0
	Увеличился спрос на экзотические, необычные блюда	0,0	12,5	0,0	0,0
	Увеличился спрос на «хиты»	0,0	25	0,0	12,5
	Предпочтения посетителей не изменились по сравнению с допандемийными	12,5	0,0	12,5	25
	Смещение в пользу заказов на доставку	0,0	0,0	0,0	12,5
	Увеличился спрос на скорость подачи блюд	0,0	0,0	0,0	12,5

Ключевые элементы оценки адаптируемости сетевых ресторанов	Характеристики потребительского спроса	Оценки характеристик по уровням адаптируемости, %			
		«2»	«3»	«6»	«7»
	Закупаются в большом объеме полуфабрикаты	0,0	0,0	0,0	12,5
<i>1.6 Изменения среднего чека посещения ресторана</i>	Средний чек значительно снизился	0,0	12,5	0,0	0,0
	Средний чек снизился незначительно	0,0	12,5	12,5	0,0
	Средний чек вырос незначительно	12,5	0,0	0,0	0,0
	Средний чек значительно вырос	0,0	0,0	12,5	37,5
<i>1.7 Изменения предпочтений в формате потребления блюд</i>	Посетители стали больше предпочитать посещение ресторана вдвоем или маленькими компаниями	0,0	12,5	12,5	0,0
	Уменьшилось количество корпоративов	0,0	12,5	25	12,5
	Посетители стали чаще брать в ресторане блюда на вынос	12,5	25	12,5	12,5
	Существенно возросли масштабы заказов блюд с доставкой на дом	0,0	0,0	12,5	25
	Существенно возросли масштабы заказов блюд с доставкой на работу	0,0	12,5	12,5	12,5
	Ассортиментная матрица меню не менялась, изменилась подача блюд (граммовки, визуальный внешний вид)	0,0	0,0	12,5	0,0
	Развивается тенденция формата предложения завтраков	0,0	0,0	0,0	12,5
<i>1.8 Изменения состава посетителей</i>	Уменьшилось количество посетителей старшего возраста	0,0	25	0,0	12,5
	Увеличилась доля романтических пар	0,0	12,5	0,0	12,5
	Резко упало количество туристов	0,0	25	12,5	25
	Состав посетителей не изменился	12,5	0,0	12,5	0,0
	Изменилась культура потребления	0,0	12,5	0,0	0,0
	Спад импульсивного посещения ресторанов	0,0	12,5	0,0	0,0
	Увеличилось количество туристов	0,0	0,0	0,0	12,5
<i>1.9 Другие новые требования со стороны потребителей</i>	Ярко выраженная тенденция к покупке более дешевых блюд, больших порций	12,5	0,0	0,0	0,0
	Гости стали более требовательны к бонусной системе, качеству сервиса. Активная обратная связь в виде отзывов	0,0	0,0	12,5	0,0
	Спрос на заказы самовывоза и доставку вырос в 2 раза	0,0	0,0	0,0	12,5

Ключевые элементы оценки адаптируемости сетевых ресторанов	Характеристики потребительского спроса	Оценки характеристик по уровням адаптируемости, %			
		«2»	«3»	«6»	«7»
	Возрос спрос на разнообразие акций	0,0	12,5	0,0	0,0
	Возрос спрос на разнообразие меню	0,0	0,0	0,0	12,5
	Новых дополнительных требований вследствие распространения COVID-19 нет	12,5	0,0	12,5	12,5

Источник: составлено авторами.

Полученные результаты позволяют предположить, что для каждой из оценок уровней адаптируемости сетевых ресторанов к проблемам спроса, возникшим во время пандемии, характерна различная динамика со стороны потребителей. Чем более оперативно сетевые рестораны отреагировали на происходящие изменения и смогли своевременно изменить характеристики ценностного предложения, используя инновационный потенциал компании, тем меньшее влияние на них оказали вызовы пандемии COVID-19.

Далее, в ходе проведенного анализа данных интервью, среди видов сервиса, которые помогли продолжить работу в период пандемии, эксперты отмечают: наиболее популярным видом сервиса для развития оказался сервис доставки: собственный — 75%, через агрегаторы — 25%. Для 37,5% экспертов значимыми являются меры обеспечения санитарной безопасности посетителей, персонала (закупка масок, перчаток и средств дезинфекции). Снижение заработной платы персонала, развитие системы лояльности (акции, скидки, получение подарков, применение бонусной системы и системы cash-back), активное продвижение рекламной кампании является актуальным для 25% от общего числа опрошенных. Такие виды как сокращение персонала, развитие направления «Dark kitchen», а также коллаборации, реклама в соц. сетях (например, в Instagram¹) и наличие инфраструктуры продаж: наличие сайтов, приложений набрали каждый 12,5%.

Большинство участников экспертного интервью (75%) считают, что сетевой характер ресторана, обеспечивший организационную и финансовую поддержку, а также развитие инновационного потенциала помог бизнесу пережить кризис, связанный с пандемией COVID-19. Нововведения, внедренные в 2020 г., активно продолжали развиваться в 2021 г. К наиболее популярным из них относятся: соблюдение санитарных норм безопасности для клиентов и персонала (75%), оптимизация концепции, совершенствование отлаженного управленческого механизма работы в соответствии с новыми направлениями развития ресторана (25%), развитие сервиса доставки блюд (собственного и через агрегаторы) — 37,5%.

Благодаря использованию сервиса доставки многие участники рынка сохранили рабочие места для своего персонала, поддерживали связь с клиентами в период самоизоляции, а некоторые заведения смогли избежать убытков или компенсировать потери в связи с введением или качественным улучшением услуг удаленного обслуживания клиентов — предоставления сервиса доставки.

Эксперты отмечают, что в первую очередь помогло их ресторанному бизнесу пережить трудности пандемийного периода — это сложившееся у посетителей

¹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

позитивное отношение к бренду ресторана и всей сети (75%), сетевой характер ресторана, обеспечивший организационную и финансовую поддержку (75%) и высокий уровень квалификации ключевых работников, позволивший своевременно найти пути решения проблем (50%).

Важными инновациями, которые было необходимо внедрить в период пандемии являются: обеспечение мер безопасности, соблюдение санитарных правил и норм при пандемии (75%), развитие направления «Dark kitchen» (ресторанная кухня, готовящая еду только на доставку) (50%), увеличение посадочной зоны заведения — 50%, создание собственной системы доставки ресторанных блюд (50%). 12,5% направляют свои основные вложения в осознанное онлайн-продвижение бизнеса (собственный сайт и соц. сети).

Обсуждение

Динамичность изменений структуры оказания услуг под влиянием COVID-19 диктует новую реальность ведения ресторанного рынка. Тем не менее представители отрасли отмечают положительные аспекты. Период пандемии показал, что наибольшие шансы остаться на рынке общественного питания имеют компании с более качественным сервисом, тогда как их менее успешные конкуренты зачастую вынуждены были приостановить или вовсе прекратить свою деятельность. Это касается как качества характеристик ценностного предложения, так и своевременного развития инновационного потенциала компании. Кризис побудил сетевые рестораны оптимизировать управленческую структуру, цифровизировать бизнес-процессы и повысить качество предоставляемых продукции и сервиса.

Отраслевые эксперты полагают, что в последние годы нормы ведения сетевого ресторанного бизнеса достаточно быстро стандартизируются: лидеры рынка, используя собственный инновационный потенциал, внедряют новые разработки, что приводит к увеличению разрыва между ними и остальными игроками в располагаемых ресурсах и возможностях ведения бизнеса. Во время пандемии крупные компании воспользовались своими конкурентными преимуществами и, нарабатываям еще до ее начала, инновационным потенциалом. Это подтверждает сравнение скорости внедрения нововведений, необходимых для обеспечения качественного сервиса (табл. 4).

Таблица 4

Изменения применения основных нововведений, внедренные в работу сетевых ресторанов во время локдауна в 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом в 2020 г.

Table 4. Changes in the application of the main innovations introduced into the work of chain restaurants during the lockdown in 2021 compared to the same period in 2020

Основные нововведения, внедренные в работу ресторана во время локдауна 2020 г.	%	Наработки, использовавшиеся во время локдауна 2021 г.	%
Сокращение затрат: позиций в меню, видов сервиса, количества мероприятий, количества персонала	44	Использование наработок по обеспечению санитарных норм в полной мере, внедрение новых правил оказания сервиса в соответствии с дополнительными требованиями 2021 г.	67
Соблюдение санитарных норм безопасности для клиентов и персонала	33	Оптимизация концепции, совершенствование отлаженного управленческого механизма работы,	17

Основные нововведения, внедренные в работу ресторана во время локдауна 2020 г.	%	Наработки, использовавшиеся во время локдауна 2021 г.	%
		в соответствии с новыми направлениями развития ресторана. Интеграции наработок сервиса 2020 г. в процесс оказания ресторанных услуг	17
Развитие сервиса доставки блюд (собственного и через агрегаторы)	17	Анализ стратегии компании в соответствии с изменением целевой аудитории: вместо иностранных гостей рестораны стали посещать гости внутреннего туризма России	8
Проведение серьезной оптимизации всех управленческих процессов. Кардинальная смена концепции от “fine dining” в “street food”.	6	Использование этого периода для проведения ремонтных работ, с целью улучшения атмосферы в ресторанах	8

Источник: составлено авторами.

Рынок ресторанного бизнеса продемонстрировал существенный рост внедрения преобразований (см. рис.), относящихся к качеству предоставления сервиса во время пандемии, в том числе за счет расширения инновационного потенциала. Большинство экспертов в рамках интервью отметило увеличение изменений внедрения инноваций, которые были закреплены в работе после локдауна и нововведений, которые будут использоваться на постоянной основе в постпандемийный период (табл. 5).

Таблица 5

Изменения в процессе внедрения нововведений, закреплённые в работе после локдауна и нововведений, которые будут использоваться на постоянной основе в постпандемийный период, 2021 г.

Table 5. Changes in the process of introducing innovations, fixed in the work after the lockdown and innovations that will be used on an ongoing basis in the post-pandemic period, 2021

Нововведения, которые были закреплены в работе после локдауна	%	Нововведения, которые будут использоваться на постоянной основе в постпандемийный период	%
Улучшение качества сервиса в соответствии с санитарными нормами.	22	Соблюдение норм санитарной безопасности	32
Развитие системы доставки блюд, полуфабрикатов и бакалеи	17	Развитие форм сервиса доставки	21
Развитие многозадачности сотрудников в связи с сокращением персонала	11	Развитие сервиса выездного обслуживания гостей	16
Сокращение рабочих часов в соответствии с сокращением часов работы ресторанов (до 22:00)	11	Развитие сайта и соц. сетей (Инстаграм и Фейсбук) ¹ , цифровизации бизнеса	11

Нововведения, которые были закреплены в работе после локдауна	%	Нововведения, которые будут использоваться на постоянной основе в постпандемийный период	%
Развитие программ лояльности (проведение новых акций, рекламных кампаний, предоставление подарков)	11	Изменение экономической модели ведения бизнеса при ухудшении кризисной ситуации	5
Анализ и изменение стратегии для привлечения доп. аудитории клиентов	11	Анализ позиционирования, стратегического развития и программы лояльности	5
Соблюдение предписаний, регламентированных со стороны правительства	5	Координатная смена концепции не позволяет делать в данный момент точный подобный прогноз	5
Развитие доставки блюд через агрегаторы	6	Развитие программы лояльности	5
Нововведения отсутствуют, работа была продолжена в штатном режиме	6	—	—

¹ — Instagram и Facebook принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Источник: составлено авторами.

На сегодняшний день большинство сетевых ресторанов имеют опыт использования нескольких основных видов доставки, чтобы обеспечить максимальную вариативность для удобства своих потребителей. Наиболее распространенные способы доставки блюд среди сетевых ресторанных компаний, которые представляют эксперты, участвовавшие в интервью, — собственная система доставки, а также курьерская доставка через агрегаторы. У каждого из вариантов форм доставки есть свои преимущества и недостатки (рис.). Однако стоит отметить, что 75% экспертов считает, что доставка через агрегаторы каннибализирует собственную доставку ресторана, а 25% участников интервью уверены, что агрегаторы способствуют продвижению ресторанный бренда и повышают узнаваемость сетевого ресторана среди потребителей за счет широкого присутствия в медиапространстве.

На данный момент большинство экспертов (87,5%) считают оптимальным использование собственной системы доставки, поскольку качество блюд и сервиса (свежесть, вкус, внешний вид) является их основным преимуществом.

Важно отметить, что с приходом инноваций различных форм сервиса доставки в период пандемии COVID-19 активное развитие также получили онлайн-сервисы и приложения. 62,5% экспертов видит в них пользу для развития своего бизнеса и считают, что форма онлайн-коммуникации с потребителем повышает узнаваемость бренда и роста спроса на блюда, упрощает и ускоряет коммуникацию между клиентом и рестораном.

Участники интервью отмечают, что пандемия приблизила будущее, сформировав в короткие сроки новые поведенческие привычки потребления. По мнению большинства экспертов сетевого ресторанный бизнеса, успех в преодолении кризиса пандемии в 2021 г. определялся сочетанием следующих факторов:

1. Использование возможности быстро адаптировать бизнес под доставку (например, развитие собственной системы доставки или использование услуг агрегаторов).

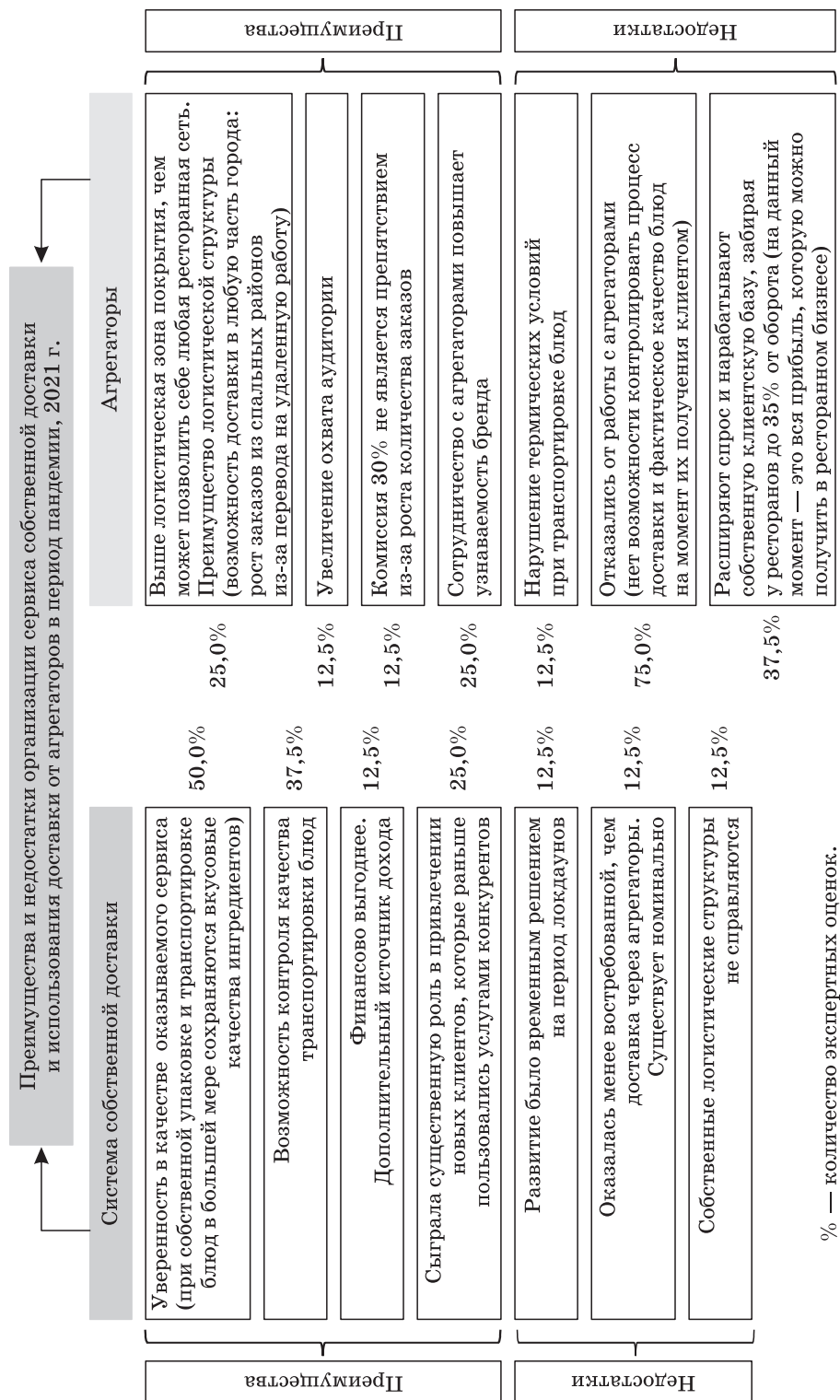

Рис. Преимущества и недостатки организации сервиса собственной доставки и использования доставки от агрегаторов в период пандемии
 Fig. Advantages and disadvantages of organizing a service of own delivery and using delivery from aggregators during a pandemic, 2021

2. Применение своевременных управленческих мер по сокращению издержек предприятием в период кризиса (Например, оптимизация расходов, сокращение персонала, изменение ассортиментной матрицы, сокращение меню, быстрое внедрение изменений, поиск дополнительных источников дохода и т. д.).
3. Развитие инновационного потенциала компании в период кризиса (например, использование продвижения бренда компании в онлайн-пространстве, внедрение новых сопутствующих услуг, упрощающих оказание сервиса, получение поддержки со стороны агрегаторов, арендодателей и т. п.).

Как было показано выше, изменение отношения потребителей к ресторанному бизнесу и стандартам оказываемого сервиса не могло не повлиять на взгляды самих рестораторов. Эксперты отмечают, что даже те компании, первоначальная концепция которых не предполагала развитие инновационного потенциала, теперь планируют активное использование данных возможностей. Если до пандемии, введения самоизоляции и повторного локдауна некоторые рестораторы не были уверены в целесообразности предоставления сервиса доставки, развития онлайн-присутствия и использования инструментов маркетингового продвижения, медлили с их внедрением, то в период жестких ограничений ни у кого не осталось сомнений в необходимости внедрения и применения данных направлений.

По прошествии времени эксперты, участвовавшие в интервью, убедились, что своевременное внедрение инновационного потенциала было правильным шагом. Их компании планируют продолжать развиваться, все больше и больше обращая внимание на характеристики ценностного предложения. Значительное число участников согласилось с тем, что из-за пандемии их ресторанным компаниям пришлось пересмотреть планы в отношении методов развития бизнеса. Наиболее приоритетным направлением стало развитие собственной доставки. Также среди ответов участников отмечались такие направления, как цифровизация бизнеса, систематизация организационных функций и продвижение продукции компании. Например, расширение онлайн-присутствия заведения (развитие социальных сетей, улучшение сайта или мобильного приложения), развитие маркетинговой кампании и программ лояльности. Однако некоторые эксперты заявили, что для их бизнеса последствия пандемии оказались настолько разрушительными, что все планы пришлось просто отложить — и в ближайшей перспективе им предстоит долгий период восстановления. Представители ресторанного бизнеса, участвовавшие в интервью, связывают это с отсутствием своевременного принятия управленческих решений и с отложенным намерением использования инновационного потенциала компании.

Заключение

В статье показаны результаты выявления основных изменений рыночной ситуации в ресторанном бизнесе в условиях распространения пандемии. Представленный метод проведения глубинного интервью на основе экспертных оценок позволяет сформировать практические рекомендации по использованию инновационного потенциала компаний в период пандемии. Тем не менее остается ряд определенных ограничений из-за того, что данное исследование проводилось только на основе данных сетевых ресторанов с полным спектром услуг в г. Санкт-Петербурге, Россия.

Во-первых, результаты не могут быть распространены на другие типы ресторанов (несетевые модели ведения бизнеса) или другие форматы оказания услуг общественного питания (например, кафе, баров, кофеен и т. д.), а вопрос о том, можно ли обобщить эти результаты для других стран, требует дальнейшего тестирования. В дальнейших исследованиях было бы интересно проанализировать аналогичные экспертные мнения в ресторанной индустрии. Например, провести интервью в азиатской стране и сравнить результаты Востока и Запада, поскольку азиатские стра-

ны имеют существенно иные социально-экономические характеристики, методы и политику управления пандемией, а также культурно-поведенческие привычки.

Во-вторых, авторы не использовали данные по отдельным ресторанам. Сводные данные на уровне федерального округа могут быть подвержены потенциальной систематической погрешности и не отражать неоднородность отдельных ресторанов. Например, спрос, связанный с конкретными местоположениями заведений. Более того, учитывая текущие динамичные изменения в экономике страны, несмотря на неопределенность в том, как пандемия будет продолжаться развиваться, еще неизвестно, будут ли клиенты уверены, что они начнут посещать рестораны в таком объеме, как до начала эпидемии. В этой неустойчивой экономической среде эмпирические исследования реакций ресторанного бизнеса на пандемию будут особенно ценными. Поэтому авторы предполагают проведение дальнейшего анализа на основе данных первичного интервью. Это поможет пролить свет на изменения поведения посетителей ресторанов в ответ на пандемию COVID-19.

Литература

1. Неделько А. Ю., Третьяк О. А. Ориентация потребителя на здоровое питание: обзор литературы и разработка модели согласования интересов участников рынка // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 2. С. 203–232.
2. Неделько А. Ю., Третьяк О. А., Лаврова А. Ю. Потребительский выбор продуктов питания: факторы, текущее состояние и ожидаемые изменения // Российский журнал менеджмента. 2020. Т. 18. № 4. С. 605–642.
3. Серова Е. Г., Воробьев П. Ф., Файнштейн Е. М. Количественная модель SWOT-анализа и ее применение в стратегическом менеджменте: на примере сетевого ресторанного бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. № 4. С. 531–562.
4. Серова Е. Г., Файнштейн Е. М. Ценностное предложение ресторанного бизнеса: интеллектуальный анализ онлайн-отзывов клиентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2022. Т. 21. № 1. С. 47–73.
5. Bae S., Slevitch L., Tomas S. The effects of restaurant attributes on satisfaction and return patronage intentions: Evidence from solo diners' experiences in the United States // Cogent Business & Management. 2018. Vol. 5. N 1. P. 1–24.
6. Bilgihan A., Seo S., Choi J. Identifying restaurant satisfiers and dissatisfiers: Suggestions from online reviews // Journal of Hospitality Marketing & Management. 2018. Vol. 27. N 5. P. 601–625.
7. Bujisic M., Bogicevic V., Parsa H. G. The effect of weather factors on restaurant sales // Journal of Foodservice Business Research. 2017. Vol. 20. N 3. P. 350–370.
8. Byrd K., Fan A., Her E., Liu Y., Leitch S., Almanza B. Restaurant patronage during the COVID-19 pandemic and the protection motivation theory: influence of consumers' socio-demographic, situational, and psychographic factors // Journal of Foodservice Business Research. 2021. N 1. P. 1–29.
9. Cao Q., Duan W., Gan Q. Exploring determinants of voting for the “helpfulness” of online user reviews: A text mining approach // Decision Support Systems. 2011. Vol. 50. N 2. P. 511–521.
10. Cassell C., & Symon G. (eds.). Essential guide to qualitative methods in organizational research. Sage, 2004.
11. Cheng C. C., Chen C. T., Hsu F. S., Hu H. Y. Enhancing service quality improvement strategies of fine-dining restaurants: New insights from integrating a two-phase decision-making model of IPGA and DEMATEL analysis // International Journal of Hospitality Management. 2012. Vol. 31. N 4. P. 1155–1166.
12. Cheng C. C., Chang Y. Y., Tsai M. C., Chen C. T., Tseng Y. C. An evaluation instrument and strategy implications of service attributes in LOHAS restaurants // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2018. Vol. 31. N 1. P. 194–216.
13. Christensen C. M., McDonald R., Altman E. J., Palmer J. E. Disruptive innovation: An intellectual history and directions for future research // Journal of Management Studies. 2018. Vol. 55. N 7. P. 1043–1078.
14. De Vries J., Roy D., De Koster R. Worth the wait? How restaurant waiting time influences customer behavior and revenue // Journal of operations Management. 2018. Vol. 63. N 1. P. 59–78.

15. *Fainshtein E., Serova E.* Value Proposition of Network Companies Providing Restaurant Services in Russia: Analysis and Evaluation // *Anthropological Approaches to Understanding Consumption Patterns and Consumer Behavior*. IGI Global. 2020. P. 137–158.
16. *Fainshtein E., Serova E.* Using Intelligent Text Analysis of Online Reviews to Determine the Main Factors of Restaurant Value Propositions // *Handbook of Research on Applied Data Science and Artificial Intelligence in Business and Industry* IGI Global. 2021. P. 223–240.
17. *Fainshtein E.* Value Proposition Analysis of Network Business During Digital Adaptation in COVID-19 Conditions // *Marketing and Smart Technologies*. Springer, Singapore. 2021. Vol. 205. N 1. P. 145–153.
18. *Fernandes E., Moro S., Cortez P., Batista F., Ribeiro R.* A data-driven approach to measure restaurant performance by combining online reviews with historical sales data // *International Journal of Hospitality Management*. 2021. Vol. 94. N 1. P. 1–10.
19. *Fleetwood J.* Scores on doors: Restaurant hygiene ratings and public health policy // *Journal of public health policy*. 2019. Vol. 40. N 4. P. 410–422.
20. *Ghaharian K., Abarbanel B., Soligo M., Bernhard B.* Crisis management practices in the hospitality and gambling industry during COVID-19 // *International Hospitality Review*. 2021. Vol. 35. N 2. P. 171–194.
21. *Gössling S., Scott D., Hall C.M.* Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // *Journal of Sustainable Tourism*. 2020. Vol. 29. N 1. P. 1–20.
22. *Jeong M., Kim K., Ma F., DiPietro R.* Key factors driving customers' restaurant dining behavior during the COVID-19 pandemic // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2021. Vol. 34. N 2. P. 836–858.
23. *Johnson M.W., Christensen C.M., Kagermann H.* Reinventing your business model // *Harvard business review*. 2008. Vol. 86. N 12. P. 57–68.
24. *Jung S.S., Jang S.S.* Have restaurant firms been using right recession turnaround strategies?: Evaluating with propensity score measure // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 91. N 1. P. 242–250.
25. *Hedges A.* Group interviewing // In Walker, R.L. (Ed.), *Applied Qualitative Research*, Gower Publishing, Aldershot. 1985. P. 91.
26. *Kim M.J., Hall C.M.* Can sustainable restaurant practices enhance customer loyalty? The roles of value theory and environmental concerns // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2020. Vol. 43. N 1. P. 127–138.
27. *Kim M., Kim E.J., Bai B.* 2021. Examining restaurant purchase intention during crises: the role of message appeal // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2021. Vol. 33. N 12. P. 4373–4390.
28. *Koh Y., Lee S., Choi C.* The income elasticity of demand and firm performance of US restaurant companies by restaurant type during recessions // *Tourism Economics*. 2013. Vol. 19. N 4. P. 855–881.
29. *Konuk F.A.* The influence of perceived food quality, price fairness, perceived value and satisfaction on customers' revisit and word-of-mouth intentions towards organic food restaurants // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2019. Vol. 50. N 1. P. 103–110.
30. *Lasek A., Cercone N., Saunders J.* Restaurant sales and customer demand forecasting: Literature survey and categorization of methods // Leon-Garcia A. et al. (eds). *Smart City 360°*. Cham: Springer. 2016. Vol. 166. N 1. P. 479–491.
31. *Lee K., Ha I.S.* Exploring the impacts of key economic indicators and economic recessions in the restaurant industry // *Journal of Hospitality Marketing & Management*. 2012. Vol. 21. N 3. P. 330–343.
32. *Li H., Meng F., Jeong M., Zhang Z.* To follow others or be yourself? Social influence in online restaurant reviews // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2020. Vol. 32. N 3. P. 1067–1087.
33. *Li H., Xie K.L., Zhang Z.* The effects of consumer experience and disconfirmation on the timing of online review: Field evidence from the restaurant business // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 84. N 1. P. 1–11.
34. *Li B., Zhong Y., Zhang T., Hua N.* Transcending the COVID-19 crisis: Business resilience and innovation of the restaurant industry in China // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2021. Vol. 49. N 1. P. 44–53.
35. *Liu P., Tse E.C.Y.* Exploring factors on customers' restaurant choice: an analysis of restaurant attributes // *British Food Journal*. 2018. Vol. 120. N 10. P. 2289–2303.

36. *Mohammad S. M.* Sentiment analysis: Detecting valence, emotions, and other affectual states from text // Herbert L. Meiselman (eds). *Emotion Measurement*. Woodhead Publishing. National Research Council Canada, Ottawa, ON, Canada. 2016. Vol. 9. N 1. P. 201–237.
37. *Nemeschansky B., von der Heide T., Kim P. B.* Customer-driven menu analysis (CDMA): Capturing customer voice in menu management // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 91. N 1. P. 1–14.
38. *Okumus F., Karamustafa K.* Impact of an economic crisis evidence from Turkey // *Annals of tourism research*. 2005. Vol. 32. N 4. P. 942–961.
39. *Robson S., Foster A.* Qualitative research in action. Edward Arnold, 1989.
40. *Ryu K., Lee H. R., Kim W. G.* The influence of the quality of the physical environment, food, and service on restaurant image, customer perceived value, customer satisfaction, and behavioral intentions // *International journal of contemporary hospitality management*. 2012. Vol. 24. N 2. P. 200–223.
41. *Semerciöz F., Pehlivan Ç., Sözüer A., Mert A.* Crisis management practices and strategic responses through customer loyalty and price strategy in hard times: Evidence from fine-dining restaurants // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 207. N 1. P. 149–156.
42. *Vu H. Q., Li G., Law R., Zhang Y.* Exploring tourist dining preferences based on restaurant reviews // *Journal of Travel Research*. 2019. Vol. 58. N 1. P. 149–167.
43. *Yi S., Zhao J., Joung H. W.* Influence of price and brand image on restaurant customers' restaurant selection attribute // *Journal of foodservice business research*. 2018. Vol. 21. N 2. P. 200–217.
44. *Yost E., Ridderstaat J., Kizildag M.* Early warning indicators? The effect of consumer and investor sentiments on the restaurant industry // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 89. N 1. P. 1–9.
45. *Yost E., Kizildag M., Ridderstaat J.* Financial recovery strategies for restaurants during COVID-19: Evidence from the US restaurant industry // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2021. Vol. 47. N 1. P. 408–412.
46. *Webb J.* Marketing research // In: Baker M. J. et al. (eds) *Marketing Theory and Practice*. Palgrave, London. 1995. P. 104–124.
47. *Zhang C., Zhang H., Wang J.* Personalized restaurant recommendation method combining group correlations and customer preferences // *Information Sciences*. 2018. Vol. 454. N 1. P. 128–143.
48. *Zhang S. N., Li Y. Q., Liu C., Ruan W.* Reconstruction of the relationship between traditional and emerging restaurant brand and customer WOM // *International Journal of Hospitality Management*. 2021. Vol. 94. N 1. P. 1–12.

Об авторах:

Серова Елена Геннадьевна, доцент департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; egserova@hse.ru

Воробьев Павел Федорович, начальник отдела Стратегического развития Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vorobev-pf@ranepa.ru

Файнштейн Елизавета Михайловна, департамент менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; e.feinshtein@gmail.com

References

1. Nedelko A. Y., Tretyak O. A. Consumer orientation toward healthy foods: Literature review and a model of market players coordination // *Russian Management Journal*. 2019. Vol. 17. N 2. P. 203–232 (in Rus)
2. Nedelko A. Yu., Tretyak O. A., Lavrova A. Yu. Consumer food choices: factors, current status and expected changes // *Russian Management Journal*. 2020. Vol. 18. N 4. P. 605–642 (in Rus)
3. Serova E. G., Vorobyev P. F., Fainstein E. M. 2019. Quantitative SWOT analysis and its application to strategic management: The case of chain restaurant business // *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 2019. Vol. 18. N 4. P. 531–562 (in Rus)
4. Serova E. G., Fainshtein E. M. The restaurant business value proposition: Intellectual text analysis of online customer reviews // *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. Vol. 21. N 1. P. 47–73 (in Rus)

5. Bae S., Slevitch L., Tomas S. The effects of restaurant attributes on satisfaction and return patronage intentions: Evidence from solo diners' experiences in the United States // *Cogent Business & Management*. 2018. Vol. 5. N 1. P. 1–24.
6. Bilgihan A., Seo S., Choi J. Identifying restaurant satisfiers and dissatisfiers: Suggestions from online reviews // *Journal of Hospitality Marketing & Management*. 2018. Vol. 27. N 5. P. 601–625.
7. Bujisic M., Bogicevic V., Parsa H.G. The effect of weather factors on restaurant sales // *Journal of Foodservice Business Research*. 2017. Vol. 20. N 3. P. 350–370.
8. Byrd K., Fan A., Her E., Liu Y., Leitch S., Almanza B. Restaurant patronage during the COVID-19 pandemic and the protection motivation theory: influence of consumers' socio-demographic, situational, and psychographic factors // *Journal of Foodservice Business Research*. 2021. N 1. P. 1–29.
9. Cao Q., Duan W., Gan Q. Exploring determinants of voting for the “helpfulness” of online user reviews: A text mining approach // *Decision Support Systems*. 2011. Vol. 50. N 2. P. 511–521.
10. Cassell C., Symon G. (eds.). *Essential guide to qualitative methods in organizational research*. Sage, 2004.
11. Cheng C.C., Chen C.T., Hsu F.S., Hu H.Y. Enhancing service quality improvement strategies of fine-dining restaurants: New insights from integrating a two-phase decision-making model of IPGA and DEMATEL analysis // *International Journal of Hospitality Management*. 2012. Vol. 31. N 4. P. 1155–1166.
12. Cheng C.C., Chang Y.Y., Tsai M.C., Chen C.T., Tseng Y.C. An evaluation instrument and strategy implications of service attributes in LOHAS restaurants // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2018. Vol. 31. N 1. P. 194–216.
13. Christensen C.M., McDonald R., Altman E.J., Palmer J.E. Disruptive innovation: An intellectual history and directions for future research // *Journal of Management Studies*. 2018. Vol. 55. N 7. P. 1043–1078.
14. De Vries J., Roy D., De Koster R. Worth the wait? How restaurant waiting time influences customer behavior and revenue // *Journal of operations Management*. 2018. Vol. 63. N 1. P. 59–78.
15. Fainshtein E., Serova E. Value Proposition of Network Companies Providing Restaurant Services in Russia: Analysis and Evaluation // *Anthropological Approaches to Understanding Consumption Patterns and Consumer Behavior*. IGI Global. 2020. P. 137–158.
16. Fainshtein E., Serova E. Using Intelligent Text Analysis of Online Reviews to Determine the Main Factors of Restaurant Value Propositions // *Handbook of Research on Applied Data Science and Artificial Intelligence in Business and Industry* IGI Global. 2021. P. 223–240.
17. Fainshtein E. Value Proposition Analysis of Network Business During Digital Adaptation in COVID-19 Conditions // *Marketing and Smart Technologies*. Springer, Singapore. 2021. Vol. 205. N 1. P. 145–153.
18. Fernandes E., Moro S., Cortez P., Batista F., Ribeiro R. A data-driven approach to measure restaurant performance by combining online reviews with historical sales data // *International Journal of Hospitality Management*. 2021. Vol. 94. N 1. P. 1–10.
19. Fleetwood J. Scores on doors: Restaurant hygiene ratings and public health policy // *Journal of public health policy*. 2019. Vol. 40. N 4. P. 410–422.
20. Ghaharian K., Abarbanel B., Soligo M., Bernhard B. Crisis management practices in the hospitality and gambling industry during COVID-19 // *International Hospitality Review*. 2021. Vol. 35. N 2. P. 171–194.
21. Gössling S., Scott D., Hall C.M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // *Journal of Sustainable Tourism*. 2020. Vol. 29. N 1. P. 1–20.
22. Jeong M., Kim K., Ma F., DiPietro R. Key factors driving customers' restaurant dining behavior during the COVID-19 pandemic // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2021. Vol. 34. N 2. P. 836–858.
23. Johnson M.W., Christensen C.M., Kagermann H. Reinventing your business model // *Harvard business review*. 2008. Vol. 86. N 12. P. 57–68.
24. Jung S.S., Jang S.S. Have restaurant firms been using right recession turnaround strategies?: Evaluating with propensity score measure // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 91. N 1. P. 242–250.
25. Hedges A. Group interviewing // In Walker, R.L. (Ed.), *Applied Qualitative Research*, Gower Publishing, Aldershot. 1985. P. 91.

26. Kim M. J., Hall C. M. Can sustainable restaurant practices enhance customer loyalty? The roles of value theory and environmental concerns // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2020. Vol. 43. N 1. P. 127–138.
27. Kim M., Kim E. J., Bai B. 2021. Examining restaurant purchase intention during crises: the role of message appeal // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2021. Vol. 33. N 12. P. 4373–4390.
28. Koh Y., Lee S., Choi C. The income elasticity of demand and firm performance of US restaurant companies by restaurant type during recessions // *Tourism Economics*. 2013. Vol. 19. N 4. P. 855–881.
29. Konuk F. A. The influence of perceived food quality, price fairness, perceived value and satisfaction on customers' revisit and word-of-mouth intentions towards organic food restaurants // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2019. Vol. 50. N 1. P. 103–110.
30. Lasek A., Cercone N., Saunders J. Restaurant sales and customer demand forecasting: Literature survey and categorization of methods // Leon-Garcia A. et al. (eds). *Smart City 360°*. Cham : Springer. 2016. Vol. 166. N 1. P. 479–491.
31. Lee K., Ha I. S. Exploring the impacts of key economic indicators and economic recessions in the restaurant industry // *Journal of Hospitality Marketing & Management*. 2012. Vol. 21. N 3. P. 330–343.
32. Li H., Meng F., Jeong M., Zhang Z. To follow others or be yourself? Social influence in online restaurant reviews // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2020. Vol. 32. N 3. P. 1067–1087.
33. Li H., Xie K. L., Zhang Z. The effects of consumer experience and disconfirmation on the timing of online review: Field evidence from the restaurant business // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 84. N 1. P. 1–11.
34. Li B., Zhong Y., Zhang T., Hua N. Transcending the COVID-19 crisis: Business resilience and innovation of the restaurant industry in China // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2021. Vol. 49. N 1. P. 44–53.
35. Liu P., Tse E. C. Y. Exploring factors on customers' restaurant choice: an analysis of restaurant attributes // *British Food Journal*. 2018. Vol. 120. N 10. P. 2289–2303.
36. Mohammad S. M. Sentiment analysis: Detecting valence, emotions, and other affectual states from text // Herbert L. Meiselman (eds). *Emotion Measurement*. Woodhead Publishing. National Research Council Canada, Ottawa, ON, Canada. 2016. Vol. 9. N 1. P. 201–237.
37. Nemeschansky B., von der Heide T., Kim P. B. Customer-driven menu analysis (CDMA): Capturing customer voice in menu management // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 91. N 1. P. 1–14.
38. Okumus F., Karamustafa K. Impact of an economic crisis evidence from Turkey // *Annals of tourism research*. 2005. Vol. 32. N 4. P. 942–961.
39. Robson S., Foster A. *Qualitative research in action*. Edward Arnold, 1989.
40. Ryu K., Lee H. R., Kim W. G. The influence of the quality of the physical environment, food, and service on restaurant image, customer perceived value, customer satisfaction, and behavioral intentions // *International journal of contemporary hospitality management*. 2012. Vol. 24. N 2. P. 200–223.
41. Semerciöz F., Pehlivan Ç., Sözüer A., Mert A. Crisis management practices and strategic responses through customer loyalty and price strategy in hard times: Evidence from fine-dining restaurants // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 207. N 1. P. 149–156.
42. Vu H. Q., Li G., Law R., Zhang Y. Exploring tourist dining preferences based on restaurant reviews // *Journal of Travel Research*. 2019. Vol. 58. N 1. P. 149–167.
43. Yi S., Zhao J., Joung H. W. Influence of price and brand image on restaurant customers' restaurant selection attribute // *Journal of foodservice business research*. 2018. Vol. 21. N 2. P. 200–217.
44. Yost E., Ridderstaat J., Kizildag M. Early warning indicators? The effect of consumer and investor sentiments on the restaurant industry // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 89. N 1. P. 1–9.
45. Yost E., Kizildag M., Ridderstaat J. Financial recovery strategies for restaurants during COVID-19: Evidence from the US restaurant industry // *Journal of Hospitality and Tourism Management*. 2021. Vol. 47. N 1. P. 408–412.
46. Webb J. *Marketing research* // In: Baker M. J. et al. (eds) *Marketing Theory and Practice*. Palgrave, London. 1995. P. 104–124.

47. Zhang C., Zhang H., Wang J. Personalized restaurant recommendation method combining group correlations and customer preferences // Information Sciences. 2018. Vol. 454. N 1. P. 128–143.
48. Zhang S. N., Li Y. Q., Liu C. H., Ruan W. Q. Reconstruction of the relationship between traditional and emerging restaurant brand and customer WOM // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 94. N 1. P. 1–12.

About the authors:

Elena G. Serova, Associate Professor, Department of Management, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; egserova@hse.ru

Pavel F. Vorobyev, Head of the Department of Strategic Development of the North-Western Institute of Management, RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); vorobev-pf@ranepa.ru

Elizaveta M. Fainshtein, Department of Management, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; e.feinshtein@gmail.com

Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Различные причины — политические или неполитические — приводят людей к участию в терроризме и подобных формах насильственного экстремизма. Лица, причастные к терроризму, происходят из разных социальных слоев и зачастую подвергались процессам насильственной радикализации. Профили террористов не работают как инструмент для выявления реальных или потенциальных террористов, потому что такие профили не отражают разнообразие и то, как люди меняются, когда вовлекаются в воинствующий экстремизм. Что предполагает более динамичную типологию участников воинствующих групп, основанную на измерениях, которые представляют динамические континуумы, а не статические положения. Разочарование в том, что изначально привлекало их в движение — были ли это политические цели, поиск дружбы или чувства сопричастности — один из главных факторов, ведущий к процессу ухода из воинствующего движения или группы. Однако разъединение — далеко не просто обращение вспять или зеркальное отражение первоначального процесса участия в воинствующем экстремизме. В ходе своей экстремистской карьеры отдельные активисты склонны менять ценности и мотивы, а также позиции и роли в боевой группе. Отсюда, лучшее понимание факторов, вызывающих разочарование для разных типов воинствующих активистов позволяет предложить возможности для усиления данных процессов, способствуя более высокому уровню индивидуального выхода из экстремистской группы.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, границы радикализации, идеологические активисты, дрифтеры и последователи, социально недовольная молодежь

Для цитирования: Кугай А. И. Надежды и разочарование: процессы вовлечения в радикальные экстремистские группировки и выхода из них // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 122–131.

Hopes and Disappointment: Processes of Getting Involved in and Out of Radical Extremist Groups

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Various reasons — political or non-political — lead people to participation in terrorism and similar forms of violent extremism. Those involved in terrorism come from different social backgrounds and have often been subjected to processes of violent radicalization. Terrorist profiles do not work as a tool to identify real or potential terrorists because such profiles do not reflect diversity and how people change when they become involved in violent extremism. Which suggests a more dynamic typology of militant group members based on dimensions that represent dynamic continuums rather than static positions. Disillusionment with what originally attracted them to the movement — whether it was political goals, the search for friendship or a sense of belonging — is one of the main factors leading to the process of

leaving a militant movement or group. However, disengagement is far from simply reversing or mirroring the original process of engaging in violent extremism. In the course of their extremist career, individual activists tend to change values and motives, as well as positions and roles in the militant group. Hence, a better understanding of the factors that cause frustration for different types of violent activists allows us to suggest opportunities for strengthening these processes, contributing to a higher level of individual exit from an extremist group.

Keywords: extremism, terrorism, the limits of radicalization, ideological activists, drifters and followers, socially dissatisfied youth

For citing: Kugay A. I. Hopes and Disappointment: Processes of Getting Involved in and Out of Radical Extremist Groups // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 122–131.

Границы радикализации

Люди участвуют в терроризме и подобных формах насильственного экстремизма по разным причинам [2]. Как правило, они делают это, чтобы осуществить мечту, потребность или стремление что-то сделать или чего-то достичь [1]. Частые неудачи в достижении того, чего они ожидали, или о чем мечтали, также обычно являются источником их разочарования и впоследствии основной причиной отказа от насильственного экстремизма.

Лица, причастные к насильственному джихаду или другим видам террористической деятельности, являются выходцами из разнообразных социальных слоев, зачастую подвергались насильственной радикализации. Не существует единого террористического профиля или единственной первопричины, которая стоит за радикализацией в терроризм [3; 5; 10; 12, с. 810; 20]. Например, в Официальном отчете о взрывах в Лондоне от 7 июля 2005 г. [21] говорится: «То, что мы знаем о бывших экстремистах в Великобритании, показывает, что нет постоянного профиля, который мог бы помочь определить, кто может быть уязвим для радикализации. Из четырех человек здесь трое были вторым поколением британских граждан, родители которых были пакистанского происхождения, и один, чьи родители были ямайского происхождения; один был алжирцем, которому не удалось получить убежище; у другого мать англичанка, а отец ямаец. Другой интерес представляют белые новообращенные. Кто-то получил хорошее образование, кто-то менее хорошее. Одни явно хорошо интегрировались в Великобритании, другие нет. Большинство одиноких, но некоторые семьянины с детьми. Некоторые ранее законопослушные, другие с историей мелких преступлений. В нескольких случаях име-

Идеологическая/политическая мотивация	↔	Неидеологический/аполитичный
Лидер / высокий статус в группе	↔	Последователь/ потребность принадлежать к группе
Социально адаптированный/ находчивый	↔	Маргинальные/ слабые социальные ресурсы
Высокие эмоциональные потребности	↔	Низкий уровень эмоциональных потребностей

Рис. Границы радикализации
Fig. Boundaries of radicalization

ются свидетельства жестокого обращения или других травм в раннем возрасте, но у других воспитание было стабильным и любящим» [21, с. 31].

Такое понимание привело многих наблюдателей к двум отрицательным выводам: 1) не работает профилирование с целью выявления возможных террористов; 2) некоторые также утверждают, что бесполезно пытаться разрабатывать стратегии для предотвращения разнообразных процессов радикализации, поскольку никакие меры не смогут охватить их всех. Тем не менее возможно, что, если один размер не подходит для всех, «индивидуальный пошив» вмешательства может быть разработан.

Профилирование с целью выявления конкретных лиц, причастных к терроризму или уязвимых для радикализации к насилию, посредством сужения от более широкой популяции, оказывается бесполезным, производя слишком много ложных срабатываний, поскольку в выборку попадают также ложноотрицательные люди, которые соответствуют стереотипу потенциальных террористов, в то время как потенциальные и настоящие террористы остаются незамеченными, потому что они не соответствуют стереотипу. Однако профилирование измерений, процессов и путей радикализации несет в себе более многообещающий подход [14, с. 60; 15]. Понимание этих различных процессов приводит к необходимости выявления возможных превентивных вмешательств, которые могут быть использованы для блокировки процессов радикализации в сторону насилия и облегчения неприятия экстремизма.

Несколько исследований различных типов агрессивных групп показали, по крайней мере, в некоторой степени удалось выявить ограниченное число типов лиц, причастных к насильственным действиям, а также группы, которые характеризуются различными фоновыми факторами и путями радикализации. Немецкое исследование Гельмута Виллемса [23, с. 23] классифицировало преступников ксенофобного насилия на четыре основные разновидности: «правые активисты», «этноцентрическая молодежь», «криминальная молодежь» и «попутчики». Они охватывали различные профили с точки зрения политической/идеологической мотивации, включая организационное членство, социально-экономическое происхождение, образование, судимость и использование насилия. Исследование террористических ячеек джихадистов в Европе, проведенное Петтером Нессером [17–19], обнаружило, что эти ячейки, как правило, состояли из четырех основных категорий: предприниматель, протеже, неудачник и бродяга. Каждый тип формировался в различных социально-экономических условиях, имел различную зависимость от идеологии и политики. Интересно, что эти две типологии полностью совпадают с описанием трех из четырех типов активистов, даже если политические и идеологические ориентации этих групп сильно различаются.

В то же время типологизация и профилизация членов экстремистских групп, основанная на идеальных статистических типах, приводит к тому, что многие активисты как бы растворяются между идеальными типами, становясь невидимыми. К тому же типологии, успешно характеризующие один тип группы или движение, не столь эффективны при анализе иного типа движения.

Более динамичный и альтернативный подход заключается в описании лиц, причастных к экстремистским группам. В ряд измерений могут быть включены такие переменные, как возраст, пол или альтруизм/эгоизм, но для наших аналитических целей здесь выбраны четыре следующих размерности (рисунок).

Эти измерения следует рассматривать как динамические континуумы, а не как статические позиции. Любой человек может в течение своей жизни или экстремистской карьеры перейти от одного конца континуума к другому. Таким образом, человек, начинающий как аполитичный, может стать сильно политизированным и идеологизированным или перестать быть последователем, чтобы стать лидером с более высоким статусом. Довольно часто люди делают выбор не присоединяться к экстремистской группе.

Человек также может вначале быть относительно маргинализированным, но стать лучше социально адаптированным и интегрированным в общество, или может упасть с достойного положения в обществе в маргиналы, в связи с причастностью к насильственному экстремизму, быть пойманным за преступления или злоупотребление наркотиками. Более того, человек, вступивший в экстремистскую группу в поисках действия и азарта, может успокоиться с возрастом или перегореть из-за постоянного напряжения и истощения.

Различные экстремистские или террористические группы также могут быть описаны как состоящие из разнообразных смесей людей, которые в любой момент времени находятся на разных концах континуумов. Одни группы могут иметь большую долю лидеров и последователей на идеологически и социально хорошо адаптированных концах континуумов. Другие группы могут начать с лишь немногими лидерами и большей частью маргинализированными и аполитичными последователями, некоторые из которых могут постепенно стать более политизированными. Эти разные типы людей обычно будут действовать по-разному и играть дополнительные роли в каждой группе [4, с. 48–51].

Таким образом, описанные здесь типы, частично основанные на типологиях Бьорго [4] и Нессера [19], не следует рассматривать как статические профили, а скорее как позиции, к которым индивиды в различной степени могут двигаться вдали от внутренних процессов радикализации либо дерадикализации, хотя наличие некоторых индивидуальных черт и качеств могут сильнее привязывать их более к одним позициям, чем другим. Что следует из понимания того, что террористические группы могут состоять из разных типов людей, которые прошли различные пути радикализации. Соответственно, необходимо разработать несколько конкретных мер, которые могут подойти каждому отдельному типу. Некоторые из этих типов подвержены социально-экономическим интервенциям, другие — психосоциальным факторам, а третьи связаны с идеологическими и политическими вопросами. Соответственно, превентивные стратегии должны быть адаптированы к конкретным факторам, лежащим в основе каждого основного типа активиста и специфики различных групп. Разные измерения, описанные выше, могут помочь нам предложить несколько точек вмешательства, чтобы побудить различные типы потенциальных активистов прервать свои процессы радикализации или выйти из группы боевиков, частью которой они были. Различные стратегии профилактики или вмешательства, вероятно, будут иметь разные эффекты на разных активистов, потому что у них разные потребности и уязвимости.

Таким образом, типы или профили, описанные здесь, не следует рассматривать как инструмент для выявления потенциальных террористов. Скорее их следует рассматривать как помощь в развитии более конкретных и целенаправленных стратегий предотвращения насильственной радикализации и содействия размежеванию с экстремистской организацией с учетом разнообразия радикальных активистов. Профили, рассматриваемые ниже, следует понимать как идеальные типы, а не как статические позиции, как типологию, основанную на измерениях, которые представляют динамические континуумы. Из этого следует, что в течение своей экстремистской биографии люди могут утрачивать соответствие одному типу, чтобы позднее приобретать больше характеристик других типов.

Идеологические активисты

Особый тип радикализации характеризует идеологических активистов, играющих ведущие роли в террористических ячейках. Как правило, это харизматичные личности, мотивированные идеями и обостренным чувством справедливости, отзывчивостью на страдания других — будь то братья-мусульмане или другие объекты идентифика-

ции, глобально или локально. Джихадизм или другие разновидности политического насилия охватываются интеллектуальным процессом, когда необходимость действовать постепенно становится политическим или религиозным долгом [19].

Эти альтруистичные люди часто находчивы, образованы, хорошо интегрированы и в некоторых случаях даже считаются образцами для подражания в их сообществах [23]. Одним из ярких примеров является лидер лондонских бомбардировщиков (07.07.2005) Мохаммад Сидик Хан, который был хорошо образован и являлся уважаемым общественным деятелем, участвовавшим в волонтерской работе с молодежью [19, с. 102].

Одной из разновидностей являются опытные ветераны джихада, принимавшие участие в вооруженной борьбе на некоторых театрах военных действий за джихад (таких как Афганистан, Ирак, Чечня, Кашмир, Босния) и обладают определенным героическим имиджем, а также боевым опытом. Они также могут служить связующим звеном с движением глобального джихада.

Другая, более молодая разновидность может быть описана как протезе лидера [19]. Они склонны принимать джихадизм или другие формы воинственности, сочетая лояльность лидеру и политическую активность. Хотя зачастую они умны, умелые и хорошо социально адаптированы, они также могут быть впечатлительными и легко манипулируемыми старейшинами, на которых они равняются.

При этом те, у кого высокие баллы по идеологическим и политическим мотивам, могут испытывать разочарование, когда понимают, что группа или борьба не способствуют их делу, нацеленному на улучшение положения населения, за которое они якобы борются. Таким образом, тех, кто хотел воевать за мусульман, должно беспокоить то, что в восемь раз, по некоторым данным, Аль-Каида убивает больше своих единоверцев-мусульман, чем жителей Запада [13; 16]. Их также могут беспокоить противоречия между политическими целями и насильственными средствами, противоречащими убеждениям, вызывающими когнитивный диссонанс в обществе и СМИ.

Те, кто набрал высокие баллы в занятии лидерского положения, также уязвимы в утрате статуса и уверенности в группе. В таких ситуациях потеря статуса, возможность размежевания с радикальным движением может стать для них более привлекательной, чем пребывание в статусе лидера экстремистской организации. Иногда можно даже «помочь» лидерам потерять статус обладания доверием в своем окружении посредством различных форм вмешательства (например, путем распространения порочащей информации о них). Сочетание разочарования в сфере политических ориентиров и потеря руководящей роли увеличивают вероятность выхода из группы и последующую дерадикализацию на идеологическом уровне (что часто является постепенным процессом). Это также может усиливаться тенденцией к истощению и выгоранию среди людей, которые в течение длительного периода живут в режиме высокого давления и опасности, в условиях турбулентности, сродни пассажирам при взлете авиалайнера.

Существует также дополнительная ценность, связанная с отказом лидеров от участия в деятельности в экстремистской организации, способствующая предостережению молодых людей от последствий к присоединению к таким экстремистским движениям, ценность, открывающая путь к недовольству и размежеванию с движением, к которому они принадлежали.

Есть несколько ярких примеров этого от (про-)джихадистских групп до неонацистских и других видов агрессивных радикальных групп. Иногда бывшие лидеры экстремистских движений также играют важные роли в создании, руководстве и/или управлении организациями, создающими программы дерадикализации и размежевания с радикальными группировками. Примером могут служить программы выхода для бывших неонацистов в Швеции и Германии, также индонезийская про-

грамма реабилитации членов Джемаа Исламия и создание Фонда Куиллам бывшими британскими боевиками-исламистами [9].

Дрифтеры и последователи

Для некоторых молодых людей опыт принадлежности к группе и принятия их в них как равных, возможность завоевать в них лидерские позиции являются основной ценностью, иногда перевешивающей большинство других соображений. В какую группу они попадают и по какой причине, зачастую зависит от случая и ситуации. Принадлежность к воинствующей группе обеспечивает мощную идентичность. Они ищут друзей, товарищества, защиты и удовлетворения ряда социальных потребностей [21, с. 86–87; 25; 4, с. 201–207]. Идеология не имеет большого значения для этих бродяг, по крайней мере поначалу, они не придерживаются особо экстремистских мировоззрений и не проявляют ярко выраженные политические взгляды. Их происхождение обычно не характеризуется социально-экономическими проблемами, безработицей или отсевом из школы, хотя довольно часто они испытывали одиночество и становились жертвой издевательств [4, с. 203–204; 8, с. 107–109; 6, с. 56–57]. Поиск общности и групповой солидарности играет важную роль в привлечении их к этим группам. Что касается готовности к насилию, решающими являются аспекты групповой динамики (конформизм и потребность произвести впечатление на других). Как правило, они не проявляют свою принципиальную готовность к насилию или общей ненависти к конкретным врагам. Однако они вполне могут быть готовы совершать акты насилия, чтобы проявить себя в глазах других в группе [25, с. 173]. Они редко являются инициаторами радикализации, авторами экстремистской идеологии, но их определяют сторонниками и последователями.

Особое разнообразие дрифтеров касается новообращенных. Это могут быть новообращенные в ислам, которые становятся частью ячеек джихада; или небелые, которые становятся частью воинствующих неонацистских групп; или лица из этнонационального большинства, которые становятся членами группы борьбы за права или отделение этнонационального меньшинства. Потому что эти странные люди несколько неуместны, они испытывают острую потребность проявить себя в качестве достойного и надежного члена группы. Они могут попытаться добиться этого, выражая твердые идеологические взгляды и готовность к совершению актов насилия. Таким образом, они могут казаться одними из самых крайних членов группы, по крайней мере, на уровне выражения. Некоторые люди этого типа имеют довольно маргинальное происхождение, другие могут быть находчивыми и альтруистичными.

Тех, у кого низкие показатели идеологической и политической мотивации, легче переубедить, поскольку они далеки от дела и идеологические дебаты не являются их заботой. Если они в основном мотивированы общением и необходимостью принадлежности к группе, они также склонны к разочарованию, если друзья, группа или лидеры не оправдывают высоких ожиданий дружбы, лояльности и лидерства.

Бывшие члены воинствующих неонацистских группировок рассказывали, как лидеры пытались манипулировать ими, чтобы они участвовали в актах насилия, которые для них самих не были комфортны, используя давление, а также обещания вознаграждения, чтобы побудить их [4, с. 217–218]. Люди, вышедшие добровольцами на джихад для борьбы с американскими захватчиками в Ираке или Афганистане, рассказывали о том, как местные лидеры пытались их уговорить участвовать в терактах смертников, а это — совсем не то, за чем они пришли. Перебежчики из организации Колумбийских партизан FARC и другие группы боевиков покинули группу, потому что они были разочарованы двойными стандартами лидеров — требованием жертв и аскетическим образом жизни пехотинцев, в то время как вожди наслаждались роскошной жизнью [22, с. 160].

Возлагая большие надежды на дружбу, верность и товарищество, наступает сильное разочарование, от того, что жизнь в воинствующей группе часто характеризуется недоверием и предательством. Давление извне и страх проникновения вызывают сильное чувство паранойи внутри группы, и зачастую заставляет людей обвинять друг друга в том, что они являются лазутчиками или потенциальными предателями. Распространение скандальных слухов и историй о других членах также является обычной практикой в экстремистских группах, в частности, в некоторых неонацистских группах [20, с. 160].

Британский боевик-исламист Мааджид Наваз был арестован по прибытии в Египет. Он провел месяцы и годы гниения в египетской тюрьме. Никто из его друзей по исламистскому движению не пытался когда-либо связаться с ним или помочь ему — он был предоставлен самому себе и своей судьбе. Единственными, кто вмешался и попытался вытащить его, были... сюрприз — Amnesty International — неправительственная организация, ориентированная на исследования в области защиты прав человека. Когда его наконец освободили, он ушел из джихадистского движения и стал соучредителем Quilliam Foundation — британского аналитического центра, работая над противодействием насильственной радикализации [3].

Для тех, кто в первую очередь мотивирован потребностью в принадлежности к альтернативным группам, нахождение в новых значимых для них группах может заменить связи с радикально настроенной ячейкой. Преданность романтическому партнеру вне группы или родительские обязанности для подростков также могут заставить молодого человека покинуть группу из-за различных приоритетов.

Интересно, что проект Exit за содействие выходу из правых экстремистских группировок и саудовская реабилитационная программа для джихадистов различными (в зависимости от культуры) способами пытались привлекать семьи и потенциальных супругов, чтобы связать этих бывших радикальных активистов с социальными обязательствами. Саудовская программа фактически помогла организовать и финансировать свадьбы для выпускников их реабилитационной программы [11, с. 217]. В нелегком скандинавском контексте авторы программы Exit, хорошо зная о реинтеграционных эффектах для бывших экстремистов от нахождения девушки/парней за пределами сцены боевиков, направили свои усилия на оказание помощи клиентам попасть в основные социальные сети, группы и мероприятия, где появлялись хорошие шансы встретить людей противоположного пола [4, с. 222; 7, с. 140].

Социально недовольная молодежь

Социально недовольная молодежь проходит совершенно разные пути воинственной радикализации. Обычно они имеют личный (реальный или воображаемый) опыт дискриминации или недобросовестной конкуренции с другими группами за скудные ресурсы, чувствуя, что у них нет перспектив на хорошее будущее [4, с. 49–50, 330–332]. Они имеют ограниченное образование или другие формы социального капитала и могут страдать от безработицы, испытывать экономические трудности. Как правило, они не придерживаются каких-либо твердых экстремистских идей или идеологий, по крайней мере первоначально. Насилие против врагов узаконивается в меньшей степени ссылкой на идеологию или политическую стратегию, чем рассеянным чувством гнева. На крайнем конце этого типа людей находятся криминальные и маргинализированные лица, для которых характерен даже более негативный социальный и биографический фон, включающий разнообразную судимость. Они, как правило, бросают школу и остаются безработными. Семейное происхождение у них особенно проблематично: распавшиеся семьи, неудовлетворительное родительское содержание, жестокое обращение, использование насилия как средства дисциплины и общения в семье, члены семьи, погибшие на войне,

а также наличие другого травмирующего опыта. Они ориентированы на действия, агрессивны и имеют высокую готовность к насилию. Для них насилие — не средство политической борьбы, а повседневный элемент разрешения конфликтов [25]. Этот тип активиста не выступает идеологизированным фанатом, но поддерживает насилие для решения личных проблем [19, с. 93–94]. Эта схема найма и радикализации в джихадизм упоминается как форма личного спасения, «я-исцеления» или «обращения». Несмотря на их проблемное прошлое и отсутствие дисциплины, такие люди могут быть полезными для группы из-за их высокой готовности к насилию и компетентности в других формах преступной деятельности, служат инструментом для финансирования террористических проектов.

Некоторые присоединяются к террористическим или другим военизированным группам, потому что их привлекает насилие, воинственность и возбуждение. У них могут быть фантазии о приключениях и героизме участия в боевой борьбе. Это высшее исполнение мужских идеалов — быть настоящим мужчиной. Однако, с другой стороны, реальность может разочаровать. Жизнь террориста большую часть времени может быть бедной и скучной, с бесконечным ожиданием каких-либо действий. Те, кого привлекает экстремальное действие, могут получить больше, чем они просили. Быть охотником может являться кратковременной перспективой, однако быть добычей, за которой охотится полиция и разведывательные службы — долгосрочная перспектива. Реальность убийства товарищей, шокирующая боль, страдания и крики ни в чем не повинных жертв вызовет энтузиазм разве что у откровенных злодеев.

Социально-экономическая политика может иметь превентивную функцию по отношению к тем, кто затронут дискриминацией, безработицей и различными формами социальной, экономической и культурной маргинализации. Так обстоит дело с некоторой долей тех, кто принимал участие в различных видах терроризма в Европе. Некоторые меры должны быть направлены на все население или группы меньшинств, таких как вновь прибывшие иммигранты, в целях облегчения общей интеграции в общество (первичная профилактика); другие вмешательства должны быть направлены на категории риска, т.е. молодежь из бедных мусульманских семей в городских районах (вторичная профилактика); и некоторые социальные меры должны быть нацелены конкретно на молодых людей, которые уже связаны с экстремистскими группами, например, обучение для работы, где они могут социально взаимодействовать с положительными образцами для подражания и обрести перспективы для более позитивного будущего (третичная профилактика).

Заключительные замечания

Деструктивные процессы вовлечения в воинствующие экстремистские группировки несут в себе определенный конструктивный потенциал размежевания с радикальной идеологией и политической практикой. Разочарование в том, что изначально привлекало их в движение — были ли это политические цели, поиск дружбы или чувства сопричастности — один из главных факторов, ведущих к процессу ухода из воинствующего движения или группы. Однако разъединение — далеко не просто обращение вспять или зеркальное отражение первоначального процесса участия в воинствующем экстремизме. В ходе своей экстремистской карьеры отдельные активисты склонны менять ценности и мотивы, а также позиции и роли в боевой группе. То, что привело их к экстремистским группам и к боевой деятельности, во-первых, может быть, а может и не быть тем же, что поддерживает их постоянное участие. Отсюда лучшее понимание процессов, вызывающих разочарование для разных типов воинствующих активистов, может позволить предложить возможности для усиления данных процессов, способствуя более высокому уровню индивидуального выхода из экстремистской группы.

Литература

1. Кугай А. И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 16–26.
2. Кугай А. И. Этиология терроризма // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 16–27.
3. *Alonso R. et al. Radicalisation processes leading to acts of terrorism: A concise report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. Brussels : Submitted to the European Commission on 15 May 2008.*
4. *Bjorgo T. Racist and right-wing violence in Scandinavia: Patterns, perpetrators and responses. Oslo : Tano-Aschehoug, 1997.*
5. *Bjorgo T. Root causes of terrorism: Myths, realities and paths forward. London : Routledge, 2005.*
6. *Bjorgo T. Conflict processes between youth groups in a Norwegian City: Polarization and Revenge // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. Vol. 13/1. 2005b.*
7. *Bjorgo T., van Donselaar J., Grunenberg S. Exit from right-wing extremist groups: Lessons from disengagement programmes in Norway, Sweden and Germany // Bjørgo & Horgan, 2008.*
8. *Bjorgo T., Carlsson Y., Haaland T. Generalisert hat — polariserte fellesskap: Om konflikter mellom ungdomsmiljøer i en norsk by. Oslo : NIBRs Pluss-serie, 4/2001.*
9. *Bjorgo T., Horgan J. Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement. London : Routledge, 2009.*
10. *Bokhari L., Hegghammer T., Lia B., Nesser P., Tønnesen T. H. Paths to global jihad: Radicalization and recruitment to terror networks. Oslo : Proceedings from a FFI Seminar. 2006.*
11. *Boucek C. Extremist re-education and rehabilitation in Saudi Arabia // Bjørgo & Horgan, 2008.*
12. *Dalgaard-Nielsen A. Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // Studies in Conflict & Terrorism. 2010. N 33 (9). P. 797–814.*
13. *Helpstein S., Abdullah N., al-Obaidi M. Deadly vanguards: A study of al-Qa'ida's violence against muslims. West Point : Combating Terrorism Center, December 2009.*
14. *Horgan J. The psychology of terrorism. London : Routledge, 2005.*
15. *Horgan J. From profiles to pathways: The road to recruitment // Peace and Security. 11 May, 2008.*
16. *LaFree G. Using open source data to counter common myths about terrorism // Forst B., 2011.*
17. *Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe // B. Cheryl (ed.). A future for the young, options for helping Middle Eastern youth escape the trap of radicalization. Washington, 2006. P. 31–49.*
18. *Nesser P. Jihadism in Europe after the Invasion of Iraq: Tracing Motivational Influences from the Iraq War on Jihadist Terrorism in Western Europe // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. N 29. P. 323–341.*
19. *Nesser P. Joining Jihadi terrorist cells in Europe: Exploring motivational aspects of recruitment and radicalization // M. Ranstorp (ed.). Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010. P. 88–114.*
20. *Ranstorp M. Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010.*
21. *Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005, to the House of Commons, to be printed 11 May 2006. London : Stationary Office, 2006.*
22. *Ribetti M. Disengagement and beyond: A case study of demobilisation in Colombia // Bjørgo & Horgan, 2008.*
23. *Slootman M., Tillie J. Processes of radicalisation. Why some Amsterdam Muslims become radicals. Amsterdam : Institute for Migrations and Ethnic Studies, University of Amsterdam. 2006.*
24. *Willems H., Eckert R., Würtz S., Steinmetz L. Fremdenfeindliche Gewalt: Einstellungen, Täter, Konflikteskalation. Opladen : Leske+Budrich, 1993.*
25. *Willems H. Development, patterns and causes of violence against foreigners in Germany: Social and biographical characteristics of perpetrators and the process of escalation // T. Bjørgo (ed.). Terror from the extreme right. London : Frank Cass, 1995.*

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

References

1. Kugay A. I. Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 2. P. 16–26 (in Rus).
2. Kugay A. I. Etiology of terrorism // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 3. P. 16–27 (in Rus).
3. Alonso R. et al. Radicalisation processes leading to acts of terrorism: A concise report prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation. Brussels : Submitted to the European Commission on 15 May 2008.
4. Bjorgo T. Racist and right-wing violence in Scandinavia: Patterns, perpetrators and responses. Oslo : Tano-Aschehoug, 1997.
5. Bjorgo T. Root causes of terrorism: Myths, realities and paths forward. London : Routledge, 2005.
6. Bjorgo T. Conflict processes between youth groups in a Norwegian City: Polarization and Revenge // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. Vol. 13/1. 2005b.
7. Bjorgo T., van Donselaar J., Grunenbergs S. Exit from right-wing extremist groups: Lessons from disengagement programmes in Norway, Sweden and Germany // Bjørgo & Horgan, 2008.
8. Bjorgo T., Carlsson Y., Haaland T. Generalisert hat — polariserte fellesskap: Om konflikter mellom ungdomsmiljøer i en norsk by. Oslo : NIBRs Pluss-serie, 4/2001.
9. Bjorgo T., Horgan J. Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement. London : Routledge, 2009.
10. Bokhari L., Hegghammer T., Lia B., Nesser P., Tønnesen T. H. Paths to global jihad: Radicalization and recruitment to terror networks. Oslo : Proceedings from a FFI Seminar. 2006.
11. Boucek C. Extremist re-education and rehabilitation in Saudi Arabia // Bjørgo & Horgan, 2008.
12. Dalgaard-Nielsen A. Violent radicalization in Europe: What we know and what we do not know // Studies in Conflict & Terrorism. 2010. N 33 (9). P. 797–814.
13. Helfstein S., Abdullah N., al-Obaidi M. Deadly vanguards: A study of al-Qa'ida's violence against muslims. West Point : Combating Terrorism Center, December 2009.
14. Horgan J. The psychology of terrorism. London : Routledge, 2005.
15. Horgan J. From profiles to pathways: The road to recruitment // Peace and Security. 11 May, 2008.
16. LaFree G. Using open source data to counter common myths about terrorism // Forst B., 2011.
17. Nesser P. Profiles of Jihadist Terrorists in Europe // B. Cheryl (ed.). A future for the young, options for helping Middle Eastern youth escape the trap of radicalization. Washington, 2006. P. 31–49.
18. Nesser P. Jihadism in Europe after the Invasion of Iraq: Tracing Motivational Influences from the Iraq War on Jihadist Terrorism in Western Europe // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. N 29. P. 323–341.
19. Nesser P. Joining Jihadi terrorist cells in Europe: Exploring motivational aspects of recruitment and radicalization // M. Ranstorp (ed.). Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010. P. 88–114.
20. Ranstorp M. Understanding violent radicalisation: Terrorist and Jihadist movements in Europe. London : Routledge, 2010.
21. Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005, to the House of Commons, to be printed 11 May 2006. London : Stationary Office, 2006.
22. Ribetti M. Disengagement and beyond: A case study of demobilisation in Colombia // Bjørgo & Horgan, 2008.
23. Slootman M., Tillie J. Processes of radicalisation. Why some Amsterdam Muslims become radicals. Amsterdam : Institute for Migrations and Ethnic Studies, University of Amsterdam. 2006.
24. Willems H., Eckert R., Würtz S., Steinmetz L. Fremdenfeindliche Gewalt: Einstellungen, Täter, Konflikteskalation. Opladen : Leske+Budrich, 1993.
25. Willems H. Development, patterns and causes of violence against foreigners in Germany: Social and biographical characteristics of perpetrators and the process of escalation // T. Bjørgo (ed.). Terror from the extreme right. London : Frank Cass, 1995.

About the author:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru

Исторические законы в системе современных знаний о прошлом человеческого общества

Гончаренко Л. Н.¹, Авакова Э. Б.^{2, *}

¹ Балтийский гуманитарный институт, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elina_avakova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос о существовании специфических исторических (общесоциологических) закономерностей, действующих на протяжении всех этапов человеческой истории и отличных от других законов общественного бытия. Авторами принята попытка на основе имеющихся научных наработок, методологических подходов и идей мыслителей как далекого, так и совсем недавнего прошлого, сформулировать наиболее очевидные основные исторические законы. Авторы определяют следующий перечень исторических законов, которые отражают в самом концентрированном виде современный уровень знаний о мировом историческом процессе: закон цикличности; закон цивилизационной, событийной и персональной уникальности исторического процесса; закон баланса и борьбы личных, групповых, корпоративных, государственных и цивилизационных интересов; закон причинно-следственных связей; закон нереализованных альтернатив; закон непреднамеренных последствий. Они относятся ко всему массиву прошлого человеческого общества, носят синтетический, комплексный, многомерный и всеохватывающий характер и проявляются во все без исключения периоды истории человечества, а значит открывают возможность к более осознанному восприятию настоящего и формированию общих научных представлений о глубинных механизмах будущего развития общества.

Ключевые слова: исторические законы, общесоциологические закономерности, исторический процесс, общественное развитие, историческое познание

Для цитирования: Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Исторические законы в системе современных знаний о прошлом человеческого общества // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 132–141.

Historical Laws in the System of Modern Knowledge about the Past of Human Society

Lev N. Goncharenko¹, Elina B. Avakova^{2, *}

¹Baltic Institute of Humanities, Saint Petersburg, Russian Federation

²Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russian Federation; *elina_avakova@mail.ru

ABSTRACT

This article examines the question of the existence of specific historical (general sociological) laws that operate throughout all stages of human history and differ from other laws of social existence. The authors have attempted to formulate the most obvious basic historical laws based on the available scientific developments, methodological approaches and ideas of researchers from both the distant and very recent past. The authors define the following list of historical laws: the law of cyclicity; the law of civilizational, event-based and personal uniqueness of the historical process; the law of balance and struggle of personal, group, corporate, state and civilizational interests; the law of cause-and-effect relationships; the law of unrealized alternatives; the law of unintended consequences. They reflect in the most concentrated form the current level of knowledge about the world historical process. They relate to the entire array of the past of human society. They are synthetic, complex, multidimensional and all

encompassing. They manifest themselves in all periods of human history without exception. Therefore, they open up the possibility of a more conscious perception of the present and the formation of general scientific ideas about the deep mechanisms of the future development of society.

Keywords: historical laws, general sociological patterns, historical process, social development, historical cognition.

For citing: Goncharenko L. N., Avakova E. B. Historical laws in the system of modern knowledge about the past of human society // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 132–141.

Введение

Научное историческое знание предполагает изучение событий, судеб отдельных людей, а также причинно-следственных связей, тенденций, закономерностей, сущностей и смыслов всего того, что уже произошло с человеческим обществом во всей совокупности его жизнедеятельной активности. Изучение необходимо для того, чтобы извлечь уроки, понять внутренние механизмы исторического процесса, попытаться спрогнозировать развитие исторических событий и процессов. Историческая наука ставит задачу синтезировать весь комплекс методов познания, накопленных всеми гуманитарными науками и применять эти методы к изучению прошлого. При этом историческое познание, в отличие от познания естественнонаучного, имеет свою специфику. Оно не имеет возможности ни воссоздать прошлое в целях его изучения, ни прибегнуть к таким научным инструментариям, как эксперимент или непосредственное наблюдение либо обследование предмета своего изучения. Настоящее, в котором живет сам историк-исследователь, ежемоментно уходит в недалекое, а затем во все более и более отдаленное прошлое и также превращается в то, что принято называть историей. Поскольку настоящее есть не что иное, как будущее прошлого, и одновременно выступает прошлым будущего, то весь исторический период, который предшествовал каждому конкретному настоящему, требует самого серьезного научного анализа, историко-философского осмысления и извлечения уроков. Это тем более важно, поскольку каждое конкретное мгновение человеческого бытия, переходя в прошлое, продолжает оказывать большее или меньшее воздействие на всю последующую жизнь каждого конкретного человека, а вместе с ним и социумов в целом.

К числу важнейших составляющих исторического познания относится фундаментальный вопрос о существовании специфических исторических (общесоциологических) закономерностей, действующих на протяжении всех этапов человеческой истории и отличных от других законов общественного бытия. Этот вопрос не может считаться окончательно решенным и на сегодняшний день вызывает дискуссии, в ходе которых, порой, высказываются самые разные мнения. Данные обстоятельства определяют актуальность и научную значимость настоящей работы.

Теоретические основы

Мировая наука прошла большой путь, пытаясь ответить на вопрос о существовании исторических закономерностей. Этот вопрос волновал еще мыслителей далекого прошлого, в частности, рассуждения на данную тему можно обнаружить в сочинениях Фукидида и Полибия. Господствовавшая в эпоху европейского средневековья концепция провиденциализма, мистической предопределенности человеческой деятельности являлась попыткой объяснить ход истории проявлением божественной воли и выполнением (или нарушением) человеком божественных заповедей. Д. Б. Вико говорил о цикличности истории. Успехи в области естествознания и точных наук, открытие

целого ряда законов и закономерностей в эпоху европейского Просвещения породили убеждение, что общественные процессы, в том числе и относящиеся к сферам исторического знания, также носят закономерный характер. Как писал Ш. Монтескье, «все, что существует, имеет свои законы» [22, с. 163]. Им была выдвинута теория географического детерминизма, сторонниками которой были Э. Реклю, М. Ковалевский и многие другие философы и историки. И.Г. Гердер говорил о связи законов природы и общественного бытия. Французские материалисты и историки К.А. Гельвеций, О. Тьерри, Ф. Гизо, О. Минье связывали исторические закономерности с действием социально-экономических факторов, стремлениями людей к защите своих интересов. На новую высоту все эти вопросы были подняты Г.-В.-Ф. Гегелем, сформулировавшим диалектические законы и трактовавшим свободу человека как осознанную необходимость. При этом он рассматривал отдельных людей и целые народы только лишь в качестве орудий мирового духа, развивающегося по сверхличностным законам мирового разума.

Важным этапом в разработке проблемы исторических закономерностей явилось появление теории марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали оригинальную теорию «материалистического понимания истории», вошедшую в историю человеческой мысли как «исторический материализм». Ими был сформулирован ряд общесоциологических законов, в том числе закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к историческому сознанию, закон о соответствии производственных отношений характеру производительных сил, закон прогрессивной смены социально-экономических формаций, закон классовой борьбы, закон о всемирно-исторической миссии пролетариата и ряд других. Исторический процесс был представлен как прогрессивное движение с неизбежностью приводящее человечество к «золотому веку» — коммунизму. Это не помешало основоположникам марксизма на раннем этапе их научной деятельности заявлять, что «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [21, с. 102.]. Выдвинутые ими представления о закономерностях и особенностях исторического процесса, их взгляд на общество как на сложную систему, находящуюся в непрерывном взаимодействии элементов, породили огромную литературу как апологетического, так и критического свойства. Сформулированные ими гипотезы в сочетании с материалистическим подходом к анализу общественных процессов оказали большое влияние на развитие социально-гуманитарных наук, а само учение стало идейной основой мощных общественно-политических движений, охвативших многие страны мира. Данный взгляд на историю в догматизированном и упрощенном виде был имплантирован в общественное сознание в СССР и других государствах советского блока и на семь десятилетий стал стержнем государственной идеологии этих стран.

Уже при жизни основоположников марксизма их взгляды были подвергнуты серьезной критике, касающейся как роли экономического детерминизма в истории, так и перспектив развития человечества. Отечественными и западными мыслителями был выдвинут ряд альтернативных моделей исторического процесса, рассматривавших его как смену цивилизаций (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев), в основу возникновения, существования и гибели которых были положены самые разные причины. Данные концепции имеют ряд серьезных отличий, однако их авторы формулируют свои взгляды в рамках единого понимания мировой истории как последовательной смены глобальных и локальных цивилизаций [8; 9; 13; 25; 27; 31; 32; 33, р. 3–7].

Согласно им, социальная динамика представлялась не как неумолимое движение к более совершенному состоянию общества, а как своеобразный цикл подъема, расцвета и упадка, повторяющийся по мере завершения циклов развития отдельных цивилизаций.

В 20–30-е годы XX в. ведущую роль в осмыслении истории приобрела школа «Анналов», видные представители которой (Ф. Бродель, Л. Февр, М. Блок) продолжили разработку системного подхода к пониманию истории, однако предложили избавиться от узости экономического детерминизма, говоря о необходимости учета всего многообразия факторов, определяющих ход исторического процесса. Распад Советского Союза, отказ целого ряда стран от попыток строительства социализма советского образца, а также крах надежд на мировую пролетарскую революцию и возможность построения коммунизма в мировом масштабе способствовали еще большему разочарованию в идеях марксизма и усилению критики основополагающих положений этого учения.

В позднесоветский период активизировалась дискуссия о законах общественно-го развития, и была высказана мысль о существовании двух типов законов: общесоциологических (они же законы исторического материализма) и собственно исторических [11, с. 63; 26, с. 211–212]. Утверждалось, что первые носят первичный характер, а вторые могут быть открыты в процессе исследования конкретных исторических эпох. Как писал Е. М. Жуков, исторические законы «подчинены общесоциологическим законам» [15, с. 67]. Им же была высказана мысль, что «любой, даже самый абстрактный, социологический закон является также и историческим законом» [15, с. 67]. М. А. Барг отмечал, что «единственная возможность разграничения предметной области социологии и истории заключается в разграничении уровня сущности, на котором она изучается каждой из указанных дисциплин» [2, с. 23, 24.]. В конечном счете академик И. Д. Ковальченко счел возможным заявить, что «объективная реальность, в том числе и общественная, характеризуется не только многообразием, но и единством. Поэтому сущности и законы общественной жизни всех уровней доступны познанию не только социологией, но и любой общественно-гуманитарной науке. Все зависит от глубины проникновения в объект познания» [17, с. 56]. Объем данной работы не позволяет детально проанализировать взгляды позднесоветских и современных отечественных историков и философов по проблемам существования исторических закономерностей. Отметим лишь несомненный вклад в разработку данной проблематики упоминавшихся выше М. А. Барга, Е. М. Жукова и А. Д. Ковальченко, а также Ю. М. Лотмана, А. В. Гулыги, А. Я. Гуревича, М. Я. Гефтера, Л. Е. Кертмана и ряда других исследователей [5; 7; 10; 16; 20, с. 56–59 и др.].

Французский социальный мыслитель А. Сен-Симон в свое время сформулировал закон эволюции всех обществ. История дает основание сделать такой вывод. Страны последовательно проходят путь от господства сельского хозяйства к господству промышленности, и в дальнейшем — к господству сферы услуг. Подход, основанный на выделении господствующей отрасли хозяйства, получил развитие в трудах О. Конта, Э. Дюркгейма, Р. Арона, Д. Белла, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта и др. [3; 12; 14; 18, с. 549–585; 23; 28; 29].

Одна из известных универсальных закономерностей развития социума гласит, что народы и нации развиваются с неодинаковой скоростью. Следствие — естественное формирование неравенства между народами, нациями, регионами [19, с. 353]. На уровне общечеловеческой цивилизации обнаруживается и другая закономерность — ускорения развития общества. Очевидно, что каждый последующий этап общемирового развития короче предыдущего в 3–4 раза, а в XX в. скорость смены орудий труда и технологий стала опережать скорость смены поколений людей.

У. Огборн сформулировал закон культурного отставания, согласно которому изменения в области материальной культуры происходят более быстрыми темпами, чем в области нематериальной культуры [30]. Вместе с тем обнаружен и закон возвышения потребностей — по мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, качественно новые, более развитые потребности.

Закон возвышения потребностей согласуется с иерархией подсистем — органической, личностной, социальной и культурной (Т. Парсонс), с иерархией мотивов по А. Маслоу, с теорией уровней коммуникативного пространства В. В. Гуленко [6].

Результаты и обсуждение

В «новой исторической науке», в рамках которой происходило развитие школы «Анналов» в 60–70-е гг. XX в., а также в работах ученых-гуманитариев других школ и направлений возобладал ряд новых подходов к пониманию мирового исторического процесса. Произошел отказ от экономического детерминизма и был сформирован новый взгляд на историю как на исключительно сложный, многофакторный процесс, основанный на взаимодействии большого количества компонентов, процессов и систем. Что касается исторических закономерностей, то по этому вопросу продолжает существовать большой разброс мнений: от попыток создания новых моделей социальной динамики до полного отрицания каких-либо закономерностей и взгляда на исторический процесс как на производное от сложного взаимодействия случайностей, спонтанных ситуативных решений и волюнтаристских действий его отдельных субъектов. Участники идущего уже много десятилетий дискурса, черпающие свои взгляды у основоположников позитивизма и представителей постмодернистских течений в философии, высказывают разного рода суждения о конце истории, невозможности ее познания, отрицается, порой, и само признание истории наукой. Сам исторический процесс зачастую рассматривается как иррациональный, вышедший из-под контроля поток событий, не поддающийся рациональному объяснению, а задача историка сводится к собиранию и хранению фактов прошлого. Насколько оправданы такие подходы? Не ведут ли они к ситуации, когда «вместе с водой можно выплеснуть и ребенка»? Ответы на эти вопросы имеют первостепенное значение для всего спектра социогуманитарных наук, тем более что споры о существовании или отсутствии исторических закономерностей продолжают и выступают в качестве одного из важнейших направлений перманентно идущего историко-философского дискурса.

Цель данной работы в пределах ее ограниченного объема — еще раз коснуться данной проблематики и на основе имеющихся научных наработок попытаться сформулировать наиболее очевидные, по мнению авторов, исторические законы.

Прежде чем обозначить важнейшие закономерности исторического процесса, необходимо сформулировать ряд важных методологических подходов. Авторы не разграничивают и не противопоставляют друг другу понятия «закон» и «закономерность» и исходят из того, что общая интерпретация закона (общественной закономерности) состоит в том, что он (она) представляет собой объективно существующие, необходимые, существенные, постоянно воспроизводимые в пространстве и во времени связи явлений общественной жизни¹. Что касается закономерности, то она является ничем иным как действием, соответствующим закону и им определяемым.

По мнению некоторых исследователей [4; 24], социологические законы — это законы, действия которых развертываются в сфере общего в историческом процессе, исторические законы же реализуются в сфере особенного. В. Н. Антошкин выдвинул предложение подразделять социальные законы на универсальные и плюралистические [1]. Но, как известно, отдельное не существует иначе как в связи, которая ведет к общему. Поэтому отнести социологические законы к сфере общего, оторвать их от формы проявления или действительного бытия, а механизмы их

¹ Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b37a6dd7a2f78045fb64b> (дата обращения 08.09.2022).

действия назвать уже другими историческими закономерностями, — это значит в методологическом аспекте противопоставить закон в идеальном виде закону в его действительном проявлении, то есть закономерности.

Изучение механизма действия социальных законов непосредственно приводит к открытию специфических исторических закономерностей. Они не исключают закономерности, открытые исследователями применительно к конкретным эпохам, равно как не отменяют действие в прошлом всей совокупности законов, установленных другими социогуманитарными науками. Такой взгляд еще раз подтверждает взгляд на историю как синтетическую, комплексную науку о человеческом обществе. Специфические исторические закономерности сосуществуют с общесоциологическими (историческими) законами, расширяя их понимание и подтверждая эти законы, поскольку все существенные исторические изменения общественных явлений протекают, в конечном счете, как изменения всего социального организма на конкретном временном отрезке времени существования мировой цивилизации.

Уместно также более четко разграничить понятия «фактор» и «исторический закон», тем более что в ходе научных дискуссий иногда происходит смешение или даже подмена этих понятий. Как известно, на ход истории влияет множество факторов: экономических, географических, климатических, демографических, духовных и социально-психологических. Факторы можно также подразделить на субъективные и объективные, долговременные и сиюминутные, главные и второстепенные, а также случайные, спонтанные, неожиданные и т. д. Закон же характеризуется универсальностью, всеобщностью и временной неограниченностью действия. Исторический (общесоциологический) закон есть философско-историческая категория, отражающая общие, сущностные, повторяющиеся общественные связи субъектов общественных отношений, выявленные на материале прошлого человеческого общества.

Очевидно, что исторические законы, как и научные законы вообще, можно подразделить на три основные группы: 1) открытые; 2) пока неизвестные, установление которых, как можно предположить, произойдет в определенной перспективе; 3) законы, которые, вполне вероятно, могут и вовсе остаться недоступными человеческому разуму. Все они, тем не менее, действуют объективно, определяя ход исторического процесса вне зависимости от понимания всей их совокупности исследователями прошлого. Выявление определенных закономерностей исторического процесса — живой научный процесс, он происходил и продолжает происходить по мере накопления и развития научных знаний в социально-гуманитарной сфере, формируясь в результате столкновений различных мнений, выдвижения и критики разного рода гипотез, а также накопления исторического опыта многими поколениями людей.

Исходя из всего вышесказанного представляется вполне уместным, опираясь на гениальные догадки и открытия мыслителей как далекого, так и совсем недавнего прошлого, сформулировать основные исторические законы:

- закон цикличности. Этот закон носит универсальный природный, в том числе, космический характер, а в рамках социума планеты Земля в полной мере относится к жизни каждого конкретного человека, отдельных социальных общностей и целых цивилизаций. Общими стадиями этого процесса являются: зарождение, рождение, стадии зрелости и старения и неизбежная смерть. Цикличность может быть насильственно прервана или видоизменена, вновь проходя неизбежные стадии своей эволюции;
- закон цивилизационной, событийной и персональной уникальности исторического процесса. Каждая цивилизация уникальна, ни одно событие в истории не может быть повторено или воссоздано в тех же конкретных условиях и с тем же составом участников, а каждая человеческая личность неповторима и своеобразна;

- закон баланса и борьбы личных, групповых, корпоративных, государственных и цивилизационных интересов. Историческая наука лишь идеологически обосновывает интересы, с неизбежностью сочетая в себе функции идейного обоснования и научного понимания прошлого человеческого общества;
- закон причинно-следственных связей. Ни одно историческое событие, даже воспринимаемое человеком как случайное, не происходит без причины. Причиной может выступать, в том числе, и само существование субъектов и объектов, участвующих в том или ином историческом действии, событии, эпизоде или процессе;
- закон нереализованных альтернатив. Исторический процесс, то есть Прошлое, также как Настоящее и Будущее, неизбежно содержит в себе целый комплекс тенденций социальной жизни, стремлений и желаний субъектов исторического процесса, в том числе весьма далеких от объективных тенденций развития общества, а иногда и вовсе фантастических, не укладывающихся в головы большинства современников. Тем не менее, они могут быть реализованы в истории в результате стечения ряда обстоятельств и действия субъективных факторов, вызвав впоследствии распространённое суждение, что «история не имеет слагательного наклонения». Нереализованные альтернативы могут не исчезнуть без следа и вполне реализоваться на последующих витках истории;
- закон непреднамеренных последствий. Действие этого закона может быть предсказано, противниками той или иной исторической альтернативы, а может возникнуть в результате нового сочетания обстоятельств, в результате случая, ошибки или просчета субъекта исторического процесса. Наиболее распространённым и очевидным примером такого хода истории является, в частности, неожиданная или преждевременная смерть той или иной ключевой исторической фигуры в процессе предпринимаемого ею действия.

Все сформулированные выше исторические законы относятся ко всему массиву истории (прошлого человеческого общества), они носят синтетический, комплексный, многомерный и всеохватывающий характер и проявляются во все без исключения периоды истории человечества. Их выявление основано, прежде всего, на анализе всего массива событий всемирной истории, для них характерен временной и пространственный универсализм, их действие проявляется в истории всех эпох, стран и народов. Исторические законы носят интегральный характер. Это устойчивые и систематически воспроизводимые механизмы отношений между этносами, нациями, классами, государствами, партиями, экономическими и духовными корпорациями и иными субъектами истории, между обществом в целом и всеми без исключения, в том числе и индивидуальными субъектами исторического процесса.

Заключение

На сегодняшний день все более очевидным становится то, что закономерности исторического процесса отражают не неумолимую predeterminedность и прогрессивность либо, напротив, стохастичность истории, а раскрывают механизмы исторической динамики, имманентно присущей истории человечества. В этом принципиальное отличие исторических законов, то есть общих социальных законов, выявленных на основе анализа Прошлого человеческого общества, от закономерностей, выявляемых собственно социологической наукой. Последние носят, как правило, конкретный характер, основываются на вполне определенных научных методиках. Они характеризуют функционирование и развитие непосредственно наблюдаемых социальных объектов (общества в целом, общественных институтов, организаций, структур, отдельных сфер жизнедеятельности общества, социальных процессов и явлений) и не касаются всего многовекового контекста явлений прошлого. Закономерности, выявляемые на основе конкретных социологических ис-

следований, опираются на математику, статистику и современные информационные технологии. Эти исследования касаются широкого спектра демографических, политических и экономических проблем, в том числе изучения электоральных предпочтений избирателей, динамики роста населения и других социальных процессов современности. Обозначенные же выше исторические законы отражают в самом концентрированном виде современный уровень знаний о мировом историческом процессе. Они дают возможность связать воедино всю совокупность объективных и субъективных факторов и событий истории, позволяют лучше понять смыслы пройденного человечеством исторического пути, а также открывают возможность к более осознанному восприятию настоящего и формированию общих научных представлений о глубинных механизмах будущего развития общества.

Литература

1. Антошкин В. Н. Социальные законы и социальное управление // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1–1. С. 594–597.
2. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М. : Наука, 1984.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. М. : Academia, 1999.
4. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999.
5. Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М. : Прогресс, 1991.
6. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды. Соционика и социоанализ для руководителей. Новосибирск : Ред.-изд. предприятие экон. лит., 1995.
7. Гулыга А. В. О характере исторического знания // Вопросы философии. 1962. № 9. С. 28–38.
8. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М. : АСТ, 2008.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Кристалл, 2001.
10. Гуревич А. Я. Историк у верстока // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 100–114.
11. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969.
12. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1976.
13. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Институт русской цивилизации, 2008.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991.
15. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М. : Наука, 1980.
16. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55–68.
17. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987.
18. Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. М. : Мысль, 1971. Т. 3.
19. Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собр. соч. Т. 26. М. : Госполитиздат. 1961.
20. Лотман Ю. М. Клио на распутье // Новое время. 1993. № 47. С. 56–59.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
22. Монтескье Ш. Избранные сочинения. М. : Госполитиздат, 1955.
23. Ростоу У. Политика и стадии роста. М. : Прогресс, 1973.
24. Сайдазимов К. Т., Хайдаров Х. М. Специфика социального закона // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. С. 165–168.
25. Тойнби А. Д. Цивилизация пред судом истории. М. : Прогресс; СПб. : Культура, 1996.
26. Уледов В. К. Социологические законы. М. : Мысль, 1975.
27. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. / пер. И. И. Маханькова. М. : Айрис-пресс, 2003.
28. Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle // Idées. N 19. Paris : Gallimard, 1962.
29. Galbraith J. K. Countervailing power // The American Economic Review. 1954. Vol. 44. N 2.
30. Ogburn W. F. Social Change with Respect to Culture and Original Nature. New York : B. W. Huebsch, Inc. 1922.
31. Spengler O. The Decline of the West. М. : Alfa-kniga, 2010.
32. Toynbee A. J. A study of history. Vol. 12. Reconsiderations. New York : OUP, 1964.
33. Toynbee A. J. What I am trying to do A Study of History // Toynbee and History. Boston, 1956.

Об авторах:

Гончаренко Лев Николаевич, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского гуманитарного института (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; lngksp@rambler.ru

Авакова Элина Борисовна, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; elina_avakova@mail.ru

References

1. Antoshkin V.N. Social laws and social management // Bulletin of Bashkir University. 2012. Vol.17. N 1–1. P. 594–597 (in Rus).
2. Barg M.A. Categories and methods of historical science. M. : Nauka, 1984 (in Rus).
3. Bell D. The coming post-industrial Society. The experience of social forecasting: trans. from English. M. : Academy, 1999 (in Rus).
4. Vasilkova V.V. Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization. SPB. : Lan, 1999 (in Rus).
5. Gefter M.Ya. From those and these years. M. : Progress, 1991 (in Rus).
6. Gulenko V.V. Management of a well-coordinated team. Socionics and socioanalysis for managers. Novosibirsk : Ed.-ed. enterprise ekon. lit., 1995 (in Rus).
7. Gulyga A.V. About the nature of historical knowledge // Questions of philosophy. 1962. N 9. P. 28–38 (in Rus).
8. Gumilev L.N. From Russia to Russia: Essays on Ethnic History. M. : AST, 2008 (in Rus).
9. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. SPb. : Kristall, 2001 (in Rus).
10. Gurevich A.Ya. The historian at the layout // Domestic notes. 2004. N 5. P. 100–114 (in Rus).
11. Gurevich A.Ya. About historical regularity // Philosophical problems of historical science. M. : Nauka, 1969 (in Rus).
12. Galbraith J. Economic theories and goals of society. M. : Progress, 1976 (in Rus).
13. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. M. : Institute of Russian Civilization, 2008 (in Rus).
14. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. M. : Nauka, 1991 (in Rus).
15. Zhukov E.M. Essays on the methodology of history. M. : Nauka, 1980 (in Rus).
16. Kertman L.E. Laws of historical situations // Questions of history. 1971. N 1. P. 55–68 (in Rus).
17. Kovalchenko I.D. Methods of historical research. M. : Nauka, 1987 (in Rus).
18. Kont O. The course of positive philosophy // Anthology of World philosophy. M. : Mysl, 1971. Vol. 3 (in Rus).
19. Lenin V.I. On the slogan of the United States of Europe // Complete Works. M. : Gospolitizdat. Vol. 26. 1961 (in Rus).
20. Lotman Yu.M. Clio at the crossroads // Novoe vremya. 1993. N 47. P. 56–59 (in Rus).
21. Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 2 (in Rus).
22. Montesquieu Sh. Selected essays. M. : Gospolitizdat, 1955 (in Rus).
23. Rostow U. Politics and stages of growth. M. : Progress, 1973 (in Rus).
24. Saydazimov K.T., Khaidarov H.M. Specificity of social law // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. P. 165–168 (in Rus).
25. Toynbee A.D. Civilization before the court of history. M. : Progress; St. Petersburg: Kultura, 1996 (in Rus).
26. Uledov V.K. Sociological laws. M. : Mysl, 1975 (in Rus).
27. Spengler O. The Decline of Europe: in 2 vols. / transl. I.I. Makhankov. M. : Iris-press, 2003 (in Rus).
28. Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle // Idées. N 19. Paris : Gallimard, 1962.
29. Galbraith J.K. Countervailing power // The American Economic Review. 1954. Vol. 44. N 2.
30. Ogburn W.F. Social Change with Respect to Culture and Original Nature. New York : B.W. Huesch, Inc. 1922.
31. Spengler O. The Decline of the West. M. : Alfa-kniga, 2010.
32. Toynbee A.J. A study of history. Vol. 12. Reconsiderations. New York : OUP, 1964.
33. Toynbee A.J. What I am trying to do A Study of History // Toynbee and History. Boston, 1956.

About the authors:

Lev N. Goncharenko, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of Baltic Institute of Humanities (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; Ingksp@rambler.ru

Elina B. Avakova, Associate Professor of the Graduate School of Media Communications and Public Relations of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, the Department of Advertising and Public Relations of Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Sciences (Sociology); elina_avakova@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2023. № 2(170)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 09.02.2023.
Подписано к печати 27.02.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,61. Тираж 50 экз.
Заказ № 2/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97